
Э.Б. БЕРНШТЕЙН

АРХИТЕКТУРА БАЛКАРСКОГО НАРОДНОГО ЖИЛИЩА

МОСКВА
1993

СОДЕРЖАНИЕ

Вступление 3 УСЛОВИЯ ФОРМИРОВАНИЯ АРХИТЕКТУРЫ БАЛКАРСКОГО НАРОДНОГО ЖИЛИЩА 7

- 1. Исторические условия 7
- а) О происхождении балкарцев 7
- б) О времени и процессе заселения. О датировке построек 7
- в) О влияниях и традициях 9
- 2. Физико-географические условия 9
- 3. Социально-экономические условия 10

ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА БАЛКАРСКОГО ЖИЛИЩА И ЕГО ЭВОЛЮЦИИ 12

- 1. Жилище, усадьба (Большой дом. Зимнее помещение для скота. Жилые пристройки. Кунацкая. Двор) 12
- 2. О поселениях 16

КЛАССИФИКАЦИЯ ЖИЛИЩ 19

- 1. Типы жилищ 19
- 2. Разновидности жилищ 19
- 3. Об этажности 22

КОНСТРУКТИВНЫЕ ЭЛЕМЕНТЫ ПОСТРОЕК 25

- 1. Стены балкарских жилищ и хозяйственных построек 25
- 2. Деревянные опоры 27
- 3. Кровля 29
- 4. Дверные и оконные проемы 31
- 5. Очаг 33

ЗНАЧЕНИЕ ИЗУЧЕНИЯ БАЛКАРСКОГО НАРОДНОГО ЗОДЧЕСТВА 36

- 1. Место народного зодчества Балкарии
во всеобщей истории архитектуры 36
- 2. Традиционное народное зодчество и современное
жилищное строительство сельских районов Балкарии 36

ВЫВОДЫ 38

ПРИМЕЧАНИЯ 39

СПИСОК ИЛЛЮСТРАЦИЙ 40

ИЛЛЮСТРАЦИИ 42

- I. ЧЕРЕК-БАЛКАРСКОЕ УЩЕЛЬЕ
43
- II. ХУЛАМ-БЕЗЕНГИЙСКОЕ УЩЕЛЬЕ
55
- III. ЧЕГЕМСКОЕ УЩЕЛЬЕ
86
- IV. БАКСАНСКОЕ УЩЕЛЬЕ
124

СРАВНИТЕЛЬНЫЕ ТАБЛИЦЫ эволюции планировки и конструкции балкарских жилищ 154

Э.Б.БЕРНШТЕЙН

АРХИТЕКТУРА
БАЛКАРСКОГО НАРОДНОГО
ЖИЛИЩА

МЕЖДУНАРОДНЫЙ ФОНД ИСТОРИИ НАУКИ,
ИЗДАТЕЛЬСТВО "ДИКСИ",
МОСКВА, 1993

Предлагаемые вниманию читателя описание и характеристика архитектуры балкарского народного жилища — результат обследования, осуществленного автором более пятидесяти лет назад, в 1938 году.

Тогда, по мере продвижения через горные перевалы, в десятках селений всех четырех ущелий Балкарии были осмотрены многочисленные жилища, а наиболее типичные — тщательно зафиксированы: сделаны натурные зарисовки общего вида селений, внешнего вида жилищ и их интерьеров, произведены натурные обмеры, по которым впоследствии выполнены в масштабе генпланы некоторых поселений, планы усадеб, отдельных жилищ, их фасады и разрезы, с показом деталей и конструктивных узлов. Попутно были зарисованы хозяйствственные постройки, мельницы, мосты, системы водоснабжения, могильники и боевые башни.

Анализ этого материала был изложен в докладе, прочитанном в 1959 году в г. Нальчике на специальной сессии Кабардино-Балкарского научно-исследовательского института, в фонды которого поступила примерно четвертая часть графического материала, описанного выше и лишь ныне публикуемого здесь в полном объеме.

Содержание доклада было опубликовано в материалах сессии, изданных в 1960 году, и положено в основу настоящего исследования.

Все иллюстрации скомпонованы по историко-географическому принципу — по отдельным горным ущельям Балкарии в порядке, соответствующем последовательности заселения и освоения этой территории балкарцами.

ВСТУПЛЕНИЕ

Архитектура балкарского жилища может быть признана архитектурой в буквальном смысле весьма условно. Если под этим понятием подразумевать "искусство сооружать здания, имеющие не только подъездное, утилитарное назначение, но и художественное, эстетическое", то это последнее в традиционном балкарском жилище, как заранее заданный элемент, полностью отсутствовало, за исключением одной-единственной детали, имевшей, помимо функционального, декоративное значение — лобовой доски дверных и оконных проемов, о которой подробнее будет сказано ниже. Более того, именно отсутствие элементов декоративно-художественной обработки отличало балкарское жилище от народного зодчества таких областей Кавказа, как Дагестан, Осетия, Чечено-Ингушетия и Сванетия.

В жилищах Балкарии формирование внешнего облика в целом и отдельных частей построек обуславливалось прежде всего решением утилитарных задач. И это несмотря на то, что возникновение и развитие традиционных форм жилищ балкарских поселений относилось ко времени более позднему, нежели в других соседних районах. Очевидно, именно поэтому, как до упомянутого выше обследования 1938 года, так и после него, в течение длительного времени Балкария оставалась вне поля зрения исследователей народного зодчества, хотя через нее проходят весьма проторенные туристические маршруты, так что ее селения находились постоянно на виду.

Когда же в последние годы, наконец, стал проявляться определенный интерес к этой проблеме, оказалось, что после Великой Отечественной войны, пламя которой бушевало и в этих краях, и всех последовавших за ней событий от основной массы старинных балкарских поселений не осталось почти ничего. Во всяком случае, из множества тех наиболее типичных объектов, которые были зафиксированы при упомянутом выше обследовании 1938 года, уцелел, и то в значительно искаженном виде, лишь один комплекс усадьбы Ахмана Кулиева в Эльтюбю, да еще едва уловимые остатки двухэтажной постройки в Булунгу, возле которой когда-то ее строитель — 130-летний Kay говорил: "Много сюда людей приходило, сказки записывали, песни наши, а вот как мы дома строим, ты первый спрашиваешь".

Таким образом, если в 1938 году главной трудностью при обследовании балкарских жилищ была сложность выбора наиболее типичного из всего обилия существовавших тогда построек, то в дальнейшем не только трудностью, но, пожалуй, и непреодолимым препятствием в такой работе явилось почти полное отсутствие их в натуре.

Вот почему чуть ли не главным источником для дальнейшего изучения балкарских жилищ оказались результаты упомянутого выше обследования. В этом нетрудно убедиться при ознакомлении с вышедшими в свет впоследствии работами, которые или целиком посвящены этой теме, или касаются ее в своей значительной части³.

Другой аспект исследования, начатого в 1938 году, заключается в том, что балкарское народное зодчество рассматривается в нем как источник для изучения самых ранних стадий развития архитектуры вообще.

Пожалуй, может показаться странным и даже невероятным, что маленькая, занесенная на кручи высокогорий Кавказа Балкария вдруг оказалась источником для заполнения недостающих страниц истории всей мировой архитектуры. Но тут уместно вспомнить, что еще в труде Ф. Энгельса "Происхождение семьи, частной собственности и государства" то, что касается истории возникновения и роли семьи как общественной формации, тоже основано на наблюдениях быта именно балкарцев, описанных М.М. Ковалевским в очерках, опубликованных в "Вестнике Европы"⁴.

Как раз сугубая утилитарность, суровый облик первозданных балкарских жилищ, в которых все подчинено функциональным потребностям их обитателей, в 1938 году привлекли внимание и поразили воображение автора и навели его на мысль о важности такого исследования.

За хаотическим нагромождением приземистых саклей открывалась глубокая историческая значимость этого зрелица. По этим строениям, по обнаженности их конструкции и ясности планировочной структуры, по слитности их с окружающей природой,

из которой, казалось, они выросли, можно было представить со всей очевидностью, как выглядело самое "детство" архитектурно-строительной деятельности человечества, когда жилище уже не было всего лишь укрытием вроде пещеры, но еще не стало объектом сознательного художественного творчества.

По постройкам двух-трехвековой давности, в силу сложившихся здесь условий, аналогичных тем, что существовали в иных местах тысячелетиями раньше, можно было увидеть, как и откуда в незапамятные времена зарождались отдельные черты, впоследствии воплотившиеся в совершенные формы античной архитектуры. Причем оказалось возможным представить себе эту раннюю стадию не по фрагментарным следам от архитектуры в глубочайших культурных слоях четвертого-третьего тысячелетия до нашей эры, а по "живым", еще действующим сооружениям.

В связи с этим значением зодчества Балкарии для всеобщей истории архитектуры интересно отметить по аналогии, какое значение изучению общественных отношений на Кавказе для истории развития социальных отношений вообще придавал М. Ковалевский. "Чего не в состоянии достигнуть самое кропотливое изучение текстов (речь идет о текстах западноевропейских источников.— Э.Б.), то достигается на Кавказе простым наблюдением".

И если, занявшись изучением архитектуры Дагестана, Б.Н. Бакланов считал, что по ней можно судить о том времени, когда жилище еще не оторвалось от скалы, из массива которой оно произошло⁶, то это в наибольшей степени может относиться именно к балкарскому жилищу. Ведь в Дагестане задняя стена сакли вырубалась в теле скалы просто из-за крутизны склона, на котором располагались жилища горных аулов. В Балкарии же, где первоначально отдельные жилища располагались довольно свободно относительно друг друга, даже там, где была полная возможность поставить их на плоскости высокогорного плато над уступом скалы, их предпочитали строить так, чтобы хоть одну заднюю стену жилища составил вертикальный срез скалы, как наиболее надежная опора для перекрытия. Словно человек еще не решался окончательно оторваться от той среды, которая была для него привычна, когда жилищем являлась пещера, найденная или вырубленная в массиве самой скалы.

Обитателям этих жилищ, поглощенным заботой о том, как укрыться от невзгод суровой природы, от опасностей, грозящих со стороны жестоких преследователей, было не до того, чтобы задумываться над украшением своего дома.

В Дагестане же, как и во многих других районах Северного Кавказа, поселения которых возникли значительно раньше, со временем сложились определенные художественные традиции в решении как внешнего облика, так и внутреннего пространства построек и в декоративном оформлении их конструктивных элементов, ставшие объектом тщательного исследования.

Очевидно, под влиянием этих исследований предпринимаются поиски каких-то признаков такого же художественного творчества и в архитектуре балкарцев, где на самом деле не только их нет, но и сам факт отсутствия их является характерной и знаменательной особенностью.

В результате теперь, когда от традиционных балкарских жилищ почти ничего не осталось, авторы новейших исследований стремятся непременно обнаружить элементы декоративного убранства хотя бы в остатках того, что сохранилось по сию пору, полагая, что иначе характеристика жилища будет неполной.

Так, Г.Х. Мамбетов счел возможным причислить к декоративному творчеству строителей балкарских жилищ родовые тамги гостей, "нанесенные на двери кунацкой при отъезде", впрочем встречавшиеся не только на дверях, но и на центральных столбах, имевшие исключительно ритуальное значение, а также не имеющие ничего общего с подлинным национальным зодчеством "украшения" жилищ-новостроек, характерные для российской пригородной застройки конца XIX — начала XX века, в которых преобладают покрашенные голубой краской, вычурные проволочные узоры крылечек и ворот и фальшивые пильястры на углах.

В действительности же, если мы искренне восхищаемся красотой и величием древних селений Балкарии, то совсем не потому, что глаз наш радует узорочье позднейших построек, нехарактерных для национального зодчества балкарцев. Мы восторгаемся суворой строгостью ничем не разукрашенных горных селений, ставших памятником могучего духа народа, загнанного своей непростой историей на неприступные кручи высокогорий Кавказа и сумевшего найти в себе силы приспособиться к невзгодам безжалостной природы, преодолеть их, сооружая свои жилища-гнезда среди недосягаемых скал и превращая казалось бы безжизненную каменистую почву одним им ведомым хитросплетением искусно направляемых ручьев в сочные высокогорные пастбища для тучных овечьих отар. При этом первозданность, примитивность старых балкарских жилищ вовсе не означает какой-то особой примитивности или ущербности их строителей. Характер их построек зависел от тех специфических условий, в которые они были поставлены в результате длительной изолированности от окружающего мира. И, наоборот, можно только поражаться находчивости, смекалке, природной интуиции и развитому "чувству материала" тех, кто в этих суровых условиях "первобытного" существования находил замечательные по своей оригинальности решения возникавших задач.

К тому же отсутствие приемов декоративно-художественного убранства в жилищах балкарцев, их сугубая утилитарность отнюдь не означает, что им не были присущи определенные эстетические достоинства, что не только облик этих построек в целом, но и их отдельные элементы не могли оказывать яркого художественно-эмоционального воздействия на каждого увидевшего их. Однако достигалось это не применением специальных декоративных средств обработки тех или иных конструктивных элементов, а в результате как бы исподволь возникавшего совершенства пропорций и выразительности самих конструкций, таких, например, как опоры навесов перед жилищем. Как мы увидим в дальнейшем, даже грани, получавшиеся при отеске этих столбов, производившейся без какого-либо намерения украсить их, пропорции самих столбов, ритм в их расстановке, пропорции дверных и оконных проемов и построек в целом, отношение размера очага ко всему пространству жилища, высоты помещения к его площади — все это могло нести в себе определенную художественную выразительность, независимо от того, была ли она результатом сознательного творчества или получалась неосознанно, благодаря природному чутью и гармоническому вкусу строителя.

УСЛОВИЯ ФОРМИРОВАНИЯ АРХИТЕКТУРЫ БАЛКАРСКОГО НАРОДНОГО ЖИЛИЩА

1. ИСТОРИЧЕСКИЕ УСЛОВИЯ

а) О происхождении балкарцев

О происхождении балкарцев в науке существует целый ряд гипотез. Этой проблеме была посвящена специальная сессия Кабардино-Балкарского научно-исследовательского института с участием представителей академических учреждений Москвы, Ленинграда и других городов, состоявшаяся в г. Нальчике в 1959 году. После обсуждения многочисленных, весьма убедительно аргументированных предположений участники сессии сформулировали: "Карачаевский и балкарский народы образовались в результате смешения северокавказских племен с ираноязычными и тюркоязычными племенами, из которых наибольшее значение в этом процессе имели, видимо, "черные болгары", и в особенности одно из западнокипчакских племен. Таким образом, балкарцы и карачаевцы являются древними обитателями Северного Кавказа и на протяжении многих столетий прошли общие с другими горцами исторические пути развития, что и обусловило известную близость их психологии, быта и культуры".⁹

По мнению Л.И. Лаврова, "предками нынешних балкарцев и карачаевцев была та часть половцев, которые обитали сравнительно близко от северных склонов Кавказа и во время монгольского нашествия в XIII веке покинули свои степи и укрылись в горах Кавказа",¹⁰ где они смешались с частью уже обитавших там ираноязычных аллан и автохтонных ассов — предков современных осетин.

М.О. Косвен со ссылкой на Ковалевского также говорит "о взаимоотношениях балкарцев с осетинами, начальными поселенцами данной территории, о сохранившихся следах осетинских влияний, записи местных легенд и преданий...".¹¹

Отсюда языковые связи осетин с балкарцами, наличие множества осетинских фамилий среди балкарцев и, наконец, то, что осетины до сих пор называют балкарцев "ассон". Вполне возможно, что именно осетинами, которые, как показали раскопки В. Миллера и М. Ковалевского, раньше жили на территории всего бассейна реки Малки (в ущельях рек Баксана, Чегема, Безанги и Черека, являющихся притоками Малки), дано всему этому краю название "Балкары", ибо реку Малку они называли Балка.

И уже от названия страны получил свое название и народ, ее населяющий, а отнюдь не от булгар, как это утверждается в гипотезе Л.И. Лаврова, основанной не столько на присутствии черных булгар в этническом субстрате половцев, сколько на звуки слов "балкар" и "булгар".¹² Впрочем, по мнению этого

автора: "...не исключено, что дальнейшие исследования обнаружат в составе половецкого населения XI — XII веков и печенегов, и хазар, и савиров, и остатки болгар и гунов".¹³

В свете всего вышесказанного весьма знаменательно наличие в восточной части Балкарии сохранившихся и поныне сторожевых башен определенно осетинского типа. Селились ли балкарцы под прикрытием ранее существовавших башен, или эти башни возводили для защиты уже образовавшихся поселений в более позднее время — пока еще не ясно; однако не вызывает сомнения то, что, судя по технике строительства, приемам возведения и формам, они являются осетинскими.

б) О времени и процессе заселения, о датировке построек

Предполагается, что заселение нынешней территории Балкарии тюркоязычными племенами, оттесненными сюда в результате монгольского нашествия в XIII веке и ассимилировавшими уже обитавшие здесь племена, происходило по всем ущельям одновременно.

Однако не исключено, что первоначально оно шло по Череку, а затем по долине, пересекающей все ущелья, — так называемой Северной депрессии — и выше из верховьев Черека Балкарского через перевалы шло в направлении Хулама Безенгийского, Чегема и, наконец, Баксана, где продвижение происходило уже вниз по течению (рис. 1).

Вероятность такой последовательности можно объяснить тем, что проникновение пришельцев в верховья и средние части ущелий могло быть доступнее через разделяющие их перевалы и пересекающие их долины, так называемой Центральной и Северной депрессии, нежели вверх по каждому ущелью, поскольку здесь гораздо более серьезной преградой были горные теснины в местах пересечения ущелий со Скалистым хребтом, где просвет каньона сужается до полутора десятков метров, а почти вертикальные стены скальных срезов поднимаются на высоту до 1500 метров.

И действительно, наиболее древними из существовавших до недавнего времени жилища были те, что находились в верховьях Черека Балкарского. Это, между прочим, подтверждается сведениями, приводимыми В.П. Кобычевым, который пишет, что "...по утверждению стариков, наиболее древние жилища — в Череке, что им 100 и более лет".¹⁴ Тут следует заметить, что в масштабах истории вообще и Балкарии в частности 100-летняя давность — это еще не древность, а "вчерашний день" и древнейшим постройкам Черека, конечно, не "100 лет и более", а, как пред-

ставляется, значительно больше. Самыми же поздними были постройки Баксанского ущелья, о заселении которого балкарцами известно, что оно происходило уже в XVIII веке, когда оттуда ушли обитавшие там ранее карачаевцы. Постройки этого времени, сохранились в Баксанском ущелье до конца 30-х годов. В то же время в Черек-Балкарском ущелье отдельные комплексы жилищ, основание которых восходит к середине XVII века, включают в себя постройки, появившиеся в конце XIX века, а наиболее типичные усадьбы, в которых первоначальное однокамерное жилище большой отцовской семьи окружено позднейшими пристройками новых брачных пар, можно было увидеть в верховьях Чегемского ущелья.

Вообще сколько-нибудь точная датировка балкарских жилищ затруднительна ввиду отсутствия документальных данных. Из множества обследованных мною в свое время построек только в одном случае была обнаружена на балке перекрытия одной из пристроек дома Тимудара Гулиева в Курмо точная дата ее возведения — 1873 год.

Установить время постройки жилищ по опросам их обитателей тем труднее, чем древнее жилище. Весьма приблизительно о возрасте построек можно судить по степени сохранности их деревянных конструкций и по габаритам примененного лесоматериала — чем больше диаметр использованных стволов, тем древнее постройки, так как со временем, когда первозданный лес перевелся, в дело шли стволы молодых деревьев меньшего диаметра.

Но при этом приходится учитывать и то, что в балкарских жилищах дерево сохранялось дольше обычного, так как покрывающий его слой копоти предохранял его от быстрого разрушения под воздействием резких перемен температуры и влажности в помещении, отапливаемом по-черному. Кроме того, бывало и так, что деревянные конструкции жилища оказывались старше его самого, поскольку при нехватке строевого леса их могли использовать повторно при перестройке жилища. И наконец, в ряде случаев в явно архаических постройках можно заметить, что деревянные конструкции их, судя по незначительным размерам поперечного сечения и по характеру обработки, установлены значительно позже самого жилища — при замене его устаревших частей.

Для датировки постройки тем или иным периодом определенное значение имеют и такие признаки, как место расположения в ней очага, устройство дымника, наличие окон, а также размер площади и степень дифференциации помещений жилища.

Таким образом совокупность всех перечисленных соображений может дать основание лишь для приблизительного определения времени построек в пределах таких ориентиров, как начало, середина или конец того или иного века. При этом надо иметь в виду, что отсутствие конкретных данных и сложность определения возраста построек по косвенным признакам может стать поводом для весьма произвольных толкований.

Например, оспаривая высказанное мною предположение о возрасте древнейших из существующих построек, Ю.Н. Асанов утверждает, что "навряд ли практически возможно, чтобы жилище, которое, впрочем, активно реагирует на социально-экономические изменения¹⁵, могло сохраниться в Балкарии с XIV — XVI вв."¹⁶.

Но в действительности жилище как раз совсем не так уж "активно реагирует", напротив — эволюция народного жилища отличается крайней замедленностью, цепкостью традиций, при которых, в осо-

бенности на начальных стадиях, перемены происходят едва заметно. Поэтому даже относительно поздние постройки могут нести в себе черты архаичности, а по постройкам ранним, но все же относящимся уже к XVII веку, можно определенно судить о еще более ранних, самых изначальных жилищах XV — XVI веков, поскольку в их планировочном и композиционном построении сохраняются черты социально-бытового уклада патриархальной семейной общины.

Кроме того, жилища, хотя и обрастили пристройками для новых брачных пар, однако сами по себе, как первоначальное ядро, оставались нетронутыми. Ю.Н. Асанов и сам приводит взятое из моего доклада описание такого дома¹⁶. Примером этого может служить и сохранившийся в Эльтюбю дом Ахмана Кулиева, интерьер которого был зарисован мною в 1938 году.

Думается, что приблизительное определение возраста отдельных построек возможно еще посредством сопоставления их с теми, о времени сооружения которых имеются более точные данные. Так, о башне Малкаруковых в с. Эльтюбю В. Миллер в 1884 году писал на основании опроса, что она построена по заказу князей Малкаруковых 150 лет назад, т.е. в 1730-х годах. Отсюда можно предположить, что стоявший рядом сам дом Малкаруковых (рис. 61, 63) был сооружен во всяком случае до того, поскольку по логике вещей сначала возводится объект, представляющий ценность (дом), а уже затем средства его защиты (башня).

Следовательно, дом Малкарукова, очевидно, можно датировать временем не позднее самого начала XVIII века. А коль скоро это так, можно предположить, что именно к этому же времени относится постройка расположенного невдалеке от него дома Хаджумурова Кулиева (рис. 58), поскольку эти два дома весьма не только сходны по своему объемно-пространственному построению, но в них совершенно одинаково выполнены такие детали, как обрамление оконных и дверных проемов, устройство очага, навесы и их опоры. Лесоматериал, примененный в этих постройках, одинаков по диаметру стволов и породе, по способам его обработки, так что вполне возможно, строились эти дома не только в одно время, но и одним и тем же мастером.

Наконец, если таким образом можно определить время постройки этих двух домов, то отсюда следует, что в расположенной вблизи от них усадьбе Ахмана Кулиева, где сходные с описанными постройки примыкают к большому дому, являющемуся наиболее ранним ядром сложившегося позднее комплекса, это первоначальное жилище может быть датировано, во всяком случае, временем не позднее конца XVII века (рис. 59).

При определении времени возникновения отдельных построек и целых кварталов того или иного поселения имеет также значение и то, что на начальной стадии поселения в целях защиты от нападений извне располагались на труднодоступных крутых склонах ущелий, и лишь позднее происходило заселение более удобных территорий у подножия склонов. Именно этим можно объяснить последовательность застройки высокогорных селений.

О времени возникновения того или иного поселения в целом некоторые сведения имеются в архивных и статистических источниках. Так, например, опираясь на них, Л.И. Лавров относит начало селения В. Баксан к середине — второй половине XVIII века, а к 1852 году — образование¹⁷ селений Гирожан и Былым в Баксанском ущелье.

в) О влияниях и традициях

Знаменательно, что переселившиеся в долину Баксана выходцы из Чегема не принесли сюда приемов тамошнего строительства, а стали строить свои жилища по типу тех, которые строили здесь карачаевцы. Это можно счесть серьезным аргументом в пользу того, что решающим фактором в формировании строительных приемов в каждой конкретной местности являются присущие ей природные условия. Общность же с постройками других смежных районов Кавказа в большей степени объясняется не влиянием, занесенным извне, а сходностью условий окружающей среды, диктовавших одинаковое решение одних и тех же задач.

Конечно, есть и такие приемы, которые появились в местных постройках благодаря прямому общению по ущельям и перевалам с соседними народами. Свидетельством тому являются башни Чегема и Безенги, построенные сванами, и осетинские башни Кунюма. Но опыт их возведения не был воспринят в местном строительстве жилищ, поскольку социально-экономические потребности и исторические традиции не способствовали этому.

Если в соседней Северной Осетии техника возведения оборонительных башен и жилищ-крепостей (кладка на связующем растворе, отеска камней) была одна и та же, то в Балкарии способ сооружения сторожевых башен совершенно не отразился на постройке жилищ. Очевидно, это объясняется не неспособностью балкарских строителей перенять подобную технику, а просто тем, что в Балкарии для постройки жилища в такой кладке не было потребности, поскольку сами жилища не были рассчитаны на оборону.

В Балкарии при возведении отдельных жилищ и поселений в целом забота об обеспечении безопасности не была столь насущной, как в соседней Северной Осетии или в Сванетии, где был широко распространен обычай кровной мести и клановых конфликтов. Люди здесь искали защиту прежде всего у самой природы, селясь на неприступных краюхах, надеявшись на их недосягаемость для врага, на непреодолимость горных преград, а также на уже существовавшие здесь укрепления. В дальнейшем же, по мере разрастания поселений, они могли располагаться и на местах более удобных, так как сама многолюдность делала их менее уязвимыми для нападений. К тому же с течением времени угроза вторжения извне постепенно вообще отпадала.

Правда, в Балкарии, в селении Эльтюбю до сих пор сохраняется построенная сванами в начале XVIII века башня при доме князей Малкаровых, однако это сооружение имело оборонительное значение для всего ущелья (рис. 63, 64). А остатки башни (там же, в Эльтюбю), хорошо заметные в наружной стене одной из пристроек дома Ахмана Кулиева, судя по тому, что примыкающие к ней с обеих сторон части стен выложены в той же технике, составляют часть существовавшего здесь когда-то сванского дома-крепости, фрагменты которого позднее вошли в состав выстроенной на этом месте кулиевской усадьбы (рис. 60). То же самое относится и к остаткам двухэтажного жилища-крепости возле селения Кунюм Чerek-Балкарского ущелья.

Повторение каких-то мотивов, встречающихся в постройках смежных с Балкарией районов, иной раз заметно и в отдельных фрагментах балкарских жилищ. Так, в селении Шики над воротами дома Смаила Шоваева были устроены ниши, точно такие же, как в ауле Анды в Дагестане, где они

предназначались для установки придорожных поминальных досок в память о погибших на чужбине. Вкрапление в массив стены кладки "в елку" в доме Таукаша Хочуева в том же Шики весьма распространено в постройках Дагестана, например в ауле Хоор.

Все эти примеры связаны с тем, что в каком-то доме поселялся выходец из Дагестана, какую-то башню пригласили построить мастера из Сванетии и т.д. Ведь непосредственными соседями балкарцев были: на западе — карачаевцы, на юго-западе — рачинцы и сваны, на юго-востоке — осетины и на севере — кабардинцы.

Там же, где сходство построек имело более общий характер, оно являлось, как правило, результатом не занесенного извне приема, а следствием близости природных условий. Так, если облик селения Шики (рис. 32) в целом вообще напоминал аулы Дагестана, то это объясняется сходством рельефа местности и породы примененного для строительства камня. Так же как общность жилищ верховьев Баксана (рис. 79, 80) с карачаевскими была связана со сходностью климатических и природных условий относительно плоской местности, богатой лесом, пригодным для срубных построек.

Поскольку именно физико-географическими условиями тех мест, где строились жилища, определяется выбор строительных материалов, конструктивные приемы и в какой-то степени объемно-пространственное решение и облик жилищ, следует подробнее остановиться на характеристике этих условий.

2. ФИЗИКО-ГЕОГРАФИЧЕСКИЕ УСЛОВИЯ

Если мысленно окинуть единным взором все пространство Кавказского высокогорья, в центре которого расположена Балкария, может показаться, что природа наложила на него некое подобие сетки, образуемой в одном направлении грядой горных хребтов, тянущихся с северо-запада на юго-восток в виде исполнинской лестницы, поднимающейся от Предкавказской равнины к Главному Кавказскому хребту, а в другом направлении, перпендикулярном ступеням этой лестницы, — рассекающими ее с юго-запада на северо-восток глубокими ущельями, прорытыми в этих хребтах потоками рек, берущих начало от ледников Бокового и Главного Кавказского хребта и низвергающихся в сторону Предкавказской равнины (рис. 1).

Гряда горных хребтов — это расположенные параллельно: первый от равнины — Лесистый (средняя высота 1000 метров над уровнем моря), затем Пастбищный (1300 метров), Скалистый (3500 метров) и Боковой (5000 метров), идущий от Главного — замыкающего эту гряду (около 5000 метров).

Под воздействием потоков от таяния ледников, покрывавших в далеком прошлом все эти пространства, а также под влиянием действовавших здесь тектонических сил образовались впадины: между хребтами Скалистым и Боковым — так называемая Северная депрессия и между Боковым и Главным — Центральная депрессия.

Геологическое строение горных хребтов не одинаково. Основу первого — Лесистого составляет песчаник. Пастбищный, который называется еще Меловым, и состоит из меловых известняков. Скалистый — из известняков Юрского периода. В отличие от

мягких осадочных пород этих первых трех хребтов, Боковой и Главный образуются вулканическими породами — гранитами, гнейсами и кристаллическими сланцами.

Пересекающие эти хребты ущелья — Баксанское, Чегемское, Хуламо-Безенгийское и Черек-Балкарское, из которых последние два соединяются в Черекское, образованы реками того же названия, впадающими одна в другую и все вместе — в Малку.

Сочетание гряды горных хребтов и впадин между ними с пересекающими их ущельями породило в природе Балкарии множество контрастов, удивительных для территории протяженностью в любом направлении всего лишь в 100 — 150 километров. Приводимые в краеведческой литературе данные дают представление о диапазоне этих контрастов.

Высота над уровнем моря на протяжении 100 километров возрастает здесь от 200 до 5000 метров и выше. Среднегодовое количество осадков — от 400 миллиметров на равнине и 600 — в предгорье до 800 и выше в горах. При этом, хотя вообще климат на равнине резко континентальный, с температурами летом до +40° и зимой до —33°, а в горах умеренный, с мягкой зимой и прохладным летом, однако и в горах есть места, где в течение суток происходят резкие колебания температур. Внезапные перемены погоды, дожди, туманы и сильные ветры контрастируют с сухим солнечным климатом долин, расположенных во впадинах между хребтами.

Разнообразен и растительный покров. Горно-лесной пояс, начинающийся зарослями орешника, сменяется буковыми лесами, а выше — ольхой. Дальше — субальпийские луга Пастбищного хребта, простирающиеся на северный склон Скалистого хребта, а в его ущельях — ольха, граб, ива. Южнее, в долинах Бокового хребта и над ущельями Центральной депрессии, — леса березовые и сосновые, особенно значительные в верховых Баксана.

Все сказанное относится к пространству, занимаемому пятью горными хребтами и пересекающими их ущельями.

Но традиционные балкарские поселения не распространяются на всю эту территорию — они сосредоточены главным образом в ущельях Северной и Центральной депрессии, в пространстве, ограниченном южным склоном Скалистого хребта и северо-восточными склонами Бокового и отчасти Главного хребта. Однако территории, окружающие этот ограниченный район балкарских поселений, имели тоже существенное значение для формирования особенностей балкарских жилищ — как источник недостающих на месте стройматериалов, да и опыта соседей в приспособлении к условиям, аналогичным тем, что имелись в Балкарии.

При этом описанные выше контрасты и разнообразие природных условий всего высокогорья Центрального Кавказа полностью оказались и на этой его части, расположенной на высоте от 700 до 2000 метров над уровнем моря и включающей в себя и крутые склоны горных хребтов, и узкие горловины прорезающих их ущелий, открытые долины впадин между хребтами, значительные лесные массивы и субальпийские луга, и скалистые склоны с обнаженными наслонениями горных пород.

Такова вкратце физико-географическая характеристика тех мест, где были расположены традиционные балкарские поселения.

Но если от природных условий могли зависеть выбор строительных материалов, конструктивное решение, привязка к рельефу местности, то общая планировочная структура жилища прежде всего определялась социально-экономическими условиями быта, хозяйственным укладом их обитателей.

3. СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКИЕ УСЛОВИЯ

В отличие от природных условий, которые на ограниченной территории Балкарии весьма контрастны, социально-экономический строй жизни населения отличался здесь единобразием.

И хотя в силу многовековой изолированности балкарцев развитие общества здесь как будто застыло на стадии перехода от первобытнообщинного строя к феодализму, однако с течением времени жизнь вторглась в уставшийся порядок все более ощутимо, вопреки искусственной консервации отсталости, типичной для колониальной политики метрополии по отношению к ее окраинам. По мере прокладки новых дорог, развития транспорта и расширения торговых связей происходила все убыстряющаяся ломка патриархального уклада.

Поэтому, когда речь идет о влиянии социально-экономических условий на формирование жилища, надо иметь в виду конкретную стадию развития их, либо зарождение, становление определенных форм жилища и дальнейшая его эволюция происходили под воздействием хотя и медленно, но неумолимо меняющихся условий жизни.

Если к концу XIX — началу XX столетия "общественное устройство балкарцев характеризовалось переплетением элементов начального этапа капитализма и феодализма с пережиточными формами общино-родового строя"¹⁸, то во времена, к которым относились древнейшие из обследованных мною жилищ, господствующим был первобытнообщинный строй, основу которого составляла патриархальная домашняя община.

Сложившаяся на ее основе патриархальная большая семья в процессе своего развития превратилась в конце концов в большую семью отцовского типа. Ее распад привел к образованию и распространению выкристаллизовавшейся из нее патриархальной малой семьи. Но большая отцовская семья является в этой цепи звеном, имеющим особое значение.

Если в ее материальной культуре и быте, в сохранении колlettivизма в быту и производственной деятельности просматриваются пережитки предшествовавшей ей патриархальной большой семьи, то сама отцовская большая семья даже в период распада ее и перехода в малую патриархальную семью не только в значительной степени еще сохраняется, но и постоянно воспроизводится как непосредственно, так и в результате превращения порожденных ею малых семей опять в новые большие семьи. В работе, посвященной развитию социально-экономических отношений в Балкарии, А.И. Мусукаев говорит о том, что, хотя для позднейшего периода развития балкарских поселений, как показывают статистические исследования последних лет, доминирующей формой становилась малая семья, большие отцовские семьи продолжали составлять основу почти половины всей массы традиционных поселений Балкарии¹⁹.

Этому способствовал ряд причин, начиная от специфики сохранявшегося до последнего времени натурального хозяйства, которому больше всего соответствовала именно такая социальная структура, до существовавшей в дореволюционное время подворной налоговой системы, также способствовавшей сохранению большой отцовской семьи²⁰.

Важнейшими признаками такой семьи, включавшей в себя обычно три-четыре поколения ближайших родственников — родителей, их неженатых и женатых сыновей с детьми последних и т.д. по нижней линии — и состоявшей в среднем из 11 — 15 человек, являлись: "общественная форма собственности, коллективное производство и потребление"²¹, что нашло свое отражение и в наименовании "уллу кий", т.е. "большой дом".

Как видно из сказанного выше, большая отцовская семья являлась базирующимся на прямых родственных отношениях производственным объединением. Основой его производственно-хозяйственной деятельности с самого начала являлось отгонное скотоводство, при котором почти весь скот круглый год находился вдали от поселений, а горное земледелие было ограничено чрезвычайным недостатком удобных для использования пахотных участков, сложностью их приспособления и обработки, примитивностью сельскохозяйственных орудий и поэтому имело подсобное значение.

Наряду с земледелием некоторое развитие имели также отдельные виды домашнего производства — обработка дерева (изготовление домашней утвари, мебели и посуды, сельскохозяйственных орудий) и связанное с овцеводством производство шерстяных изделий — бурок, войлоков, ковров и вязаных вещей.

Вся эта деятельность определялась потребностями самих производителей. Таким образом на всех этапах своего развития хозяйство оставалось сугубо натуральным, и только в позднейшее время начали проникать сюда товарно-денежные отношения под влиянием русского капитала, способствовавшего появлению товарного производства и одновременно расслоению крестьянства; обнищанию основной его

массы и образованию за этот счет зажиточных хозяйств, скупщиков и торговцев, т.е. появлению наряду с сохранившимся патриархальным укладом зачатков уклада частнокапиталистического.

Крестьянство, составляющее основную массу населения Балкарии, делилось на несколько категорий, определявшихся степенью зависимости от весьма немногочисленных княжеских династий, владевших большей частью земли и скота.

Производственно-хозяйственная деятельность большой семьи требовала активного участия в ней всех ее членов — от старшего поколения до детей — с четким распределением обязанностей.

Скотоводство и переработка продуктов его непосредственно на пастбище, а также наиболее трудоемкая часть земледелия были делом мужчин, причем на пастбищах им помогали дети, а в поле — женщины. Вся хозяйственная работа, за исключением изготовления всевозможной утвари, мебели и прочих поделок, входила в обязанности женщин. Среди всех этих занятий те, что требуют опыта, навыков и знаний, — скотоводство, обработка земли, домашние промыслы являлись наследственными и переходили от отца к сыну и т.д.

Распределением всех этих обязанностей вел дал старейший из всех — глава семьи, а в делах хозяйственных по дому — старшая женщина. Хотя глава семьи был не только организатором и распорядителем производственных обязанностей всех ее членов, но и распорядителем всего движимого и недвижимого имущества, без ведома которого был немыслим ни раздел, ни выделение малых семей, — все же все виды имущества являлись собственностью общесемейной. И прежде всего это относилось к жилищу.

Из приведенного выше описания социально-экономических условий видно, что преимущественно ими должна была определяться общая объемно-планировочная структура жилища, как главного компонента материальной культуры каждой данной общественной формации. И поскольку социально-экономические условия и их эволюция были сходными по всей Балкарии, этим было предопределено сходство на каждом этапе развития в планово-пространственном построении жилищ балкарских поселений разных районов.

ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА БАЛКАРСКОГО ЖИЛИЩА И ЕГО ЭВОЛЮЦИИ

Ввиду того, что темой настоящего исследования являются непосредственно архитектурно-строительные особенности балкарского народного жилища, здесь я не буду останавливаться на таких сугубо этнографических вопросах, как традиции и обычаи, связанные с началом постройки отдельных жилищ, соотношение поселений моногенных и полигенных и т.п. Все это, как и подробные статистические данные о количестве дворов в тех или иных поселениях, о количестве поселений по каждому ущелью, о плотности населения и численном составе поселений, тенденций в их развитии и т.д., обстоятельно рассматривается в уже упоминавшихся работах А.И. Робакидзе, Г.Х. Мамбетова, Ю.Н. Асанова и др. Поэтому перейду непосредственно к рассмотрению объемно-пространственного построения традиционного жилища Балкарии, т.е. того, что относится к архитектуре балкарского народного жилища.

1. ЖИЛИЩЕ. УСАДЬБА

(Большой дом. Зимнее помещение для скота.
Жилые пристройки. Кунацкая. Двор)

В комплекс усадьбы большой отцовской семьи входили: основное — центральное жилище, собственно большой дом ("уллу юй"); примыкавшие к нему жилые помещения ("отоу"), пристраиваемые по мере образования новых брачных пар; навесы перед жилыми помещениями; навесы и помещения для овец и для крупного скота, остававшегося при усадьбе, и, наконец, двор ("арбаз") — пространство между перечисленными постройками.

Об этих составных частях как об элементах "усадьбы в ее окончательно сложившемся виде" говорилось мною в докладе в 1959 году. Но следует сказать, что фактически "окончательно сложившегося вида" жилища, как и усадьбы в целом, никогда не существовало, поскольку планировка любого жилища отражала лишь определенную стадию развития его, как организма, находящегося в процессе непрерывных изменений, соответствовавших меняющимся социально-экономическим условиям.

Поэтому по усадьбе большой отцовской семьи можно судить не только о ней самой, но и о жилище предшествующей стадии развития, сохранявшегося в ней, как ее изначальное ядро. И в то же время здесь можно было увидеть и черты жилища выкристаллизовавшейся из нее малой семьи. Таким образом, перейдя к подробному описанию каждого из перечисленных выше элементов усадьбы большой отцовской семьи, мы одновременно проследим и эволюцию балкарского жилища.

а) Большой дом

Главным элементом усадьбы большой отцовской семьи, как уже было сказано, являлся так

называемый большой дом ("уллу юй"). Обычно он был не только центром усадьбы, но и ее первоначальным ядром, сооруженным в свое время в расчете на то, что под его кровом, у его очага будет сосредоточена вся семейная община и все ее хозяйство. Это было простейшей формы жилище, хотя и возведенное по определенным принципам, но еще не имевшее какой-либо дифференциации внутреннего пространства. В чистом виде, как самостоятельная постройка, такой дом, как сказано выше, почти нигде не сохранился в селениях, доживших до 30-х годов XX века, а оказался включенным в состав образовавшегося вокруг него комплекса усадьбы. Именно таково, например, было жилое помещение в доме Тану Ортоева в Безенги (рис. 12, 13).

По использовавшимся материалам, по устройству и расположению этой части усадьбы (в частности, по устройству срединного очага, еще не имевшего даже дымника) было видно, что это ее старейшая постройка, а все остальное пристраивалось позже. Внутреннее ее пространство представляло собой неправильной формы несколько вытянутый прямоугольник, ограниченный четырьмя стенами, из которых две образовывались вертикальным срезом в уступе скалы, а две другие были сложены из естественного камня. Несколько столбов в середине помещения подпирали балки, несущие кровлю. В одной стороне между столбами располагался срединный очаг, являвшийся центром жилой части помещения, а другая часть внутреннего пространства предназначалась под зимнее содержание скота. Таким образом, вся постройка представляла собой единое пространство, не разделенное на отдельные жилое и хозяйственное помещения.

Здесь же видно, как в едином помещении начинало намечаться разделение на жилую и хозяйственную зоны посредством плетня, установленного между стеной и средними столбами. Между столбом и противоположной стеной оставался свободный проход. Такое выделение зон (а не изолированных помещений) встречалось в старых домах и других селениях (Верхний Хулам, Кунюм) (рис. 106 — 1).

И, наконец, произошло разделение одного внутреннего пространства на два отдельных помещения — зимнее помещение для скота ("бау") и собственно жилище. В качестве примера тут можно привести дом Таукаша Хочуева в Шики, который первоначально был одноэтажным. Собственно жилое помещение в нем находилось за зимним помещением для скота и было отделено от него каменной стеной (рис. 34 — 40).

Чтобы понять, в каком направлении происходила дальнейшая эволюция взаимосвязи жилища и хозяйственных построек усадьбы, надо представить, что получится, если в таком комплексе, как дом Т. Хочуева, закрывающиеся наглухо ворота переднего помещения для скота заменить открытым проемом или даже совсем устраниТЬ всю каменную кладку лицевой стены, оставив лишь стоящие вдоль нее де-

ревянные опоры, несущие кровлю. Тогда переднее помещение превратится в глубокий навес перед жильем, для прохода в которое скот пришлось бы оттеснить в сторону. Но так как при этом места для скота под навесом стало бы явно недостаточно, для его размещения пришлось бы отвести пространство рядом с жильем, а навес перед жилищем становился бы основным местом хозяйственных работ в летнее время.

Примером усадьбы с такой планировкой мог служить дом Буллы Забокова в Кунюме, состоявший из жилища, теневого навеса перед ним и глубокого навеса для скота рядом с жильем (рис. 5, 6, 7; рис. 106 — 1, 2, 3).

Если дифференциация большого дома на жилую и хозяйственную часть привела к выделению в отдельную пристройку зимнего помещения для скота, то все же место для содержания в зимнее время ягнят и телят ("бузоу орун") отводилось обычно внутри жилья за перегородкой из плетня, устраиваемой на 1/3 высоты, а иногда и на всю высоту помещения.

При этом, чтобы не застудить молодняк, и в то же время чтобы тепло от него распространялось и на само жилье, место для него обычно отводилось в глубине помещения, подальше от входной двери. Так было принято у всех народов высокогорных районов Кавказа, в том числе и в Балкарии, как это видно на плане жилища большой отцовской семьи вторичного порядка Ачи Биазырова в селении Кала (рис. 70).

Правда, гостеприимная хозяйка этого дома, объясняя в свое время назначение этого пространства, от роженного плетнем и называемого "бузоу орун", не знала тогда, что через сорок лет, когда от этого дома не останется и следа, все это вызовет решительное возражение исследователя балкарского народного жилища Ю.Н. Асанова. Воспроизведя в своей книге наш план и описание дома Ачи Биазырова, он пишет: "Однако, кто знаком с балкарским этнографическим материалом, судя по дощатой перегородке, делящей жилище Ачи Биазырова на две зоны, легко узнает, что эта перегородка собственно отделяет жилую часть помещения от "гезена" — склада с продуктами". И далее через два абзаца: "Таким образом, Э.Б. Бернштейн при построении общей схемы развития балкарского жилища, приняв отгороженную плетнем небольшую зону в жилом помещении за место под зимнее содержание скота, в то время как это на самом деле была кладовая или склад для продуктов, тем самым пошел по ложному пути. Ведь ни при одном вышеописанном случае сам Э.Б. Бернштейн не зафиксировал наличие седжания скота в "уллу юй"²²".

Но ведь "бузоу орун" предназначался для зимнего содержания молодняка, а поскольку обмеры производились мною летом, то вполне естественно, что непосредственно "зафиксировать" пребывание животных в этом помещении я не мог.

Впрочем, через двадцать страниц Ю.Н. Асанов все же признает: "...молодняк зимой или ранней весной могли содержать некоторое время в жилище, в котором специально для этого оборудовался какой-либо угол". И далее: "Отгороженное место для телят как в жилище, так и в "бау" называлось "бузоу орун"— телятник".

Любопытно, что на одной странице книги Ю.Н. Асанова говорится: "Далее пишет Э.Б. Бернштейн: "Здесь же видно, как в едином помещении начинает намечаться разделение на жилую и хозяйственную зоны посредством невысокого плетня... а затем низкий плетень заменяется плетнем — перегородкой на всю высоту помещения"²⁴", а на следующей

странице: "Между прочим, Э.Б. Бернштейн упустил одну, но очень существенную деталь балкарского жилища — "уллу юй", что оно всегда сегментировалось турлучной или дощатой перегородкой, как бы на две зоны иногда на 1/3, а иногда на всю высоту стены жилища"²⁵.

Таким образом, по Ю.Н. Асанову, получается, что в докладе якобы "упущено" как раз то, что на предыдущей странице его же книги приводится как выдержка именно из этого доклада.

В доме малой семьи телятник ("бузоу орун") не устраивался, а кладовая ("гезен") находилась у входа, в торце жилища, за дощатой перегородкой (рис. 59).

В старом большом доме "уллу юй" кроме "гуму" и "гезен" для этого же служили большой пристенный шкаф, громадные высокие плетеные корзины для зерна и продуктов, стоявшие у стены и центрального столба, кадки, ямы в углу помещения и ниши в стенах. Большая продолговатая ниша под кровлей предназначалась для дров и хвороста — скапливавшийся там дым от очага способствовал их просушке.

В квадратном большом доме склад вещей и продуктов, заготовленных впрок, находился также во втором ярусе, куда снизу вела приставная лестница. Постельные принадлежности складывались на полки и сундуки вдоль стен. Посуда и домашняя утварь кроме полов располагалась на каменном выступе у одной из стен.

Такой выступ высотой около полуметра, выступавший от стены на 1 метр и более, расположенный вдоль стены, противоположной входу, называвшийся "тырхык", когда-то, до появления деревянной мебели — кресел, диванов и кроватей, — являлся почетным сиденьем и лежанкой, как это можно было установить из объяснений обитателей "уллу юй" в Хуламе и Кунюме.

Размещение самих обитателей большого дома определялось положением каждого из них в системе семейной иерархии.

Единое пространство однокамерного жилища делилось на почетную и непочетную половину, расположенную ближе к входной двери. В почетной половине находился глава семьи и принимали гостей. Деление это, распространенное у всех народов Кавказа и обычно строго соблюдавшееся, у балкарцев имело весьма условный характер и ограничивалось невидимой чертой, проходившей через очаг поперек жилища, в то время как у черкесов, сванов и других эти две половины разделялись перегородкой. Сегментация внутреннего пространства на отдельные ячейки для членов семьи второго поколения по мере разрастания семьи имела место только на определенной стадии развития жилища.

Примеры ее в домах, сохранившихся до 40-х годов, были очень редки и лишь угадывались по некоторым признакам. Так, в доме Ахмана Кулиева в Эльтюбю первоначально новые брачные пары отделялись перегородками внутри самого большого дома, о чем можно судить по пазам в поперечных и продольных балках, пересекающим жилище (рис. 57).

б) Жилые пристройки ("отоу")

Позднее, по мере разрастания большой отцовской семьи, когда возможности такой сегментации, как описанная выше на примере дома А. Кулиева, были исчерпаны, к большому дому стали пристраиваться в ряд новые помещения — "отоу". Естественно,

что они отличались значительно меньшим размером. Поэтому в них отпадала необходимость в устройстве промежуточных столбов, подпирающих кровлю, очаг перемещался из середины помещения к передней стене, превращаясь в подобие камина.

Если "уллу юй" бывали прямоугольной и квадратной формы, "отоу" имели обычно пропорции удлиненного прямоугольника, в них редко устраивался "тырхык", но обычно, как уже было сказано, у входа в торце размещался "гезен" за дощатой перегородкой, не доходившей до верха помещения и перекрытый рядом плах, образовывавших полку ниши над ним. Примыкая к большому дому, а затем друг к другу, эти помещения новых брачных пар имели каждое самостоятельный выход, и объединял их лишь общий навес и образуемый ими двор (рис. 54).

Но так выглядели "отоу", предназначавшиеся для новых брачных пар. А вообще не все пристройки к однокамерному большому дому имели одно назначение. В этом можно убедиться при сравнении планов различных усадеб. В одних случаях вновь пристраиваемые "отоу" имели незначительные размеры — 8—10 квадратных метров, а ограждавшие их стены, в отличие от стен "уллу юй", тонки и легки. Так, в усадьбе Ортоя Забокова в Кунюмё (рис. 3, 4), так же как и в усадьбе Тану Ортоева (рис. 12), где все постройки возводились из камня, передняя стена "отоу" и перегородки, разделявшие их, были выполнены из плетня, очаги в них отсутствовали, даже пристенные. В других же усадьбах, как, например, в уже упоминавшемся доме Ахмана Кулиева в Эльтюбю, "отоу" отличались своей капитальностью (рис. 54).

В то время как в патриархальных больших семьях пристройки производились, как сказано выше, лишь тогда, когда дальнейшее разрастание семьи в пределах большого дома становилось уже невозможным, в больших отцовских семьях вторичного порядка, возникавших нередко из патриархальной малой семьи, основное центральное жилище главы семьи с самого начала уже не было традиционным "большим домом". Оно часто даже не отличалось размером от пристраиваемых к нему жилищ нового поколения, и отличить его от последних можно было только по положению, занимаемому им в общем комплексе усадьбы и по возрасту постройки, о котором иногда можно было судить по таким признакам, как сохранность деревянных конструкций, архаичность общего облика постройки и отдельных ее элементов. Таким образом, разница в устройстве "отоу" различных усадеб зависела как от времени их возникновения и от периода эволюции, в процессе которого оно происходило, так и от конкретного назначения каждого из них.

Более облегченные "отоу", очевидно, строились на неженатых сыновьях и дочерей до их замужества. Причем это происходило уже тогда, когда в силу усугублявшегося процесса распада большой семьи не было уверенности в том, что в дальнейшем молодые непременно останутся у очага родителей.

Так, например, дома Ортоя Забокова в Кунюме и Тану Ортоева в Базенги в своем первоначальном виде, судя по примитивности срединного очага, хотя и относились к весьма давнишним однокамерным постройкам, пристройка "отоу" происходила в них, по-видимому, в позднейшее время, в период значительно ослабленной прочности семейной общинны (рис. 3, 4 и 12, 13).

И наоборот, когда выделение "отоу" для новых брачных пар из патриархальных больших отцовских семей происходило на более ранней стадии развития, при которой все ее члены продолжали ос-

таваться у родительского очага, под стать монументальности центрального большого дома, столь же основательно сооружались и "отоу". Поскольку они сразу предназначались для новых брачных пар, в них, как было уже сказано, при площади меньшей по сравнению с "уллу юй", все же устраивались и очаг, и "гезен", а иногда даже и "тырхык" (рис. 54).

И, наконец, были "отоу", предназначавшиеся для женщины, на которой лежали нелегкие обязанности по уходу за скотом.

Такое "отоу" ближе всего примыкало к большому дому и, не имея, как и остальные, общего с ним входа, в то же время сообщалось второй дверью со скотным двором. План дома Ортоя Забокова может служить тому иллюстрацией (рис. 3).

В очерках "Из истории брака и семьи у народов Кавказа" М.О. Косвен в третьем очерке "Некоторые черты семейных отношений" пишет: "...женщина, выйдя замуж и переселившись в дом мужа, сохраняет здесь некую экстерриториальность, чему в частности и в особенности служит ее особое помещение". И далее: "Полон глубоко исторического значения описанный нами факт отдельного жилища замужней женщины, остающейся, однако, еще далеко не исследованным".

Говоря об "отоу" как жилище новых брачных пар, М.О. Косвен продолжает: "Затем, хотя оно и сооружается в связи с женитьбой сына или "для сына", предназначается оно для пришедшей в дом "чужой" женщины и остается ее особым помещением на всю жизнь, тогда как пользование данным помещением со стороны мужа имеет ограниченный и весьма специфический характер"²⁶.

О том же, но уже прямо в отношении балкарской семьи пишет А.И. Мусукаев: "Невестки в свободное время занимались хозяйством или работой в своей комнате — "отоу"²⁷".

Это вполне согласуется с глубоко укоренившимися в патриархальном быту обычаем "избегания", при котором не только всячески ограничивалось совместное пребывание супружеских, но им даже не полагалось называть имя друг друга.

Этот обычай иной раз дает о себе знать даже и поныне. Так, уже недавно, в 1978 году, в одном из селений Чегема, когда, желая записать имя хозяина чудом сохранившегося старинного жилища, я спросил об этом у его жены, забыв про такой обычай, она, потупив взор, указала на карапузу-сыночка: "Пусть он скажет". Причем это была не древняя жительница, а очаровательная молодая учительница местной школы, окончившая Нальчикское педагогическое училище.

Все сказанное легко распознается при внимательном рассмотрении особенностей тех или иных усадеб и, пожалуй, не требует специальных доказательств.

Тем не менее авторы последних работ по народному жилищу почти полностью исключают возможность такого разнообразия в назначении "отоу", вызванного меняющимися условиями жизни, и настаивают в своих описаниях на действительности лишь одного приводимого ими варианта, даже если при этом они подчас вступают в противоречие с самими собой.

Так, Г.Х. Мамбетов утверждает: "Что касается "отоу", пристраиваемой к дому хозяина, то она не была самостоятельной пристройкой для женской половины, как это отмечает Бернштейн, а являлась пристройкой для женатых сыновей"²⁸. Ю.Н. Асанов же сначала пишет о том, что "к основному однока-

мерному жилищу "уллу юй"... для сыновей и дочерей, достигших совершеннолетия, стали пристраивать дополнительную камеру — комнату "отоу", и лишь потом добавляет: "т.к. в старые времена сыновья, живившиеся, не отделялись от своих родителей и вели общее с ними хозяйство, т.е. жили большими семьями, то и "отоу" становились помещениями для брачных пар"²⁹.

При этом, как видим, не делается различия между камерой и комнатой, хотя ясно, что, когда в едином пространстве однокамерного жилища внутренней перегородкой выделялись помещения для новых брачных пар, их можно было считать комнатами, а когда происходит пристройка к большому дому новых помещений, это означает превращение однокамерного жилища в многокамерное. И, конечно, достаточно сравнить "отоу" для совершеннолетних в доме Ортоя Забокова в Кунюме с "отоу" новых брачных пар в усадьбе Ахмана Кулиева в Эльтюбю, чтобы стало ясно, что не первые становились вторыми, а те и другие сразу строились как таковые, причем, естественно, что в первых очага могло и не быть, а во вторых, являвшихся домом новой брачной пары, он был обязательен.

Не видя разницы между двумя типами "отоу", нельзя объяснить, почему в одних есть очаг, а в других нет, что и породило противоречие сказанного дальше Ю.А. Асановым:

"Отоу", как правило, не имели очага, так как считалось, что обособленный очаг — это уже обособленное домохозяйство". И тут же оказывается: "Правда, в конце XIX в. в некоторых случаях в "отоу" строили очаги, но не для приготовления пищи, а для обогрева жилища"³⁰.

Оговорка насчет конца XIX века ничем не подтверждается, так как в действительности множество "отоу" с очагом, даже из тех, что были мною зафиксированы и показаны здесь, относятся ко времени значительно более раннему, вплоть до первой половины XVIII века. И наоборот, пристройки "отоу" без очагов и с перегородками из плетня, как было показано выше, относятся по всем признакам к позднейшему времени усиленного распада большой семьи, т.е. действительно к концу XIX века, даже если изначальное ядро усадьбы было значительно древнее.

в) Кунацкая

В ряду нескольких "отоу", пристраиваемых к большому дому для новых брачных пар, одна из них была кунацкой.

В очерке "Что такое кунацкая" М.О. Косвен говорит о том, что "кунацкая представляла собой либо отдельное от жилья семьи помещение в виде особого строения, либо часть общего жилого дома. В первом случае кунацкая находилась или на усадьбе, или вне ее, за оградой. Во втором случае кунацкая, согласно ряду показаний, совпадала с той частью жилища, которая обычно называлась "мужской половиной"³¹. При этом он указывает, что у ряда народов, в том числе "у балкарцев, существовала только первая форма".

Приведя это описание, Ю.Н. Асанов утверждает, что, "как показывает анализ полевого этнографического материала, у балкарцев, так же как и у карачаевцев, для приема гостей существовало два места: одно — около очага в "уллу юй" (большой дом), а другое — в отдельно пристроенном помещении — кунацкой"³².

Но хотя в большом доме было специально отведенное для приема гостей место у очага, все же место это еще не кунацкая.

Как сказано выше, кроме кунацкой в одной из "отоу" были кунацкие, стоящие отдельно, даже вне территории усадьбы.

М.О. Косвен высказывает предположение, что именно такие кунацкие были наиболее древними. При этом он пишет: "Заметим еще, что в настоящее время кунацкие по общему правилу на Кавказе исчезли, сменившись везде гостиной или отведенным в доме иным парадным местом для приема гостей. Таким образом, все наши замечания о кунацкой относятся к прошлому"³³.

Тем значительнее становится факт существования единственной, подробно зафиксированной мною в 1938 году кунацкой князей Суюншевых в Бузенги (рис. 14 — 20). Общая композиция всего ее комплекса была весьма сходна с устройством "Сапехно" ("говорильни") хевсур, которое М.О. Косвен дает по описаниям, взятым из прошлого, в таком виде: оно "представляло собой у хевсур особое помещение, находившееся на краю селения. Это — крытый шиферными плитами навес с каменными стенами. Спереди он открыт, внутри расположены каменные сиденья, по средине — мялка для обработки кожи"³⁴.

А вот кунацкая в Бузенги. Тоже крытый шиферными плитами навес с каменными стенами. Причем толщина циклопической кладки стен достигала в основании двух метров. Тоже спереди навес был открыт, образуя подобие портика с фронтом и деревянными колоннами — опорами, подпиравшими в пролете балки двухскатной кровли. Под навесом тоже ряд каменных сидений. Не было только мялки для кожи.

Но в отличие от хевсурской кунацкой, которая, как пишет М.О. Косвен, представляла собой "мужской дом" или "клуб холостяков", кунацкая в Бузенги была именно княжеской. Это видно хотя бы по тому, что в ней кроме упомянутых выше каменных сидений имелось обширное каменное ложе с изголовьем, сложенное из широких плит, — диван самог'о князя. Сиденья, выстроившиеся в ряд, вдоль стены, в которую упиралось изголовье княжеского ложа, постепенно возвышались по мере приближения к изголовью ложа, в соответствии со степенью знатности тех, кто на них восседал. Сами сиденья были сделаны из крупных каменных блоков, имевших форму неправильного треугольника с тщательно отшлифованным углублением в середине. Эти камни — не что иное, как древние ручные жернова, на которых не одно десятилетие толкли ступой зерно далекие предки балкарцев. Такие жернова встречались нам кроме кунацкой еще на горных перевалах, где теперь их назначение — служить опознавательными знаками, указывающими путнику, что он не сбился с пути.

К открытому в сторону двора навесу кунацкой примыкал ряд помещений со средними и пристенными очагами и без них, предназначенных для ночлега гостей.

Таким образом, кунацкая князя Суюншева представляла особый интерес как редкий образец того, что, по свидетельству М.О. Косвена, на Кавказе давно исчезло и относится к безвозвратному прошлому.

Рудиментом кунацкой являлась получившая в позднейшее время широкое распространение пристройка при входе однокамерных жилищ. Особенно характерна она была для домов малой семьи. В такой пристройке, очень небольшой по площади — всего 6 — 8 квадратных метров, в отличие от самого жилища,

имелось застекленное окно со столярной рамой, часто дощатый пол и потолок, стены, обмазанные глиняным или известковым раствором с побелкой. Нередко здесь стояла железная кровать с покупными подушками, одеялами, наволочками и простынями. Главное же — в такой пристройке была железная печурка с железной же трубой. По этой печке вся комната носила русское название "печь". По существу она являлась пережиточной формой кунацкой и предназначалась для помещения на ночь гостей. Такие пристройки получили особенно широкое распространение в селениях Баксанского ущелья. Были они и в Чегемском ущелье. Даже при старом однокамерном жилище Ачи Баизырова в возывающемся на хребте перевала селении Кала имелась именно такая "печь" (рис. 73).

Резко контрастировавшая комфорatabельностью интерьера с архаичностью самого жилища, снаружи "печь" весьма органично вписывалась в общий объем и благодаря пластиности неровной поверхности суживающихся кверху стен совершенно сливалась со всей постройкой (рис. 71 и 74).

Эта так называемая "печь" балкарских жилищ была аналогична такой же пристройке в жилищах карачаевцев. В труде "Народы Кавказа", в главе, посвященной карачаевцам, Е.Н. Студенецкая пишет: "Наконец, в отоу очаг сменился печью типа плиты. От русского слова "печь" происходит и название комнаты русского типа (с плитой, застекленным окном, деревянным полом и потолком) — "печь"³⁵.

Следует лишь заметить, что у балкарцев в пристройке такого типа не "очаг сменился печью", а печь устанавливалась сразу, очага же никогда не было.

Разумеется, "печь" — всего лишь один из элементов завершающей стадии эволюции традиционного балкарского жилища. На ранних ее стадиях, как мы видели, за сегментацией внутри однокамерного жилища следовало разрастание его за счет дополнительных новых хозяйственных и жилых пристроек, создававших комплекс усадьбы.

Позднее формирование комплекса происходило вокруг жилища главы малой семьи, которое уже не являлось патриархальным большим домом и как бы растворялось в ряду подобных ему построек (пристраиваемых к нему). Почти ничем от них не отличаясь, оно перестало быть организующим центром, каковым вместо него стал двор.

Примером такого жилища может служить дом Т. Кулиева в Булунгу (рис. 49 — 52).

2. О ПОСЕЛЕНИЯХ

Дальнейшее разрастание жилого комплекса привело к тому, что в ряде случаев двор превращался в нечто вроде коридора между группировавшимися вокруг него пристройками.

Смыкаясь с такими же комплексами, складывавшимися по соседству, вместе они образовывали целый лабиринт дворов-коридоров и расположенных вдоль них жилых и хозяйственных помещений, находившихся под одной кровлей. Такие коридоры и сами становились местом содержания скота в их различных ответвлениях. Таким образом, создавалось целое поселение, состоявшее из слитых в единое целое отдельных посемейных комплексов-тукумов, принадлежавших кровным родственникам.

Поселение Булунгу, располагавшееся в долине верховьев Чегема (рис. 44, 45, 46), может рассматриваться как классический пример такой патронимии в том виде, как представляет ее впервые введший это понятие в этнографию М.О. Косвен.

"Патронимия — родственная группа, состоящая из некоторого числа больших или малых семей, образовавшихся в результате сегментации одной большой семьи. Каждая из этих разделившихся семей представляет собой самостоятельную единицу, вместе с тем вся эта группа семей сохраняет в ряде отношений хозяйственное, общественное и идеологическое единство"³⁶.

Позднее эту характеристику патронимии М.О. Косвен иллюстрирует описанием балкарских жилищ: "У балкарцев жилища одной патронимии, состоявшие, например, из 8 — 12 семей, были расположены компактно — одно за другим, причем они все или почти все были под одной крышей"³⁷.

Данное Миллером и Ковалевским описание такого типа поселения Балкарии, настолько схожего с Булунгу, что кажется, будто речь идет именно о нем, приводят в своей книге Ю.Н. Асанов: "Так, В.Ф. Миллер и М.М. Ковалевский в 80-х годах XIX века относительно балкарского жилища писали: "Вокруг небольшого дворика тянется ряд низеньких построек, сложенных из камня без цемента. Плоские крыши покрыты землей, и, если бы не плетеные и вымазанные глиной широкие круглые трубы, вы не догадались бы, что ходите по крыше, а не по лужайке"³⁸.

Приведя столь ясное описание именно балкарского поселения с крытыми дворами, Ю.Н. Асанов, однако, совершенно неожиданно заключает: "Как видим... в балкарских постройках дворы в конце XIX — начале XX века были открытыми".

Автор обращается также к другому источнику — к запискам А. Станкевича, который в середине XIX века писал о селении Безенги, что в нем "всякая сакля состоит из двух галерей... в передней галерее помещается скот, а в задней — люди. Дворики около всякой сакли маленькие..."⁴⁰.

Хотя как будто совершенно ясно, что здесь речь идет не о крытых дворах, а об усадьбе, состоящей из жилища, помещения для скота и дворика (открытого) перед ним, Ю.Н. Асанов резюмирует: "...в постройках, описанных А. Станкевичем, прежде чем войти в жилое помещение, нужно было пройти через помещение для скота, т.е. в принципе через крытый двор, представляющий собой хозяйственную постройку для скота и одновременно составляющий сегмент, часть жилища. Таким образом, крытые дворы... существовали и у балкарцев..."⁴¹.

Но, во-первых, у А. Станкевича не "крытый двор, представляющий хозяйственную постройку", а хозяйственная постройка и перед ней "дворик маленький", и, во-вторых, не "хозяйственная постройка, составляющая сегмент жилища", а два отдельных помещения — для скота и для людей.

Итак, сперва приведя данное в конце XIX века Миллером и Ковалевским описание балкарских жилищ с крытыми дворами, Ю.Н. Асанов решает, что "в балкарских постройках к концу XIX — началу XX в. дворы были открытыми". А затем, приведя данное А. Станкевичем описание дома с открытым двориком, на этом основании заключает, что все-таки "крытые дворы существовали и у балкарцев!"⁴².

Впрочем, его обращение не к литературным источникам, а непосредственно к поныне сохранившемуся в натуре объекту (усадьбе Ахмана Кулиева в Эльтюбю) тоже не вносит ясности. "Между прочим,

кулиевский комплекс построек, где жилища группируются вокруг общего двора, судя по фотографии, в прошлом, видимо, имел единый громадный крытый двор ^{по типу карачаевских построек с крытым двором}⁴⁵.

Но, во-первых, "судя по фотографии", помещенной в цитируемой книге, находящийся в середине усадьбы двор не мог быть крытым, поскольку все окружающие его постройки имеют разную высоту. Во-вторых, зачем судить по фотографии, когда усадьба эта, к счастью, уцелела до наших дней и осмотр ее в натуре вполне доступен.

Основу ее составляет первоначальный большой дом, от которого начинался весь комплекс усадьбы и который с самого начала, как уже было сказано выше, представлял собою крытый двор, окруженный хозяйственными и жилыми помещениями, находящимися под одной с ним кровлей. Перегородки, разделявшие их, теперь не сохранились, но о том, что они были, свидетельствуют пазы в балках, которые видны хорошо до сих пор. В этом легко убедиться по исполненной мною в 1938 году натурной зарисовке (рис. 57), на которой ясно видно, что это не интерьер жилища, а внутреннее пространство крытого двора с ведущими в него именно воротами, высотой в 2 метра, через которые вводили скот, а не с обычной дверью, какие бывают в жилищах и не превышают полутора метров.

В Баксанском ущелье, в Верхнем Баксане, Абдулаевский поселок селения Курмо сложился на той стадии эволюции жилища, когда разрастание семейной общины сопровождалось дальнейшим ослаблением взаимных связей ее членов, предвещая неизбежное превращение родства в соседство (рис. 83 — 91).

Если в Булунгу среди всей массы лепившихся друг к другу жилых ячеек еще можно было отличить по монументальности постройки и размерам ее площади первоначальное ядро — жилище главы семьи, имевшего на нее еще какое-то влияние, и если даже в длинном доме Тимудара Гулиева легко угадывалась его древнейшая часть, к которой пристраивались новые жилища, то здесь, в Абдулаевском поселке, первоначальная постройка, от которой пошел весь поселок, могла быть обнаружена только по второстепенным, едва уловимым признакам. Это такое же жилище, как и все его окружающие. Размер его, как и соседних с ним, составлял всего 12 — 15 квадратных метров, так что, разумеется, во всех них не было необходимости в промежуточных опорах в виде центрального столба, очаги только пристенные. Но самым важным в планировке всего комплекса являлось то, что отдельные его ячейки, примыкая друг к другу и составляя по-прежнему единый организм, были не только изолированы друг от друга, имея самостоятельные выходы, как все "отоу" усадьбы большой отцовской семьи, но и обращены выходами не к одному центру, как в усадьбе Ахмана Кулиева, или к проходу, как в Булунгу, а в разные стороны, как бы стремясь оторваться друг от друга, хотя их еще и связывала общность хозяйственных интересов (рис. 106-а, б, в).

Это стремление к обособленности привело к тому, что самая поздняя постройка поселка — дом Магомета Абдулаева — строилась совсем отдельно от остальных, даже стенами не соприкасаясь с ними (рис. 87, 88). Помещение же для скота хотя и осталось единым, но в отличие от предыдущих стадий развития вся хозяйственная часть (двор, загоны для скота) была расположена отдельно от жилищ.

Г.Х. Мамбетов, приведя взятую из моего доклада характеристику Абдулаевского поселка, пишет, что "все его постройки образуют единое сооружение"⁴⁴. Но в архиве КБНИИ хранятся мои обмеры этого поселка, выполненные с натуры в 1938 году, среди которых есть и генплан, и разрез по участку, ясно показывающие, что этот комплекс никак не мог образовать "единое сооружение", а, напротив, состоял из группы разных построек, ориентированных от одного центра в противоположные стороны.

В процессе дальнейшего распада и дробления большой отцовской семьи происходило и хозяйственное разделение. Вместо общих помещений для скота при каждом жилище малой семьи устраивался, если это позволял размер участка, свой хозяйственный двор с навесами и загонами для скота. Навес, образуемый кровлей жилища, выступавший с его лицевой стороны и опиравшийся на деревянные столбы, становился основным местом хозяйственной деятельности в доме.

Как уже говорилось выше, для внутреннего устройства такого жилища характерны были небольшие размеры его площади, отсутствие промежуточных опор, пристенный очаг-камин с внутренней стороны фасадной стены, с одной стороны от которого находилась входная дверь, а с другой — небольшое окно со ставнями. В торце помещения, у входа, дощатой перегородкой отгораживался склад для продуктов — "гезен".

Такие жилища постепенно становились все более распространенными и называли собой сформирование той схемы балкарского жилища, которая соответствовала периоду распада большой отцовской семьи и образования малых семей. Составляя значительную часть позднейших полигенных поселений и поселения хуторского типа, они все реже перерастали в комплексы новых больших отцовских семей.

Самым совершенным образцом такой постройки являлся дом Хаджимурата Кулиева в Эльтюбю (рис. 58, 59, 60). Хотя в нем много общего с теми постройками Кунюма и Безенги, которые относились к ранним стадиям развития балкарского жилища, но именно из сравнения с ними можно видеть, какой путь был пройден между этими постройками и какого совершенства и своеобразия достигло балкарское народное зодчество. Ясно, что это было не простым возвращением к прежнему, а свидетельством развития и прихода к исходным принципам на новой, высшей основе. Конечно, не все подобные постройки отличались такими же достоинствами. В доме Хаджимурата Кулиева достижения и традиции, порожденные опытом, соединились с особой одаренностью его строителя, так что можно смело говорить об этой постройке, как о памятнике народного зодчества Балкарии.

Другие такие постройки, возведившиеся позднее, свидетельствовали об упадке строительного искусства, сопровождавшем дальнейшее развитие социально-экономических отношений. К тому же в распоряжении строителей более позднего времени уже не было таких строительных материалов, как лес, применявшаяся при постройке дома Хаджимурата Кулиева. Ведь стволы, пошедшие в нем на опоры, поддерживающие навес, на коньковый брус и на пластины кровли, имели в диаметре до 60 сантиметров и более и отличались исключительной добротностью. В других же подобных постройках на эти цели употреблялись жерди и столбы диаметром 15 — 20 сантиметров, и обработка их была гораздо примитивнее.

Изложенный выше процесс эволюции жилищ и образуемых ими поселений имел свои разновидности в зависимости от местоположения поселения. На относительно ровных пространствах плоскогорий и долин ущелий, по мере разрастания усадеб больших отцовских семей, свободно расположенных на каком-то расстоянии друг от друга, происходило постепенное слияние их в потокумные патронимические образования, а затем и полигенные поселения, и только после окончательного заселения определенной территории следовало отпочкование новых жилищ в выселки хуторского типа. Потеррасные поселения, расположенные на горных склонах ущелий, имели с самого начала более компактную застройку, что вынуждало к более интенсивному выделению в другие места жилищ newly образуемых малых семей либо на плоскость лежащих ниже долин, либо к превращению зимников, расположенных также на горных склонах, в новые односемейные, а позднее в однофамильные и многофамильные поселения.

Примером такого отпочкования на ранней стадии развития могли служить жилища Капана Гергокова в Верхнем Хуламе (рис. 26 — 29), где проис-

ходило вторичное образование новой большой отцовской семьи, и только что упомянутый дом Хаджимура Кулиева — образец усадьбы малой патриархальной семьи, также сложившейся в начальный период распада большой отцовской семьи.

Среди более поздних новообразований, явившихся результатом отделения новых малых семей в условиях поттеррасной застройки, можно указать на усадьбу Омара Атмурзаева в Нижнем Баксане (рис. 93 — 97) и селение Былым (рис. 98). Последнее, по свидетельству архивных источников, возникло из зимовника для скота, что подтверждается самим его названием.

Итак, оглядываясь на все стадии развития народного жилища Балкарии, видно, как первоначально происходили чисто количественные изменения. Жилище обрастало новыми жилыми и хозяйственными пристройками. По мере такого разрастания новые образования теряли свою соподчиненность, дальнейший рост вел к распаду целого и дроблению на части, становившиеся все более обособленными и существенно отличающимися от первоначальных, т.е. количественные изменения постепенно приводили к изменениям качественным.

КЛАССИФИКАЦИЯ ЖИЛИЩ

1. ТИПЫ ЖИЛИЩ

Эволюция жилища от однокамерного к многокамерному жилому комплексу большой отцовской семьи, а затем в результате распада ее к однокамерному — малой семьи означала определенные изменения его структуры.

При этом многовековая изолированность, способствующая консервации патриархально-родовых отношений, привела к тому, что с появлением новых типов предыдущие не исчезали, а продолжали существовать либо самостоятельно, либо как первоначальное ядро последующих образований. В результате жилища, относившиеся к разным периодам эволюции, представляли как отличающиеся друг от друга типы построек, образующих балкарские поселения, существовавшие до недавнего времени. В одно и то же время в них можно было встретить и первоначальное однокамерное жилище, сохранившееся либо как самостоятельное, либо в комплексе, образованном вокруг него, и усадьбу большой отцовской семьи, разросшуюся вокруг большого дома, и отпочковавшееся от нее однокамерное жилище малой семьи (рис. 107). Таким образом, в общей массе жилищ этих поселений можно различить три основных типа, объемно-планировочное решение которых было обусловлено хозяйственным укладом и бытом балкарцев, т.е. определенными социально-экономическими условиями:

1. Однокамерное каменное жилище "уллу юй" — со срединным очагом, одним центральным или несколькими срединными опорными столбами, несущими плоскую крышу.

2. Многокамерное жилище большой отцовской семьи, группирующееся вокруг большого дома.

3. Однокамерное жилище малой семьи, каменное или срубное, с двухскатной кровлей, без промежуточных опор и с пристенным очагом.

Так как каждый из этих трех типов был порожден определенной стадией социально-экономического развития этноса, а заселение балкарцами нынешней территории Балкарии началось от верховьев Черек-Балкарского ущелья и через верховья Хуламского и Чегемского ущелий завершилось в Баксанском ущелье, то соответственно этому первый, наиболее архаичный тип построек преимущественно сохранился к моменту исследования в Черек-Балкарском и Хуламском ущельях. В Чегемском ущелье обнаруживалась наибольшая концентрация построек второго типа, а третий, позднейший тип преобладал в Баксанском ущелье.

Исходя из этого, мною даже было предложено, в соответствии с таким распределением типов по ущельям, выделить Черекский тип балкарских жилищ, Хуламский, Чегемский и Баксанский⁴⁵.

Однако эволюция жилища, как и породившее ее социально-экономическое развитие, как известно, не представляло собою непрерывную цепь целенаправленных перемен. В процессе этого развития происходило постоянное возвращение, хотя и на новой основе, к исходным позициям, т.е. развитие шло как бы по спирали. Малые семьи нередко давали начало образованию новых больших отцовских семей, а распад больших семей отцовского типа был отнюдь не однозначен и не относится лишь к позднейшему времени. Выделение из них малых патриархальных семей происходило и на ранних исторических этапах.

Поэтому, несмотря на преимущественное распределение жилищ каждого типа по последовательно заселявшимся ущельям, отдельные весьма характерные образцы жилищ второго типа мы находили и среди построек первого типа в Черек-Балкарском ущелье, а самые совершенные постройки третьего типа соседствовали с жилищами второго типа в Чегемском ущелье. Причем далеко не все они относились к позднейшему времени, и некоторые могут датироваться началом XVIII века.

А по сему предложенное когда-то мною обозначение типов построек по названиям ущелий следует признать слишком условным и не полностью отвечающим действительному распределению их по разным районам Балкарии.

Иная типизация балкарского жилища предложена Г.Х. Мамбетовым. В труде, посвященном материальной культуре балкарцев и кабардинцев, в разделе, касающемся жилищ, он пишет: "Таким образом в конце XIX — начале XX в. в балкарских селениях сосуществовали три типа жилища: 1) большие однокамерные постройки со срединным очагом, с дымарем и даже без него; 2) небольшие более новые постройки из двух и более комнат с пристенными очагами и 3) дома нового типа, принадлежащие представителям социальной верхушки, таубиям и кулакам"⁴⁶.

Фактически, как видно из приведенного текста, в нем речь идет тоже о типах жилища, соответствующих этапам его эволюции. Но при этом после первого, однокамерного жилища сразу называются "небольшие новые постройки с пристенными очагами", т.е. жилища малой семьи, которые в действительности должны быть не на втором месте, а на третьем, так как в этом перечне пропущены многокамерные жилища большой отцовской семьи — главное звено всей цепи эволюции. В то же время обозначенные как третий вариант "дома нового типа, принадлежащие... таубиям и кулакам", вообще не относятся к традиционному балкарскому жилищу. Они и строились-то не самими балкарцами, а приглашенными со стороны мастерами, и в них не оставалось ничего от традиций подлинного народного балкарского зодчества.

Кстати, для подлинно народного жилища Балкарии как раз характерно было именно то, что в нем различие в образе жизни отдельных социально-экономических групп не получило особого выражения, как это было у соседних народов.

В то время, как, например, в Северной Осетии переход к феодализму сказался в наличии двух качественно отличных друг от друга видов жилищ — "галуанов", или замков, в которых жили крупные феодалы, и "хадзаров" — жилищ простого народа, — в Балкарии традиционные жилища представителей разных социально-экономических групп отличались между собой только по количественным параметрам: размерами построек и особенно мест, отводимых для хранения имущества, а также добротностью выполнения строительных работ и, наконец, местом, занимаемым жилищем по отношению ко всему селению. В более ранних горных селениях жилища знати как бы завершали собой всю застройку, господствуя над остальной массой домов. Позднее, когда начало происходить переселение в низины, оно осуществлялось прежде всего знатными фамилиями, которые занимали наиболее удобные земли долин. Поэтому расположенные в долине селения часто получали названия по переселившимся сюда фамилиям, считавшим такие территории своей собственностью. Однако ни эти усадьбы в долинах, ни господствовавшие над остальными жилища знати в ущельях обычно не имели характера домов-замков, подобных галуанам Осетии. Очевидно, независимо от того, когда по времени возникли селения Балкарии, формирование их происходило на более ранней стадии становления классовых отношений, нежели в Осетии. Разложение родового общества балкарцев еще не привело к скачку, означавшему окончательный переход к сословному размежеванию. При этом в силу живучести патриархально-родовых отношений и многовековой экономической изолированности Балкарии эта особенность оставалась характерной для балкарского народного жилища всех периодов.

Еще менее убедительна типизация балкарского жилища, предложенная через пять лет Ю.Н. Асановым. Приведя сначала классификацию, разработанную А.И. Робакидзе и В.П. Кобычевым для всех жилищ народов Кавказа, согласно которой все они делятся на пять типов, в зависимости от примененных строительных материалов и конструкций перекрытия, Ю.Н. Асанов пишет: "На наш взгляд, данная классификация несколько не дифференцирована, поскольку в один и тот же тип в отдельных случаях входят различные не только в архитектурном⁴⁷ но и объемно-планировочном отношении жилища"⁴⁷. Такое противопоставление является непрофессиональным, поскольку объемно-планировочный тип составляет основу и самую суть типа архитектурного. Далее, противореча собственному замечанию о том, что данная классификация "несколько не дифференцирована", автор сам упрощает типологизацию балкарского жилища с пяти до трех, затем — двух и в конце концов до одного — единственного (?) типа. Он пишет: "...поскольку планово-композиционное решение жилищ балкарцев всех четырех ущелий было однотипным, мы, независимо от стенового материала, системы перекрытий, опорных столбов и т.д., можем выделить один тип — однокамерное каменное или срубное с плоской или полого-двухскатной кровлей жилище "уллу юй" (большой дом) — главное жилище, представляющее в плане вытянутый прямоугольник, без дифференциации внутреннего пространства на отдельные комнаты. Позднее к основному однокамерному жили-

щу "уллу юй" чаще всего в один ряд для сыновей и дочерей, достигших совершеннолетнего возраста, стали пристраиваться дополнительные камеры — комнаты "отоу"⁴⁸.

Но всякая классификация имеет смысл только в том случае, если она помогает выявить имеющиеся различия, а не отбрасывает их, сводя все к одному типу. Тем более какой же это "один тип", если, как пишет Ю.Н. Асанов, под ним подразумеваются постройки и однокамерные, и многокамерные.

И если уж на то пошло, то, встав на этот путь, нам придется отказаться от наличия даже одного типа собственно балкарского жилища, так как те социально-экономические условия, которые определили объемно-планировочное решение жилищ, были характерны не только для Балкарии, но и для ряда других народов Северного Кавказа и Закавказья. Таким образом, придется говорить не о балкарском, а об общекавказском типе жилищ, соответствующем определенным периодам исторического развития.

Кстати, именно об этом говорил на сессии по проблемам происхождения балкарского и карачаевского народа, проходившей в Нальчике в 1959 году, П.Г. Акритас, сказав, что "это подтверждается и материальной культурой балкарцев и карачаевцев, в частности, архитектурными особенностями их жилищ. Подобный тип жилищ является общекавказским"⁴⁹.

Однако общность объемно-планировочного решения, обусловленная единими не только для всей Балкарии, но и для соседних народов социально-экономическими условиями, предполагает постепенное изменение как самих этих условий, так и соответственно им самой структуры жилища.

В тех же случаях, когда жилища, соответствующие каждому этапу этой эволюции, существенно отличаясь друг от друга, продолжали сосуществовать между собой, это дает основание для их типологической дифференциации.

Кроме того, общность, порожденная одинаковыми социально-экономическими условиями, не исключает своеобразие жилищ, обусловленное спецификой исторических и природных особенностей каждого края: климата, рельефа местности, наличия тех или иных строительных материалов и сложившихся традиций.

2. РАЗНОВИДНОСТИ ЖИЛИЩ

Поэтому для исчерпывающего выявления всего многообразия построек балкарского народного жилища, помимо типизации, в которой решающее значение имели социально-экономические условия, определившие то или иное объемно-планировочное решение, целесообразно дать еще классификацию построек по их конструктивным и отчасти композиционным особенностям, зависевшим от характера природных условий тех конкретных мест, где находились поселения.

Правда, по мнению Ю.Н. Асанова, в такого рода классификации "все зависит от того, какой элемент народного жилища тот или иной исследователь берет за основу в качестве главного критерия. Одни авторы за основу берут материал, другие — систему перекрытия, третьи — планировку, четвертые — этажность и т.д."⁵⁰.

Между тем представляется совершенно очевидным, что если для планировки жилищ решающим являются условия хозяйствования, быта и культуры их обитателей, то в формировании облика построек,

в выборе конструктивных приемов возведения их, независимо от точек зрения исследователей, решающими являются такие факторы, как рельеф местности, наличные строительные материалы, породы грунта, климат, композиционное расположение построек на участке.

А так как вся территория Балкарии, как мы знаем, отличается исключительным разнообразием природных и климатических условий, связанных с наличием ущелий и пересекающих их хребтов и депрессий, то различие в облике и конструктивном решении жилищ разных районов Балкарии оказывается весьма существенным и дает основание для того, чтобы, помимо выделения типов жилищ, на которые решающее влияние оказывали условия хозяйствования и быта, выделить такие разновидности конструктивного и композиционного решения построек, которые определялись конкретными природными условиями.

При этом, так же как и типы построек, эти разновидности их тоже нельзя группировать строго по ущельям, так как различие в природных условиях определялось не только наличием ущелий, но и пересекающими их грядами хребтов и долинами лежащих между ними депрессий. Благодаря им оказывалось, что разница в природных условиях гораздо ощущимее между верховьем, средним течением и нижним течением рек каждого ущелья, нежели между самими ущельями. И, наоборот, каждый отрезок одного ущелья имеет много общего с аналогичными зонами других ущелий, в особенности в отношении пород грунта, в зависимости от геологической структуры хребтов, пересекающих все ущелья.

Все это не могло не сказатьсь и на специфике жилищ, расположенных в разных районах Балкарии. Хотя в целом Черекское ущелье уже и склоны его круче, чем в Баксанском ущелье, но в Баксанском ущелье, наряду с такими поселениями, как Курм, расположенными на плоскости в долине верховьев Баксана, были и потеррасные поселения, такие, как расположенный на склоне бокового ущелья Кала-Кол — Былым. И, напротив, в более узких и крутых каньонах Черек-Балкарского и Хуламо-Безенгийского ущелья, наряду с такими потеррасными поселениями, как Шики, встречались поселения и отдельные жилища, расположенные если не на равнине долин, то на пологой плоскости высокогорных плато. И в Чегемском ущелье, даже в одном и том же Эльтюбю были дома, расположенные на плоскости и на склонах, и было находившееся под одной крышей целое старинное поселение Булунгу, лежащее на относительно ровной поверхности долины верховьев Чегема, настолько своеобразное, что объединять его в один тип с домами Верхнего Чегема только из-за того, что все они находились в одном ущелье, — нецелесообразно.

По привязке к рельефу и характеру природы каждой конкретной местности можно, хотя тоже не претендую на исчерпывающий охват, все же выделить, по крайней мере, три разновидности построек:

1. Каменные потеррасные жилища с плоской крышей.

2. Срубные жилища с двухскатной кровлей на горизонтальной поверхности.

3. Промежуточный или смешанный вид жилищ, расположенных на относительно пологих склонах, в которых сочеталась каменная кладка со срубом, а крыши двухскатные с очень незначительным уклоном (рис. 108).

Первая разновидность построек — каменные потеррасные жилища с плоской крышей располагались на крутых склонах преимущественно Черек-Балкарского и Хуламо-Безенгийского ущелий, где они врезались в самый массив скалы. В высеченном в скале уступе получалась горизонтальная поверхность пола и вертикальная — задней стены. В этом же массиве скалы высекался вдоль задней стены так называемый "тырхык" и углубление — ниша для текущего запаса дров, а в полу — ямы для хранения ячменя и картофеля. Камень, вынутый при устройстве уступа, шел на кладку лицевой и боковых стен и ограждение усадьбы.

В связи с тем, что, как было сказано вначале, с Черекского ущелья началось заселение балкарцами современной территории Балкарии, именно к этому виду построек относились наиболее древние из остававшихся там до войны жилищ. И в других ущельях первоначально поселения размещались на крутых склонах верхней зоны.

Ступенчатое расположение жилищ на горном склоне приводило к тому, что крыши домов нижележащего ряда обычно использовались как дворы или просто открытые площадки перед домами, расположеннымими над ними. Иногда даже навес верхнего дома имел своим основанием крышу нижней постройки.

Эта вполне понятная взаимосвязь потеррасно расположенных жилищ характерна не только для Балкарии, но и для других районов горного Кавказа, особенно Дагестана, где из-за крутизны склона, на котором лепятся аулы, не только дворы, но нередко и сами жилища имеют своим основанием крышу домов нижележащего ряда.

Правда, по обычаю, описание которого Д.М. Габиевым приводит в своей книге Ю.Н. Асанов, "все пространство над домом считалось собственностью его владельца", так что не только строить дом, но даже пробивать двери и окна в нем недэзя было без согласия владельца нижележащего дома³¹. Впрочем, отказать в таком разрешении считалось позором.

Выше речь шла о постройках, относившихся к первой разновидности жилищ, располагавшихся на крутых скалистых склонах верховьев Черекского и других ущелий.

Сюда же относились постройки на мягком грунте более пологих склонов Баксанского ущелья. То же террасообразное расположениеселений (Былым, Нижний Баксан) достигалось здесь иным путем. Ступени, на которых располагались жилища, не высекались в скале, а устраивались посредством сооружения на склоне нескольких рядов подпорных стенок из камней, собранных в долине реки. Эти подпорные стенки удерживали насыпной грунт, образующий горизонтальные площадки, на которых строились дома (рис. 98, 101).

Внешняя вертикальная плоскость образовывала заднюю стену нижележащего дома. Лицевая и боковые стены были сделаны из обмазанного толстым слоем глины плетня или сложены из естественного камня. Навес перед домом опирался на деревянные столбы небольшого диаметра, такого же, как и балки перекрытия. Ко времени возникновения этих поселений уже не оставалось более мощных стволов старых деревьев — прежние девственные леса в этих местах постепенно сводились на нет.

В целом эти постройки были легче и менее монументальны, чем описанные выше. Промежуточными между ними являлись постройки таких поселений, как Думала (рис. 41, 42) и Шики (рис. 32), где

жилища располагались на склонах, частично врезаясь в них, а частично используя уступы, образованные подпорными стенками, как это видно на примере дома Таукаша Хочуева в Шики (рис. 38).

В жилищах второй разновидности, расположившихся на горизонтальной поверхности высокогорных плато или в котловине каньона, стены возводились на всю высоту, по всему периметру зданий, иногда на неглубоком фундаменте. При этом в местах, изобиловавших лесом, первоначально вся постройка выполнялась из мощных стволов дерева, а позднее по мере истребления лесных массивов на сруб шли стволы меньшего диаметра, затем стены частично, а потом и целиком выкладывались из камня. Этот процесс постепенной замены дерева камнем виден на примере жилого комплекса в Курмо (рис. 79, 82).

Древнейшая его часть — жилище Тимудара Гулиева (рис. 80) была выполнена целиком из дерева — четырехгранный сруб и по нему двухскатная дерево-земляная кровля. В пристройках, производившихся позднее, для новых брачных пар, стены на две трети высоты — каменные и по ним два-три венца из бревен. А в самых поздних пристройках стены целиком были выложены из камня, лишь поверху положен один ряд бревен в виде маэрлата, и только кровля оставалась деревянной, но стволы несущих балок здесь также значительно тоньше, чем в кровле первоначальной постройки (рис. 82).

Кровля этого вида построек обычно была двухскатной с наклоном скатов от весьма незначительного (1:5), полученного за счет сгиба несущих балок и лежащего на них конькового прогона, до более значительного (1:3), образованного за счет подъема конькового бруса на коротышки, опиравшиеся на поперечные балки (рис. 79).

Устройство двухскатной кровли и большая или меньшая высота ее подъема были связаны с особенностями климатических условий данного района ущелья, большим или меньшим количеством выпадающих здесь осадков. К тому же при расположении жилищ на одном уровне не было необходимости в устройстве плоской кровли как дополнительной территории для вышестоящих домов. Для этих построек вообще была характерна более свободная группировка. Жилища обращались не в одну сторону, как в потеррасных селениях, а в разные (Абдулаевский поселок) или лицом друг к другу.

Третий вид построек — жилища, расположенные в безлесных районах со скалистым грунтом. Стены их с самого начала выкладывались из камня. В тех случаях, когда имелся некоторый уклон местности, в них лишь частично использовался в качестве задней стены вертикальный срез склона или естественный уступ рельефа, при этом для получения необходимой высоты здания стена наращивалась каменной кладкой, остальные три стены выкладывались на всю высоту. Нередко для ограждения использовались оказавшиеся на участке громадные валуны или скатившиеся с обрывов осколки горных утесов, целиком входившие в монолит стены. Именно таково было жилище Байрымука Абдулаева в Абдулаевском поселке селения Курмо в Баксанском ущелье (рис. 86).

Свободно располагавшиеся на местности, эти жилища, как и постройки второго вида, обычно имели двухскатную кровлю. Но лес, шедший на устройство ее и на опоры, несущие кровлю, доставлявшийся иногда через перевалы из других районов, отличался особой мощностью стволов — диаметром до 60 — 70 сантиметров. Постройки этого вида были вообще весьма монументальны, циклопическая кладка

их стен имела в основании нередко более метра в поперечнике. Обработка дерева — отеска стволов на брус для поперечных прогонов и многогранных опор отличалась особой тщательностью, так же как и выделка косяков и перемычек оконных и дверных проемов. Большинство этих построек относилось ко времени широкого распространения малой патриархальной семьи. Наиболее совершенными образцами таких жилищ являлись уже упоминавшиеся дома Хаджимурада Кулиева и Малкаркуевых в Эльтюбю (рис. 58, 61, 62).

3. ОБ ЭТАЖНОСТИ

Еще одна разновидность жилых построек Балкарии — двухэтажные жилища — не выделена нами в отдельную группу, поскольку, как уже говорилось ранее, в общей массе жилищ они были весьма немногочисленны и, в отличие от поселений других народов Кавказа, не характерны для традиционного зодчества Балкарии.

Многоярусные каменные башни, встречавшиеся здесь, строились не самими балкарцами, а были построены либо до балкарцев, либо по их приглашению пришлыми мастерами. Правда, В.П. Кобычев видит в них образец самого раннего балкарского жилища и пишет о них: "Древнейшей формой жилища следует признать, по-видимому, двухэтажные жилые башни, подобные осетинскому хадзару. Остатки такого дома можно видеть и в наши дни вблизи бывшего балкарского селения Кунюм Черекского ущелья. В таком доме обитала большая семья, а в более раннее время целый родовой коллектив"³².

Однако упомянутые здесь остатки двухэтажного жилища не "подобны осетинским", а таковыми и являются, поскольку сооружены они до появления здесь балкарцев.

Для балкарских же жилищ была характерна горизонтальная расположленность. Двухэтажные постройки, если и встречались в некоторых селениях, никогда не сооружались сразу. Вторые этажи их всегда надстраивались уже в позднейшее время. В террасных селениях на горных склонах каждое жилище оставалось одноэтажным, так как следующий ярус составляли дома другого ряда, и разрастание шло либо за счет пристройки сбоку, либо, при отсутствии свободного места, за счет переселения в другие места.

На горизонтальных участках долин и плоскогорий также развитие шло по линии пристройки жилых и хозяйственных помещений к первоначальным. Только в отдельных случаях, причем в основном в позднейшее время, когда по соседству уже не оставалось свободного места, надстраивался второй этаж. Такими поздними надстройками являлись два деревянных сруба из плах в селении Булунгу (рис. 45, 47).

Сплошная компактная застройка жилищ, группировавшихся вдоль крытых коридоров и образовавших целые кварталы под одной крышей, когда возможности сегментации были исчерпаны, вынудила обитателей этих жилищ в двух случаях возвести над основным домом деревянную надстройку.

В 1938 г. мне еще довелось беседовать со строителем их — 130-летним кузнецом Кау Этезовым, которого до сих пор помнят в Булунгу как искусного умельца, мастера на все руки. Без взякой пилы, лишь с помощью топора, он возвел срубы из отесанных

вручную плах над домами Тамука Кулиева и Хусейна Геттуева, с двухскатной кровлей, навесами и проходящими сквозь них дощатыми дымниками очагов первого этажа.

Лестницы, ведущие в эти надстройки, были сделаны также из толстой плахи с поперечными планками на гвоздях самодельной работы и являлись вариантом более старых лестниц из цельного бревна со ступенями-насечками, одну из которых я зарисовал в Бензенги (рис. 22).

Следует отметить, что, несмотря на малочисленность таких срубных надстроек, утверждение Ю.Н. Асанова о том, "что такого рода двухэтажные постройки⁵³ были распространены только в Чегемском ущелье" — неверно. Точно такие же срубные надстройки, для возведения которых возможно когда-то приглашался тот же Kay, были зарисованы нами и в Баксанском ущелье (рис. 92).

Но в то же время неверно и противоположное утверждение В.П. Кобычева, который, приведя описание упомянутого дома Х. Геттуева, говорит о том, что "позднее в Верхнем Баксане подобный комбинированный дом с деревянным верхом, поднятым на каменном основании, станет одним из самых распространенных"⁵⁴. По В.П. Кобычеву, в доме Х. Геттуева, "одном из самых старых домов в селении Булунгу... девичья комната кызы-отоу выстроена из толстых рубленых досок, но стоит на высоком каменном цоколе, в котором содержится скот"⁵⁵.

В действительности же эта деревянная надстройка была сооружена не над помещением для скота, а над основным жилищем, которое к тому времени, когда его увидел В.П. Кобычев (1972), использовалось для скота обитателями, переселившимися в новый дом. О первоначальном назначении помещения бесспорно свидетельствуют сохранившиеся в нем остатки очага. Дома же, получившие распространение позднее в Верхнем Баксане, представляли собой деревянное жилище, сразу построенное на каменном цоколе, предназначенному с самого начала для содержания скота, а не позднейшую деревянную надстройку над первоначальным жилищем.

Таким образом на деле между старыми жилищами Булунг с деревянными надстройками и деревянными жилищами на каменном цоколе, получившими распространение в позднее время, нет ничего общего.

О принципиальном различии этих двух типов двухэтажных построек писал еще Б.А. Куфтин в работе, посвященной народному жилищу Крыма: "Двухэтажная конструкция домов в Крыму при сходстве ее с балкарской восходит через двухэтажные дома даков, известных по изображению на Трояновой колонне, к тому значительно более древнему слову, который определил эти типы и на Кавказе, где идея их в равнинных областях была связана с вышеуказанным распространением свайных построек с двухскатными крышами, низ которых обратился впоследствии в стойла для скота, как, например, характерные, с выступающим фронтом, дома в Кахетии со стойлами для буйволов в нижнем этаже. Но в Крыму мы замечаем и другой тип использования домов в два этажа. Основным, зимним жилищем является нижний этаж, тогда как верхний развивается как надстройка и служит для летнего в нем пребывания. Этот последний тип, явно иной генетической цепи, известен и на Кавказе, напр., в более самобытной форме у авасур, где семья и вообще хозяйство помещается

внизу, а верх служит для пребывания там главы семьи, в Дагестане, Персии, где комната верхнего этажа носит название детской (бадахана) и образовалась там из беседки на крыше".³⁶

К позднейшему времени относились и те именно такие немногие надстройки второго этажа, которые возводились из камня, как, например, второй этаж дома Таукаша Хочуева в Шики, предназначавшийся для летнего пребывания в нем. Осуществление такой надстройки оказалось возможным потому, что дом этот завершал весь комплекс потеррасного поселения, так что над основным жилищем не было следующего террасного ряда (рис. 38).

Вопреки сказанному, Г.Х. Мамбетов, хотя и пишет сначала о том, что "балкарские жилища, в отличие от жилищ других горных районов Кавказа, были в большинстве своем одноэтажными, горизонтально расположеными"⁵⁷, на следующей странице, ссылаясь на М.З. Кипиани, утверждает: "Развитие балкарского жилища происходило... путем увеличения его этажности"⁵⁸. Далее он полагает, что: "В селениях Чегемского (Верхний Чегем, Булунгур и т.д.) и других ущелий второй ярус, сооружавшийся над жилым помещением и использовавшийся для хранения продуктов, имущества, а также в качестве летнего помещения, постепенно превращался во второй этаж"⁵⁹. Но в действительности имеющиеся в домах Верхнего Чегема (дом Ахмана Кулиева в Эльтюбю (рис. 56) и дом Тамука Кулиева в Булунгу) вторые ярусы в однокамерных жилищах никогда "постепенно" не превращались во вторые этажи, а так и оставались ярусами или своего рода антресолями хотя и высокого, но одноэтажного большого дома. А если второй этаж и сооружался, как это было в доме Тамука Кулиева, то не путем превращения в него верхнего яруса одноэтажного дома, а независимо от него. Это видно на разрезе, где четко обозначены как верхний ярус одноэтажного жилища главы семьи, так и деревянная надстройка над соседним помещением (рис. 50).

Подтверждением тому можно привести мнение А.И. Робакидзе, который полагает, что "одним из экономических факторов, обусловивших горизонтальное расположение комплекса жилых и хозяйственных построек, является особенность хозяйственного быта"⁶⁰.

Правда, на этот счет существует и особое мнение Ю.Н. Асанова. Он пишет: "На наш взгляд, причина, обусловившая одноэтажность балкарского жилища и расположение жилых и хозяйственных построек в горизонтальной плоскости, заключалась в другом... Так как приемы возведения каменной кладки были примитивными, то стена при дополнительном вертикальном наращении под своей собственной тяжестью могла бы легко развалиться. В связи с этим естественно должна была ограничиться высота стен... Поэтому вследствие вышеназванных причин в строительной практике балкарцев отсутствовали многоэтажные жилища, возведение которых требовало больших эмпирических навыков и строительного мастерства"⁶¹. Получается, что строили в один этаж не потому, что второй не требовался, а потому, что выложить стену выше одного этажа не умели — не хватало "эмпирических навыков".

Но ведь если бы это было так, то не только в Балкании, но и вообще во всей деятельности человечества какой-либо прогресс был бы невозможен.

Между тем анализ конструктивных элементов и приемов строительства, применявшихся в балкарском народном зодчестве, показывает, что, несмотря на всю примитивность строительной техники и тех

орудий труда, которые были доступны строителям традиционных балкарских жилищ, там, где это действительно вызывалось необходимостью, строители находили весьма остроумные решения возникавших перед ними задач, проявляя исключительное интуитив-

ное понимание свойств и возможностей применяемых ими материалов.

В этом мы убедимся, перейдя к подробному рассмотрению конструктивных элементов построек балкарского народного жилища.

КОНСТРУКТИВНЫЕ ЭЛЕМЕНТЫ ПОСТРОЕК

1. СТЕНЫ БАЛКАРСКИХ ЖИЛИЩ И ХОЗЯЙСТВЕННЫХ ПОСТРОЕК

Говоря о влиянии физико-географических условий на формирование видов жилищ, я уже останавливался на разных приемах возведения построек и используемых при этом строительных материалах. Было установлено, что основными материалами для возведения стен являлись естественный камень разных пород и дерево.

Искусство возведения стен, как и все строительство в целом, прошло в своем развитии через ряд этапов.

На примере конкретных объектов можно видеть постепенное развитие техники каменной кладки балкарских жилищ — от самых примитивных форм циклопической кладки, подобной простому нагромождению, и циклопической кладки на связующем растворе и насухо, достигшей определенной степени мастерства, до кладки из грубо отесанных камней с тенденцией к соблюдению рядности с перевязкой швов и применением раствора. Однако не только в начальной стадии развития, но и в наиболее совершенных образцах эта техника, вполне удовлетворяя непосредственные потребности балкарцев, никогда не достигала уровня мастерства каменной кладки боевых башен и даже таких сооружений, как мавзолеи и склепы, еще сохранившиеся кое-где на территории Балкарии (рис. 65).

Как уже говорилось, объясняется это тем, что постройки эти, в особенности боевые башни, по облику своему и технике возведения имеющие полную аналогию с подобными постройками Осетии, Ингушетии и Сванетии, были сооружены или до балкарцев, или пришлыми мастерами по их приглашению. Самими же балкарцами опыт этого фортификационного строительства не был перенят, поскольку этого не требовали условия быта и традиции, отличавшиеся от тех, что были характерны хотя бы для той же Сванетии, где каждый дом должен был быть крепостью.

Поэтому нет оснований искать какую-то связь или даже видеть преемственность в технике каменной кладки балкарских жилищ и того, о чем идет речь у В.П. Кобычева, который пишет, что "в балкарских ущельях, на позднее средневековье и новое время приходится самый расцвет каменного зодчества. Об этом свидетельствуют сохранившиеся до наших дней руины многочисленных сторожевых и оборонительных башен в Верхней Балкарии, в с. Хузрук в Карабае и даже целых замковых комплексов, как, например, укрепление Жабоевское в Беленгийском ущелье, а также многочисленные могильники, мавзолеи и склепы (в с. В. Чегем, Булунгу, Былым, Жабелки и В. Баксане)"⁶².

Развитие техники возведения даже перечисленных здесь построек не шло по восходящей линии непрерывного совершенствования, и мы знаем, что, например, у сванов со временем секреты приготовления связующего раствора были утрачены, так что более поздние постройки разрушались быстрее ранних.

Таким образом, что касается каменной кладки балкарских жилищ, то тут независимо от достижений, о которых говорилось выше, их строителям пришлось, как говорится, начинать сначала.

При этом наиболее примитивная форма кладки характерна для построек Баксанского ущелья, где первоначальное строительство было деревянным, и поэтому опыт работы с камнем был беднее, да и породы камня здесь менее пригодны для строительства. Но все же наиболее характерным примером примитивной каменной кладки можно считать стены, выложенные по периметру старинного селения Булунгу (рис. 44, 45) в Чегемском ущелье. Полная высота внутренних помещений здесь получалась за счет некоторого заглубления построек по отношению к нулевому уровню почвы и выложенного по краю невысокого каменного барьера, сложенного насухо из валунов различной величины. Там, где к этой стене примыкали жилые помещения, она имела глиняную обмазку снаружи и внутри. Такой же хаотический характер имела кладка стен хозяйственных помещений и ограды вокруг каждой усадьбы в Курмо. При всей кажущейся беспорядочности в этой кладке уже соблюдалось определенное элементарное условие: более крупные камни клались вниз, помельче — наверх, происходил приблизительный подбор формы естественного камня, позволявший достигать более плотного прилегания отдельных камней друг к другу. Следующим этапом являлась циклопическая кладка на связующем растворе. Его слой порою достигал такой величины, что часто камни как бы втаптывались в массу раствора. В качестве связующего использовалась глина, а затем известковый раствор большой прочности. Стены, сложенные на таком растворе, достигали значительной толщины, которая, например, в доме Ахмана Кулиева в Эльтюбю равнялась 1,2 метра (рис. 53, 56).

Но мощность циклопической кладки — результат ее примитивности и, разумеется, не являлась признаком особой добротности постройки. Поэтому нельзя согласиться с А.И. Робакидзе, который пишет, что "циклическое сложение стен", наряду с другими признаками, "выделяло усадьбу представителя высшего и имущего сословия из усадеб рядовых крестьян"⁶³. Циклопическая кладка применялась в равной степени в постройках как первых, так и последних. Снаружи и внутри поверхность стен не выравнивалась, но снаружи производилась побелка по слою обмазки. Причем это относится не только к каменным, но даже и к

срубным постройкам, что можно было видеть на примере дома Т. Гулиева в селении Курмо, начиная от его первоначальной части до позднейших пристроек (рис. 79, 80, 82).

Побелка же внутри помещений, отапливаемых по-черному, и тех, что имели дымник над средним очагом, не имела смысла, так как стены их со временем покрывались толстым слоем сажи, которая с годами приобретала такую крепость и блеск, что казалось, будто все внутри дома на высоту 1 метр от пола и выше покрыто густым слоем черного лака. Этот слой копоти предохранял деревянные конструкции от быстрого гниения под воздействием резких перемен температуры и влажности воздуха внутри помещений.

В домах с пристенным очагом и более усовершенствованной формой дымника (в виде каминного зонта) для предохранения дерева от гниения, балки, стойки опор, а также нижние венцы сруба нередко пропитывали нефтью или смолили.

Таким образом, в действительности все было прямо противоположно тому, что сказано по этому поводу у Г.Х. Мамбетова, который писал: "Внешнюю сторону стен обычно не обмазывали, а внутреннюю обязательно обмазывали и белили"⁶⁴.

Дальнейшее совершенствование каменной кладки видно на устройстве подпорных стенок потеррасных селений, таких, как Думала и Былым. Здесь размеры камней значительно меньше. Для кладки выбирались более постелистые камни, в результате чего внешняя поверхность стены получалась довольно ровной. Наконец, примером наибольшего совершенства могла служить кладка стен из плитняка в ауле Шики Хуламо-Безенгийского ущелья. Стены построек этого селения отличались следующими особенностями: кладка выполнялась насухо без применения раствора, размеры камней, как обычно, больше внизу и меньше наверху, заметно стремление добиться перевязки швов; камни укладывались вразбежку с тщательным подбором их, соблюдалась горизонтальность рядов. В щелях между более крупными камнями использовался в качестве заполнителя мелкий щебень. В стенах, как указано было раньше, встречалось вкрапление узорчатой кладки. В некоторых случаях в толще стены закладывались деревянные жерди, игравшие роль связи. Особой тщательностью подбора и перевязки камней отличалась кладка внешних углов стен (рис. 37).

В районах, когда-то богатых лесом, стены построек вначале делались целиком из дерева. При имеющихся у строителей технических средствах возможности обработки дерева были настолько ограничены, что при устройстве сруба или укладке балок кровли бревна ввиду особой затруднительности их поперечной рубки оставлялись той длины, какую имели после повала леса. По выступающим на разную длину концам этих бревен видно, что для получения их дерево не распиливалось поперек, а обрубалось или просто переламывалось (см. дом Тимурада Гулиева в Курмо). Там, где концы бревен срезаны, по свежести среза видно, что это сделано в недавнее время (рис. 81). Продольное разделение стволов, хотя и было легче осуществимо, производилось также самым примитивным способом — расщеплением с помощью клиньев, загонявшихся в трещины, — дававшем возможность получения из одного бревна двух пластин. Однако врубка углов "в лапу" производилась довольно тщательно, а остававшиеся все же зазоры в пазах закладывались щепой, мхом и замазывались

глиной. Основание сруба, как и все внутреннее помещение, несколько заглублялось против уровня поверхности земли. Под углы сруба подкладывались крупные валуны.

По мере истребления леса вместо цельного сруба стали появляться постройки, в которых стены примерно на 3/4 всей высоты выкладывались из камня и лишь под кровлей устраивали сруб из 3 — 4 венцов бревен (см. "отоу" дома Т. Гулиева в Курму) (рис. 82). Естественно, каменная часть стены при этом делалась значительно толще и сильно выступала против верхнего сруба, как из-за примитивности кладки из неотесанных каменных глыб, так и из-за большей теплопроводности камня по сравнению с деревом.

Поскольку сруб, помимо своего веса, принимал нагрузку от опирающейся на него кровли, его не клали на каменную стену — слишком для этого ненадежную, а опирали на вертикальные деревянные стойки, расположенные вдоль внутренней стороны каменных стен. Поэтому каменная стена внутри помещения была не заподлицо с внутренней стороной сруба, а несколько отступала так, чтобы оставалось место для стоек, несущих сруб.

По внешнему виду такой постройки (рис. 82) с выложенной из камня нижней частью стены, сильно выступавшей наружу по сравнению с лежавшим выше срубом, создавалось впечатление, будто весь дом представлял собой сруб, обложенный снаружи на 3/4 высоты камнем. Считалось, что это делалось, очевидно, из соображений прочности и противопожарной защиты дерева.

Так, В.П. Кобычев об аналогичных карачаевских постройках пишет: "Некоторые карачаевские дома с наружной стороны почти до самой кровли обложены сухой каменной кладкой, достигающей в толщину 1/2 м и более. В народе указанный прием объясняют потребностями обороны, охраной жилища от поджога в период междуусобной и военной опасности, но вероятнее, что за этим скрывается стремление дополнительно укрепить непрочно сложенный сруб и утеплить жилище"⁶⁵.

Но что касается потребностей обороны, мы уже знаем, что традиционные балкарские жилища вообще, а в Баксанском ущелье в особенности (как и карачаевские), в отличие от осетинских, сванских и других, на оборону рассчитаны не были. От поджога каменная кладка тоже не уберегла бы, так как все равно до деревянной кровли рукой подать. Относительно же того, что автор считает более вероятным, ясно, что в действительности дерево никто камнем не укреплял. А имея в виду примитивность каменной кладки, да еще, как сказано, выполненной насухо, укреплять ею сруб тоже никто бы не стал, так как, во-первых, сколь бы "непрочно сложен" он ни был, он все же был прочнее такой каменной кладки, а, во-вторых, если сруб был так непрочен, подобная кладка не только не могла бы укрепить его, но и против — оседая, способствовала бы еще большей его деформации.

Интересно сочетание дерева с камнем в уже описанном ранее сохранившемся доме Ахмана Кулиева. Каменные стены 2-го яруса значительно тоньше стен первого этажа, имеющих толщину 120 сантиметров. Эта верхняя стена с внутренней стороны дополнена шестью венцами бревен, образующих сруб, как бы вставленный в каменные стены над первым ярусом и подпиравший вертикальными стойками (рис. 56).

Кроме целых бревенчатых срубов или деревянной верхней части стены среди описанных выше построек обнаруживались примеры использования дерева как стенового материала не в виде целых бревен, а в виде пластин, досок, из которых были сделаны надстройки 2-го этажа в двух жилищах Булунгу (рис. 45, 47). В них можно отметить умело сделанную врубку углов. В ряде случаев дерево как стеновой материал использовалось для перегородок, в которых доски ставились вертикальным рядом, как, например, в коридорах Булунгу (рис. 50, 51).

Говоря о конструкции и приемах возведения стен в балкарских жилищах, нужно особо еще раз подчеркнуть, что каменная кладка обычно в них выполнялась только как средство ограждения и защиты от внешней среды, а не как несущий элемент, способный воспринимать нагрузку от кровли. Для восприятия вертикальных нагрузок применялись деревянные опоры. Поэтому нельзя согласиться с утверждением Г.Х. Мамбетова о том, что "плоская крыша балкарских домов требовала, чтобы стены дома были крепкими". Дальше он сам добавляет: "Видимо, с конструкцией крыши связано и наличие в балкарских домах мощных опорных столбов"⁶⁶. Именно с ненадежностью каменной кладки стен связано то, что балки кровли опирались только на столбы, а на стену лишь в том случае, если таковой являлся вертикальный срез скалы.

Кроме дерева и камня в постройках балкарского народного жилища применялся плетень. Однако, если в соседних кабардинских селениях он был широко распространен в качестве основного материала для возведения стен не только хозяйственных, но и жилых построек, в Балкарии плетень использовался значительно меньше.

Обычно из плетня устраивались перегородки внутри жилища, отделявшие помещение для молодняка скота от остального пространства жилища, а также "гезен" — помещение для хранения продуктов. Применялся плетень для устройства ограждений усадьбы, для возведения хозяйственных построек-курятников, сеновалов, а также в некоторых случаях для возведения лицевой стены жилищ, остальные стены которых выкладывались из камня или образовывались срезом скалы.

При устройстве такой стены для обеспечения теплоизоляции плетень ставился в два ряда, с забутовкой глиной пространства между ними и обмазкой глиной стены снаружи дома и изнутри помещения, с последующей побелкой. В таких стенах из двух рядов плетня, кроме вертикальных жердей, составлявших основу каждого ряда, между двумя рядами на определенном расстоянии устанавливались невидимые с внешней стороны вертикальные стойки, несущие кровлю и способствовавшие устойчивости самой стены.

Однорядные плетеные перегородки зачастую выводились не на всю высоту помещения, а наполовину или две трети высоты и обычно тоже обмазывались глиной. Помимо этого, как указывается в разделе, посвященном перекрытиям, плетень широко применялся при устройстве кровли, в качестве подстилки под слой камня и земли.

Степень применения плетня находилась в прямой зависимости от местоположения жилищ и имела наибольшее распространение там, где были более значительные заросли кустарника, как, например, в долине среднего течения Баксана. Впрочем, при устройстве кровли плетень использовался повсеместно благодаря сравнительной легкости его транспортировки, даже в высокогорные районы.

В некоторых селениях, расположенных преимущественно в нижнем течении Баксана и примыкающих к районам, заселенным кабардинцами, встречались не только хозяйствственные постройки, но и жилища, целиком выстроенные из плетня, так называемые турлучные дома. Но этот тип построек относился к позднейшему времени и не может рассматриваться как разновидность традиционного балкарского жилища.

2. ДЕРЕВЯННЫЕ ОПОРЫ

В зависимости от размеров и формы помещений несущие столбы расставлялись в них как посреди помещений в пролетах, так и по краям вдоль стен. В середине столбы устанавливались в один или два ряда или устанавливался один центральный столб круглого, реже квадратного сечения.

Между прочим, в книге, посвященной жилищам балкарцев, Ю.Н. Асанов, повторяя данное в упомянутом моем докладе описание опорных столбов, пишет: "Опорные столбы в таких помещениях устанавливались в несколько рядов: в пять, четыре, три — примерно через каждые 1,5 — 2 метра (рис. 6, 7). В жилищах, построенных к концу XIX и началу XX века, опорные столбы устанавливались обычно только вдоль стен, а в середине помещения — один или два центральных столба (рис. 8, 9)"⁶⁷.

При этом из имеющихся в книге иллюстраций видно, что в середине помещения столбы установлены всего лишь в один ряд (столбы вдоль стен не считаются рядом), а так, чтобы "в 5, 4 и 3 ряда" — такого никогда не было, поскольку в помещениях, размер которых по короткой стороне не превышал 7 — 8 метров, такой лес столбов, устанавливаемых через 1,2 — 2 метра, просто не нужен. Присущее строителям жилищ интуитивное чувство понимания способности работы балок на изгиб верно подсказывало им, что опоры в пролете вполне достаточно было ставить на расстоянии в 3 — 4 метра.

Причем, на рис. 8 и 9 вместо ряда опорных столбов вдоль стен на планах показаны — на одном у стены всего один столб, а на другом — два. И еще две каменные пилыши шириной около 30 сантиметров, выступающие из стены на 20 — 30 сантиметров (если судить по масштабу иллюстраций), чего вообще не могло быть ни в коем случае. При той примитивности техники каменной кладки, о которой уже говорилось, выложить из необработанного камня пилыши таких размеров просто невозможно, да и не нужно. Если строители не надеялись на надежность выложенных ими каменных стен толщиной до 1 метра, как на опору для кровли, то какой смысл опирать балку на пилыши, выступающую всего на 20 сантиметров — их в балкарских постройках никогда не было.

К тому же балкарцу-строителю, конечно, было понятно, что опереть балку в пролете на деревянный столб, а по концам — на каменную стену, выложенную насухо, — значит, заранее обречь всю постройку на неизбежную деформацию.

И уж, конечно, совершенно не соответствует действительности утверждение о том, что только к концу XIX — началу XX века "стали устанавливать в середине помещения один или два центральных столба". Центральный столб квадратного однокамерного жилища, получивший даже символическое название "столб-отец", наряду с очагом — главная особенность старинного дома патриархальной семейной общины.

Чтобы убедиться в этом, Ю.Н. Асанову достаточно было бы взглянуть на помещенную им в своей книге репродукцию с моей зарисовки 1938 года, с изображением интерьера именно такого архаического однокамерного дома Ахмана Кулиева в Эльтюбю с громадным несущим столбом в центре (рис. 57).

Опоры вдоль стен иногда делались из толстых пластин (рис. 109-III). Как видно на таблице, изображающей различные опоры, применявшиеся в балкарских жилищах, кроме обычных столбов, принимавших на себя всю нагрузку, там, где не было стволов достаточной толщины, применялась остроумная система распределения нагрузки от кровли между деревянной опорой и каменной кладкой, при которой опора как бы укрепляет кладку (см. опоры в доме Магомета Абдулаева в Курмо).

О той же природной находчивости строителя говорит устройство опоры клетью, (рис. 110-X, XI). Такая конструкция устраивалась в тех случаях, когда из-за большого пролета и значительного веса кровли нельзя было рассчитывать на достаточную прочность обычного столба. Сами по себе столбы опор также имели ряд разновидностей. Наиболее примитивные представляли собой ствол дерева, не подвергнутый никакой обработке. На нем сохранялись даже сучья, использовавшиеся для подвески различной утвари (рис. 110-I). Кстати, Ю.Н. Асанов об этом пишет так: "Огромные массивные стойки, имеющие в поперечнике от 30 до 45 сантиметров, в большинстве своем не обрабатывались. Порою на них даже оставались сучья, которые использовались для подвешивания различной утвари"⁶⁸.

Но как раз на "огромных" столбах сучья не оставлялись. Если бы их даже хотели оставить, они бы отломились под тяжестью самого ствола, еще до установки его на место. Кроме того, на "огромных" столбах оставленные сучья находились бы на такой высоте, на которой они бы не имели никакого практического значения.

В действительности же в дело шли всякие, даже небольшие кривые стволы, лишь бы они могли выдержать приходящуюся на них нагрузку. При этом выбирались для опор те части ствола, которые имели вверху разветвление, удобное для укладки на него потолочных балок. Такой вид опоры был применен в доме Биазурова Ачи в Кала (рис. 75) и в крытом дворе дома Таукаша Хочуева в Шики (рис. 39). В постройках более развитого типа ствол столба обрабатывался чище. В домах Кунюма и Безенги характерной особенностью опор явилось то, что они имели конусообразную форму с комлевой частью, в которой древесина отличалась особой прочностью. Установка столба комлем вверх позволяла создать большую площадь среза для укладки потолочной балки, состоявшей из двух брусьев (рис. 109-II, III, IV). Такое расширение верха опоры придавало ей подобие капители. У Ю.Н. Асанова по этому поводу пишется: "Опорные столбы часто устанавливались комлем вверх, что позволяло уложить на них не одну, а несколько балок"⁶⁹.

В действительности же балка была все-таки одна, но только она при этом могла состоять не из одного, а из двух брусьев.

Несущий столб конусообразной формы, установленный комлем вверх, представляет исключительный интерес не только как показатель верной интуиции строителей балкарских жилищ, но и как пример, вызывающий ассоциации со знаменитым изображением колонны на Львиных воротах Микен и с лотосообразными колоннами Древнего Египта.

В других случаях ствол опоры сужался кверху и книзу (рис. 109-VI). Наконец, в самых совершенных постройках, таких, как дом Хаджимурата Кулиева, опоры имели все признаки архитектурной отделки настоящей колонны. Круглый ствол был обтесан на 16 граней. Начиная от $\frac{1}{3}$ высоты, он утонялся кверху, так что верхний диаметр колонны на $\frac{1}{6}$ меньше нижнего (рис. 109-VII).

Это описание колонны дома Хаджимурата Кулиева, данное мною еще в докладе, прочитанном в 1959 году, не обошел своим вниманием Ю.Н. Асанов. В сколько упомянув о столбах дома Хаджимурата Кулиева, отесанных на 16 граней, он полагает, что во всем этом нет ничего особенного. Дальше он так пишет: "При сборе полевого этнографического материала летом 1970 года в старом селении Булунгу в жилище Геттуевых наряду с круглыми и 4-угольными опорными столбами мы зафиксировали такие опорные стойки, которые, как и в жилище Хаджимурата Кулиева, были отесаны, правда, не на 16, а на 8 граней (рис. 11)". Но где же тут "такие", когда граней-то не 16, а 8 и у изображенного на рис. 11 столба нет ни энтузиазма, ни пропорций колонн дома Кулиева?

Он пишет: "Вообще-то архитектурная отделка опорных столбов на 16 граней была характерна для построек Чегемского ущелья. В жилых постройках других ущелий, так же как и Чегемском, в основном к концу XIX и началу XX вв., если и обрабатывались опорные столбы, то только на 4 грани"⁷⁰.

Следует заметить, что при сборе полевого материала летом 1970 года Ю.Н. Асанов не мог судить о том, какие столбы были распространены в старых постройках Чегемского ущелья, поскольку, по его же свидетельству, к этому времени от них почти ничего не осталось. А в "старом селении Булунгу" и подавно он таких опор видеть не мог, даже если бы там все сохранилось в целости, так как это селение, несмотря на всю свою архаичность, относилось ко времени более позднему, когда для построек применялся лес гораздо меньшего диаметра.

Из сказанного ясно, что обтеска столбов на 16 граней не могла быть характерна для построек Чегемского ущелья. Да и то надо еще учесть, что никто никогда не занимался пересчетом подряд на всех столбах построек Чегемского ущелья — на сколько граней они отесаны — на 16 или, скажем, на 17; тем более что грани эти, получившиеся, может быть, даже и не намеренно, а просто как результат отески столба при помощи топора и железного скобла, со временем сглаживались и не всегда даже были заметны. Именно это обстоятельство, может быть, когда-то в далекой древности, во времена построек Бени Хасана, и навело на мысль о превращении получавшихся ненамеренно граней в каннелюры для более четкого их выявления, как элемента не только функционального, но и декоративного, выражавшего художественными средствами напряженность колонны как несущей конструкции.

Поэтому то, что говорится о 16 гранях несущих столбов дома Х. Кулиева, конечно, не есть результат пересчета мною граней на столбах всех построек в селении. Просто, обратив внимание на совершенство форм и пропорций опор этого дома, любуясь четкостью, с какой они отесаны на грани, сосчитав, сколько этих граней на каждой опоре, и насчитав 16, нельзя было не поразиться тождественностью их числа с количеством каннелюр мраморных

колонн памятника архитектуры, известного из истории античного искусства, как и полным сходством других признаков этих двух произведений архитектуры, разделенных четырьмя тысячами лет.

Во всех случаях деревянные опоры для предохранения их от гниения ставились на каменную подставку. Размеры такой подставки бывали различные. Если обычно соотношение диаметра ствола и каменной подушки под ним примерно равно 1:2, то в некоторых случаях размеры подушки значительно больше. В доме Таукаша Хочуева в Шики камни, подложенные под столбы диаметром в 30 сантиметров, имели в поперечнике 80 сантиметров и образовывали вокруг столба нечто вроде сиденья или подставки для различной домашней утвари: котлов, кадок и т.д. В верхней части столбов устраивались гнезда и пазы для укрепления в них горизонтально расположенных жердей, несущих дымник. Если с одного конца жердь втыкалась в выдолбленное в столбе круглое гнездо, то с другого конца жерди в столбе выдалбливался г-образный паз, позволявший свободно завести в него и уложить неподвижно жердь, чтобы она не выпадала из этих гнезд (рис. 7 и 109-III). В редких случаях встречалось украшение столба повешенным вверху его черепом с рогами, свидетельствовавшее не только о бытующих здесь остатках культа животных (рис. 110-XII), но и о том, как возникла ионическая капитель.

3. КРОВЛЯ

Конструктивное решение кровли во всех ущельях Балкарии было почти одинаково и сводилось к следующему. Поперек помещения укладывались балки диаметром 25—35 сантиметров и более, подпираемые в пролете и на концах стойками. По ним в перпендикулярном направлении укладывался сплошной накат из жердей диаметром 10—15 сантиметров. На этот накат накладывался либо плетень, либо хворост, прижимаемый камнями, покрытыми соломой или же комом, и засыпанный слоем плотно утрамбованной земли, иногда также перемешанной с соломой. Со временем смываемый дождями и выветривающийся слой земли наращивался и в некоторых случаях достигал такой толщины, которую не могли выдержать несущие опоры. В результате — ряд случаев обрушения кровли. Однако обычно это предотвращалось своеевременным укреплением и заменой стоек. Устроенные таким образом кровли в селениях разных ущелий иногда отличались друг от друга только диаметром применяемых для наката жердей, разным соотношением количества камня и земли, покрывавших кровлю. В Кунюме встречались постройки, в которых камень-плитняк был уложен по настилу в несколько слоев без последующей засыпки землей, а в Баксанском ущелье наоборот — в ряде случаев по плетню,енному на накат, был насыпан слой земли без прокладки из камня. Кроме того, в ряде случаев вместо наката из жердей укладывался дощатый настил, а балки, несущие кровлю, делались из двух рядом положенных брусьев, если диаметр имевшихся бревен был недостаточен.

В большинстве случаев кровля делалась плоской (рис. 111-I). Но в тех местах, где дома располагались на одном уровне или, во всяком случае, не один над другим, если обилие выпадающих осадков требовало этого, устраивалась двухскатная кровля с уклоном скатов от едва заметного до 1:3. Когда коньковый брус либо опирался на поперечные потолочные балки (рис. 111-3), либо подпирался коротышами, стоя

явшими на этих балках (рис. 111-6). В остальном такая кровля выполнялась так же, как и плоская. По краю крыши, особенно со стороны теневого навеса, плетень, лежавший на настиле, несколько приподнимался "корытом", для чего по краю под него подкладывался либо ряд камней, либо дополнительный прогон. Делалось это для предотвращения сползания слоя земли с крыши.

Видоизменения в устройстве кровли, по мере развития жилища, от примитивных к более совершенным сводились, главным образом, к более тщательному выполнению отдельных ее элементов — к замене круглых жердей дощатым настилом, применению вместо хвороста и соломы прутьев, связанных в виде плетня, к переходу от плоских покрытий к двухскатным. Впрочем, возможно, что там, где была в этом необходимость, двухскатные кровли устраивались с самого начала.

У Ю.Н. Асанова тоже есть размышление о том, какая кровля появилась раньше — плоская или двухскатная: "Исходя из наличия того факта, что жилище с плоским перекрытием было преимущественно распространено во всех балкарских ущельях, кроме Баксанского, и учитывая, что двухскатная система перекрытия по своей конструкции более сложна, мы можем предположить, что плоская кровля в балкарском жилище хронологически предшествовала двухскатной. Видимо, практика строительства жилищ с двухскатной кровлей была выработана позже"⁷¹.

Итак, по мысли автора, плоские крыши в целом древнее двухскатных, так как конструкция двухскатной крыши сложнее, значит, она появилась позднее. Но так ли это на самом деле? Ведь тот же шалаш — самое раннее, простейшее жилище, разве не есть не иное, как двухскатная кровля, поставленная на землю?

О том, что плоская крыша совсем не обязательно должна была быть древнее двухскатной, пишет и Б.А. Куфтин, изучавший народное жилище Крыма: "...двуухскатная крыша в Крыму в свою очередь имеет значительную древность в Средиземноморье и не должна таким образом рассматриваться ни как более старый, ни как более новый гипотетический тип сравнительно с плоской крышей..."⁷² Это, конечно, еще не означает, что, как пишет В.П. Кобычев, "прототипом скатной кровли мог быть и простой плетень — заслон в спаренном виде, дающий уже готовую форму двухскатной кровли"⁷³.

Плетень-заслон не мог стать прототипом ската кровли, ибо, созданный как вертикально установленное средство ограждения по своему устройству, он не был рассчитан на функционирование в наклонном состоянии в качестве ската кровли, принимающего на себя определенные нагрузки, требующие какого-то сопротивления на изгиб, для которого жерди плетня совершенно не приспособлены.

К тому же ведь ни двухскатным кровлям античных храмов с их великолепными фронтонами, ни крутым двухскатным кровлям готики уже во всяком случае не мог предшествовать даже в самом отдаленном прошлом наклонно поставленный плетень, так что вести от него возникновение двухскатной кровли нет никаких оснований.

А в кровле балкарских жилищ плетень служил лишь подстилкой, укладываемой на накат из жердей под лежащий сверху слой камня и земли.

В каждом ущелье в зависимости от рельефа и климата были условия более подходящие для устройства того или иного вида кровли. Причем от того, какие условия были более характерны для данного ущелья в целом, зависело, какой тип кровли был преобладающим.

Понятно, что главное значение имел все-таки характер рельефа, а не климат, так как в селениях, находящихся на местах с резким уклоном, диктующим потеррасное расположение жилищ, крыши делались плоскими, даже если по климатическим условиям предпочтительнее были бы двухскатные.

Но если отдельные постройки таких селений находились не в общем массиве потеррасного ряда, а стояли особняком, вдоль серпантин проездной дороги, на них устраивалась двухскатная кровля. И напротив — применение плоской кровли, независимо от требований климата, могло иметь место не только в потеррасных постройках на склонах ущелий, но и на ровной местности — там, где группа жилищ образовывала единый монолит, как это имело место, например, в уже упоминавшемся селении Булунгур.

Об одной разновидности двухскатной кровли пишет Ю.Н. Асанов: "Двухскатная конструкция кровли в селении В. Хулам была достигнута за счет незначительного сгиба поперечной балки, которая была выполнена в виде фермы". Через две страницы дальше пишется то же самое, но как нечто совершенно новое: "В некоторых жилищах Чегемского ущелья, например, в с. Эльтюбю (два жилища) и в с. Думала (три сохранившихся в целости старинных жилища) нами была обнаружена оригинальная конструкция кровли. До нас на эту систему конструкции балочных перекрытий на примере жилищ с. В. Чегем обратили внимание А.И. Робакидзе и Г.В. Пионтек. Особенность этой конструкции кровли состояла в том, что поперечные балки в этих жилищах были выполнены как бы в виде фермы. А.И. Робакидзе и Г.В. Пионтек называют их арочными"⁷⁴.

А дальше оказывается, что, несмотря на то, что описание конструкции указанного перекрытия в обоих случаях совершенно одинаковое (изогнутые поперечные балки, поверх которых лежит центральная продольная балка), — в первом случае говорится, что "двухскатная конструкция достигается за счет незначительного сгиба поперечной балки", а во втором случае, несмотря на то, что изгиб балки очевидно более значительный, поскольку о ней говорится как о явлении уникальном, — "двухскатная кровля получилась не за счет этих балок, а за счет приподнятости самой центральной продольной балки"⁷⁵. В действительности же совершенно ясно, что, раз в обоих случаях центральная продольная балка лежала не под поперечными балками, а над ними, двухскатность и там и тут достигалась в основном за счет ее.

По поводу самих поперечных арочных балок Ю.Н. Асановым сначала говорится, что "навряд ли можно согласиться с мнением... что балки эти подбирались среди естественных форм деревьев, т.к. основания этих балок совершенно прямые". Но далее: "И прав А.И. Робакидзе, что вытесать такую изогнутую балку из цельного бревна невозможно было без точных расчетов и высокой техники обработки дерева"⁷⁶.

Интересно заметить, что Г.Х. Мамбетов еще за пять лет до выхода работы Ю.Н. Асанова, преподносил замечание А.И. Робакидзе как утверждение само собою разумеющегося факта: "Чтобы вытесать такую балку из цельного бревна, мастеру необходимо было произвести точные измерения и хорошо овладеть техникой обработки древесины"⁷⁷.

По Ю.Н. Асанову, получается, что и вытесать такую балку было невозможно, и среди естественных форм деревьев их также быть не могло. Тогда каким же чудом они все-таки появились? И тут автор находит неожиданный ответ: "Таким образом арочные балки не несли на себе нагрузку от кровли. Они больше служили декоративным украшением"⁷⁸.

Но почему из того, что Ю.Н. Асанов исключает возможность как создания подобных балок искусственным путем, так и подбора их среди стволов естественных форм, следует, что "таким образом" они не несли никакой нагрузки? Ведь это разные вопросы: один вопрос — как делали эти балки, и совсем другой — что "делали" сами балки. И уж совсем неожиданен окончательный вывод: раз неизвестно, как эти балки создавались, значит, они тут... "для украшения". (Заметим, что речь идет о несомненно утилитарном элементе конструкции.)

Подводя итог своему анализу происхождения и назначения арочных балок, Ю.Н. Асанов пишет: "Собственно обработанные опорные столбы в некоторых жилищах на 4, 8 и 16 граней, а также конусообразные опорные столбы и вышеописанная форма балки, можно сказать, были единственным декоративным элементом деревянных деталей балкарского жилища"⁷⁹.

Итак, несущие перекрытия балки и опорные столбы, которые потому и "опорные", что без них все развалится, — вдруг оказались "декоративным элементом"!

Даже если Ю.Н. Асанов имел в виду не сами столбы, а их обработку на сколько-то граней, то и тогда ничего не получится, так как "обработка" столбов на грани делалась не для декорации, а получалась сама собой при отеске столбов или, как говорит сам же Ю.Н. Асанов, "при очистке их от коры и сучьев". И тем она и примечательна, что, не будучи намеренно нанесенным украшением, может объяснить, откуда произошел такой действительно наивыразительнейший декоративный прием, как каннелюры античных дорических колонн.

То же и в отношении конусообразных столбов, которые благодаря своей конусообразной форме, принимая нагрузку чуть ли не "нескольких балок", вдруг оказываются одним из "единственных декоративных элементов", равно как и арочные балки.

Между тем, даже не глядя на эти балки, основываясь только на приведенном ранее их описании, можно с уверенностью сказать, что клались они ни в коем случае не "для украшения", так как вообще народная архитектура, помимо всего прочего, замечательна как раз именно тем, что просто "для красоты" в ней ничего не делалось. Нужно сказать о крайне неудачном наименовании Ю.Н. Асановым этой балки, о которой он всюду пишет, что она была выполнена "в виде фермы".

Конструкция даже самого простейшего вида фермы подразумевает наличие затяжки, соединяющей две наклонные стропильные балки. Здесь же не было ни затяжки, ни стропильных балок, а только поперечная балка, слегка вспученная или выпнутая кверху по центру. Поэтому она совершенно справедливо может быть названа "арочной", поскольку своим очер-

танием напоминает линию пологой арки. При этом, хотя действительно трудно с уверенностью сказать, каким образом достигалось придание ей такой формы, можно смело утверждать, что, конечно, она не только ни в коем случае не была элементом декоративным, но, напротив, явилась в условиях строительства балкарских жилищ конструкцией весьма остроумной и рациональной, применение которой говорит о высокоразвитом интуитивном "чувстве материала" строителей народного жилища. В самом деле: обычная горизонтальная поперечная балка под действием лежащего на ней центрального прогона и опирающихся на него верхних концов плах, сверху еще нагруженных тяжестью ряда досок, толстого слоя земли, а зимой еще и снегового покрова — составляющих вместе очень значительную нагрузку, испытывает чрезвычайно сильное напряжение на изгиб. Во избежание прогиба в этом случае требуется применение бревен очень большого диаметра, которые сами по себе представляют большую тяжесть для несущих столбов, да и не всегда могли найтись. В балке же арочной формы эта же нагрузка вызывает напряжение не на изгиб, а на сжатие, которое может выдержать ствол или брус с гораздо меньшей площадью поперечного сечения, без всякой опасности прогиба, так как все усилия по ней передаются на стены или опорные столбы через маузерлаты, на которые такая балка опирается. Если при этом обеспечить достаточное сопротивление распору, конструкция получается не столь громоздкой и весьма надежной (рис. 111-4, 5).

Следует заметить, что вообще примечательным в данном случае является даже не применение арочной балки. Сама по себе балка выпуклая — арочного очертания, была весьма распространена в кровлях построек всех ущелий Балкарии. Но там, где такие поперечные балки лежали поверх среднего продольного прогона, их форма объясняется просто стремлением получить хотя бы какой-нибудь наклон кровли в обе стороны от центрального прогона (рис. 111-2). И только в тех случаях, когда центральный прогон лежал не под этими балками, а на них, в качестве конькового бруса, образовывалась действительно та весьма оригинальная конструкция, при которой поперечные балки работали не на изгиб, а на сжатие.

Поэтому не сами арочные балки, а конструкция, в которой такие поперечные балки сочетались с лежащим на них прогоном, заслуживает особого внимания, как действительно оригинальное конструктивное решение.

Заодно вернемся еще раз к тому, как могли делаться такие арочные балки. Как видно из ранее приведенной по этому поводу цитаты, Ю.Н. Асанов соглашается с А.И. Робакидзе в том, что вытесать такую балку без точных расчетов и высокой техники обработки дерева невозможно. К этому надо прибавить, что не только невозможно, но и не нужно, так как при этом была бы нарушена цельность продольных волокон ствола, в результате чего придание балке арочной формы не усилило бы ее сопротивление нагрузке, а настолько ослабило, что она оказалась бы просто непригодной как несущая конструкция.

Что же касается первой версии, а именно, что балки эти "подбирались среди естественных форм деревьев", то возражение Ю.Н. Асанова, отрицающего эту версию, "так как основания этих балок совершенно прямые" — неубедительно. Сделать так, чтобы "основания этих балок были совершенно прямыми", то есть стесать их концы снизу напрямую, куда проще, чем

вытесать изогнутую балку из цельного прямого дерева. При этом структура волокон ствола нисколько не нарушается, и такая балка действительно гораздо прочнее, чем прямая балка такого же сечения.

Иное дело, что если "балки эти подбирались среди естественных форм деревьев" (что само по себе вполне возможно), трудно представить, чтобы можно было найти несколько таких стволов с одинаковой степенью выгнутости, требуемых для ряда поперечных балок каждой постройки. Но тут можно допустить, что строитель и не искал стволов с совершенно одинаковым изгибом, а разницу в изгибе отдельных стволов при укладке их в качестве поперечных балок компенсировал установкой коротышей разной высоты между этими балками и лежащей на них центральной продольной балкой. Такой зазор между некоторыми поперечными балками и находящейся над ними центральной балкой (заметив который Ю.Н. Асанов решил, что эти поперечные балки конструктивно ничего не несут) мог в действительности появиться из-за того, что коротышки выпали при деформации — неравномерной осадке или перекосе, вызванном разрушением постройки. Как подтверждают воспроизведенные в его книге снимки, и Ю.Н. Асанов и те, кто видели их до него, застали эти постройки в полуразрушенном виде.

Так что из двух вариантов того, как могли получиться такие арочные балки, наиболее вероятно, что для этого использовались стволы деревьев, уже имевших изгиб.

И, наконец, — что столь же, если не еще более вероятно, — изгиб стволов мог быть достигнут искусственно — прогибом их предварительной нагрузкой при сушке леса, до установки на место. Тогда замеченный зазор с центральной балкой мог образоваться еще из-за постепенного восстановления стволов своей первоначальной формы под воздействием внешней среды — влаги и температуры наружного воздуха, — в которой оказалась после обрушения кровли конструкция, находившаяся до того в закрытом помещении.

4. ДВЕРНЫЕ И ОКОННЫЕ ПРОЕМЫ

Устройство дверных проемов во всех типах балкарских жилищ осуществлялось примерно по одному принципу.

Обычно в проем каменной кладки устанавливалась деревянная колода из брусьев круглого или квадратного сечения, причем в брусьях косяков выбиралась четверть. Двери, закрывающие проем, как правило, делались двухстворчатыми. Полотно каждой створки выполнялось из одной целой деревянной пластины или доски толщиной до 5—7 сантиметров и шириной от 40 до 60 сантиметров. Каждая такая створка с одного края вверху и внизу имела кругло отесанные выступы — шипы. Эти шипы вставлены в гнезда, выдолбленные в пороге и затяжке. Колоды, и на них створка вращается без каких-либо петель. Такой прием укрепления створок дверей настолько удобен, что он применялся не только в самых ранних постройках, но даже в совсем недавних, для которых могли быть использованы металлические петли.

Кстати, нужно сказать, что не только в устройстве дверей и окон, но и вообще во всем строительстве народных жилищ Балкарии совершенно отсутствует применение каких-либо металлических креплений: гвоздей, болтов, петель. Железные скобы,

скрепляющие в некоторых случаях балки со стойками или венцы бревен между собой, были поставлены в последние десятилетия с целью укрепления слишком обветшавших частей дома.

Только в единичных случаях, например в доме Таукаша Хочуева в Шики, где ворота, ведущие во двор, и двери дома сделаны односторончатыми, — полотнище ворот составлено из нескольких досок, сплоченных друг с другом с помощью поперечины, к которой они пришиты гвоздями. Но этот створ сделан, очевидно, недавно и без нужных навыков, поэтому он почти поломался, в то время как более древние части построек долго и хорошо сохраняются.

Каждая створка делается немного шире половины ширины проема, так что закрываются они как бы внахлестку.

Вопреки этому Ю.Н. Асанов пишет, что "долотно одной створки было несколько шире другого"⁸⁰, что, во-первых, не подтверждается данными обмеров, а во-вторых, было бы нецелесообразно, так как усложняло бы заготовку створок, которые должны были бы быть не одинаковыми по ширине.

В одной из створок продалбливалось круглое отверстие для удобства открывания ее. Для запирания дверей использовались жердь или брус, вставляемые в пазы косяков, которыми дверь закладывалась изнутри.

В конструкции дверных проемов особо следует остановиться на перекрытии их и устройстве затяжки. Поскольку толщина стены обычно больше ширины дверной колоды, внутри помещения проем перед колодой перекрывался положенной над ним деревянной пластиной или двумя-тремя рядами жердей. Эта деревянная перемычка, концами защемленная в кладке стены, сверху не загружалась камнем. Каменная кладка над проемом делалась так, что по бокам проема камни выпускались навстречу друг другу, а между ними оставалось пространство. В следующем ряду клался перекрывающий его большой камень. Таким образом, над проемом каменная кладка сходилась ступенями, образующими подобие арки, в основании которой лежала перемычка. Так, над каждым дверным проемом в стене получалась ниша, закрытая с наружной стороны, с полкой-перемычкой, не испытывавшей напряжения на изгиб от вышележащих камней (рис. 59, 62).

Такой прием перекрытия дверного проема соблюдался во всех постройках Балкарии, независимо от того, к какому типу строительства они относились.

Под затяжкой перед дверными створками врезалась еще вертикально поставленная доска с вырезом по дуге или полукругу, создававшим впечатление арочного обрамления проема. Она предназначалась для того, чтобы препятствовать открыванию створок дверей наружу, не уменьшая высоту проема, и в то же время создавала определенный декоративный эффект.

По этому поводу Ю.Н. Асанов замечает: "Дверные створки не могли открываться наружу, т.к. они удерживались косяками. В верхней части косяка врезалась арочная доска, которая с одной стороны закрывала щель, образованную между косяком и дверными створками, а с другой — служила декоративным украшением"⁸¹.

Однако можно определенно сказать, что, хотя арочная лобовая доска действительно прикрывала щель в верхней части створок, главное же все-таки то, что именно она препятствовала открыванию створок наружу, а не косяки, так как выемки четвертей косяка

были для этого недостаточными, и, если бы створки удерживались от открывания наружу только ими, со временем грани этих четвертей смялись бы, и створки, как бы пружина, упираясь в них, потрескались бы.

Между тем декоративное значение арочного выреза лобовой доски следует особо подчеркнуть, так как она действительно являлась единственным декоративным элементом во всей архитектуре народного жилища Балкарии, имевшей во всем остальном исключительно утилитарный характер (если не считать еще вкрапленной кое-где в каменные стены узорчатой кладки "в елку").

Тут следует, кстати, сказать, что если вообще по деревянным конструкциям балкарских жилищ можно судить о том, как зарождались формы, получившие свое высшее развитие в каменной архитектуре, то в обрамлении дверного проема можно видеть, как каменные архитектурные формы здесь отразились в дереве. Хотя ранее нами было отмечено, что традиции возведения монументальных сооружений, сохранившихся на территории Балкарии, не нашли существенного отражения в архитектуре местного народного жилища, некоторые признаки такой преемственности все же можно заметить.

Так, рассмотренное устройство лобовой доски с арочным вырезом в деревянном обрамлении дверных и оконных проемов было весьма близко по форме к каменному обрамлению дверного проема боевой башни Верхнего Джерата (Северная Осетия). Вход ее перекрыт большой каменной плитой с высеченной в ней снизу аркой. Арочный вырез в монолите одного камня, перекрывающего пролет, является, конечно, сам по себе чисто внешним подражанием арочных перекрытиям более древних построек других областей (например, Грузии). В нем происходит смешение принципов балочного архитравного перекрытия с арочным. Причем, поскольку арка состоит не из отдельных заклиненных камней, а из одного, имеющего вырез снизу, такое решение только ослабляет конструкцию перекрытия проема, так как камень, и без того плохо работающий на изгиб, ослаблен здесь искусственно сделанным вырезом. Этот прием чисто декоративного решения в камне, перенесенный и повторенный в деревянном обрамлении проемов балкарских построек, оказался в них несравненно органичнее, так как деревянная лобовая доска с таким вырезом не работает на изгиб и вообще не является несущей конструкцией. В то же время устройство выреза в деревянной доске вполне естественно, причем заделка ее концами в толще стены препятствует выгибаннию ее и деформации. Таким образом, преемственность здесь означает несомненное совершенствование.

Об оконных и дверных проемах пишет и В.П. Кобычев в своей последней статье, посвященной жилищам народов Северного Кавказа. Начинает он с того, что "традиция устройства окон... восходит примерно к середине — второй половине XIX в. и обязана, по-видимому, воздействию русской культуры"⁸². Далее говорится, что "по крайней мере наиболее старые типы жилища, как турлучные, так и каменные и срубные, в большинстве своем не имеют или почти не имеют оконных проемов"⁸³.

"В жилых башнях,— продолжает В.П. Кобычев,— в каждом этаже имелось лишь одно большое арочное окно, служившее одновременно и входом"⁸⁴. Проще говоря, то, что автор называет окном, в действительности есть дверь. И далее: "...в боковых стенах устраивались небольшие оконца, перекрытые монолитом с полуциркульным вырезом"⁸⁵. Таким образом, автор сам себе противоречит, возводя традицию уст-

ройства окон к жилым башням (которые перестали строиться задолго до середины XIX века), а не к воздействию русской культуры, как утверждалось в начале того же абзаца.

Затем он пишет: "В срубных домах прорезали в отдельных случаях небольшие проемы неподалеку от очага, служившие не столько для освещения, сколько для вытяжки дыма, и лишь позднее стали устраивать небольшие окна размером 0,5x0,4 м с ложногарочным завершением, копировавшим каменные монолиты указанной выше формы либо представлявшим собой реликты конструкции передвижного жилища"⁸⁶.

Но, во-первых, упомянутые выше проемы устраивались не только в срубных, но и в каменных домах; во-вторых, они устраивались не в отдельных случаях, а в большинстве случаев; в-третьих, неподалеку от очага эти проемы устраивались в домах с пристенным очагом, над которым в отличие от срединных очагов жилищ, первоначально отапливавшихся по-черному, всегда имелся дымник, так что для вытяжки дыма никакого окна не требовалось.

В-четвертых, окна с арочным завершением были широко распространены в самых архаических жилищах, и то, что будто бы их "лишь позднее стали устраивать", не соответствует действительности. И, наконец, в приведенной выдержке автором даются два варианта происхождения арочной формы оконных проемов, взаимоисключающие друг друга.

Так, сначала здесь говорится об окнах "с ложногарочным завершением, копировавшим каменные монолиты указанной выше формы", т.е. повторяется как раз то, что подробно освещается в моем докладе, опубликованном еще в 1960 году⁸⁷, а затем следует совершенно иное, весьма странное рассуждение о том, что арочное завершение оконного проема является "реликтом конструкции передвижного жилища".

Что кроется за этой формулировкой, расшифровывается В.П. Кобычевым в другой его работе, опубликованной в 1972 году. В ней, говоря о кочевнической передвижной кибитке, которая была широко распространена среди тюркских народов под названием "алачик", автор пишет: "Рудиментом указанного вида жилища можно считать устройство верхнего косяка в старинных балкарских и карачаевских домах в форме арки".

Но "верхнего косяка" вообще не существует, так как косяками являются вертикальные стойки по бокам проема. А если даже под "верхним косяком" автором подразумевается перемычка над оконным проемом, то арочный вырез делается не в ней, а в лобовой доске, врезавшейся под перемычкой. Если же оставить все это в стороне, то, по В.П. Кобычеву, получается, что в арочном очертании оконного проема балкарского жилища нашла отражение внешняя форма жилища типа алачик, т.е. кибиток, в которых тысячу лет назад кочевали тюркские племена.

Однако сам автор словно специально для того, чтобы полностью исключить даже малейшую вероятность такого предположения, тут же сообщает, что, кроме упоминания в балкарском фольклоре о каких-то шалаشا... у балкарцев и карачаевцев жилище типа алачик не зафиксировано⁸⁸.

Вырез лобовой доски над дверными и оконными проемами имел в разных случаях различные очертания. Обычно это был почти правильный полу-круг, как, например, в наиболее совершенной постройке дома Хаджимурата Кулиева в Эльтюбю. То же относилось и к поздней постройке дома Д. Толгуррова в Былыме, хотя лесоматериал здесь значительно уступал по размерам и качеству первому (рис. 103).

Но в том же Эльтюбю в доме Хасана Джандуева вырез в лобовой доске образовывал почти три четверти круга, так что центр его находился не на линии основания арки, а несколько выше. Это придавало ей характер, близкий к очертанию подковообразных арок знаменитой мечети VIII века в Кордове.

В других случаях вырез лобовой доски имел форму трапеции, так что горизонтальная линия середины переходила по краям в заплечики со скругленными внутренними и внешними углами (рис. 8, 53).

Хотя вырез таких очертаний имелся в воротах старинного большого дома Ахмана Кулиева в Эльтюбю, часто он встречался и в более поздних постройках. Лобовая доска именно с таким вырезом получила широкое распространение не только в Балкарии, но и в Карачае и Черкесии.

Оконные проемы имелись далеко не во всех жилищах Балкарии. В первоначальных постройках они вообще не делались. Иногда в жилищах, отапливаемых по-черному, оставалось в стене отверстие для выхода дыма. Оно не имело определенной формы, было очень небольшим по размеру и устраивалось под самым потолком (рис. 9). Затем в такое отверстие вставлялась колода со ставней. Одним из наиболее древних примеров такого проема, служившего не только для освещения, сколько для выхода дыма в отапливаемом по-черному жилище, являлось окно в доме Тану Ортоева в Бэзенги, расположенного на высоте 150 сантиметров от уровня пола; оно имело в свету размер 38x50 сантиметров и закрывалось одной дощатой створкой (рис. 13). В других случаях этот проем делался ниже и больших размеров, превращаясь в обычное окно. Поскольку для устройства такого окна использовались брусья той же толщины, что и для дверных проемов, а размеры его значительно меньше, соотношение колоды, составлявшей обрамление оконных и дверных проемов и общего размера проема, придавало очень точную масштабность этим элементам и всему сооружению в целом. Это особенно хорошо видно на примере уже упоминавшегося дома Хаджимурата Кулиева в Эльтюбю.

Со временем тщательность и массивность выполнения дверных и оконных проемов значительно снизилась, в чем можно убедиться из сравнения дверных и оконных проемов указанного дома с теми же деталями в доме Джандара Толгуррова в Былыме (рис. 102).

5. ОЧАГ

Очаг в балкарском народном жилище, как было отмечено раньше, являлся организующим центром всего внутреннего пространства дома. С очагом были связаны важнейшие моменты жизни обитателей дома. Возле него происходило приготовление пищи, здесь собирались члены семьи, происходили приемы и угождение гостей. Поэтому в балкарском народном жилище, как и у других народов Кавказа, очагу придавалось особое значение.

Видоизменения очага, его размеров, расположения в жилище и устройства дымника над ним прошли через целый ряд стадий (рис. 112).

Примером наиболее примитивного (после костра) устройства очага может служить очаг в доме Масарби Малкерова в селении Тура Хабла (рис. 9) и в доме Тану Ортоева в Бэзенги (рис. 12, 13). Очаг дома в Тура Хабла, расположенный в середине жилища между двумя опорными столбами, занимал пло-

щадь более двух квадратных метров. Место очага было обрамлено каменными плитами, сложенными с двух сторон в виде низких скамей, образовавших кунакский круг, над центром которого с жерди, лежавшей между двумя столбами, свисала надочажная цепь. Выше к столбам была прикреплена еще пара перекрещивающихся жердей, на которые положена громадная, плоская, плетеная корзина для солода, покрытая, как и вся поверхность верхней части помещения, толстым слоем блестящей копоти. Никакого отверстия в крыше для выхода дыма не было, только в стене имелось небольшое неправильной формы отверстие в кладке, через которое выходил дым и проникал слабый дневной свет.

В доме Тану Ортоева в Безенги при тех же размерах и также топившийся по-черному очаг имел более правильную форму четырехугольника со сторонами 120x150 сантиметров. Внутри кунакского круга выделено углубление — место для огня. Очаг в доме Ортоя Забокова в Кунюме (рис. 3, 4), расположенный в центре жилья, был еще больше по размерам и имел форму четырехугольника со сторонами 150, 160, 165, 245 сантиметров. По сторонам этого четырехугольника на низких каменных подставках высотой 25 сантиметров уложены доски-скамьи. В крыше над очагом имелось отверстие, обрамленное камнем-плитняком, закрываемое от непогоды шиферной плитой. Таким образом, после первых двух примеров очагов по-черному здесь был осуществлен переход к простейшему дымоходу.

Следующим этапом являлось устройство над отверстием дымника из плетня, как это видно в доме Биазурова Ачи в селении Кала (рис. 75). Над отверстием кровли устанавливался круглый, сужающийся кверху плетень, обмазанный глиной и побеленный. Но такое устройство дымника практиковалось недолго. Среди множества обследованных объектов оно встретилось только в одном вышеприведенном случае. Очевидно, укрепление основания дымника непосредственно на кровле, над отверстием в ней, было нецелесообразно как в смысле пожарном, так и конструктивном. Нужно было сделать его независимым от конструкции крыши.

Поэтому дымник удлинялся так, что, проходя сквозь отверстие в крыше, он нижней своей частью опускался над очагом внутри помещения примерно на $1/4$ — $1/3$ высоты жилища, опираясь основанием на положенные клеткой жерди, укрепленные на промежуточных столбах. Такое устройство очага получило широкое распространение и встречалось в большинстве старых домов, имевших очаг в середине жилища. Так, в частности, он был устроен в доме Капана Гергокова в Верхнем Хуламе (рис. 28, 29).

Когда над основным жильем устраивалось летнее помещение, на втором этаже дымник наращивался по высоте, проходя сквозь второй этаж, не имевший своего очага. Примером такого решения являлся очаг в доме Таукаша Хочуева в Шики (рис. 38), где высота дымника — 4 метра. При этом в двух последних случаях можно заметить, что по мере того, как менялась конфигурация плана жилища и вместо квадрата оно приобретало форму вытянутого прямоугольника, расположение очага между столбами по оси помещения становилось затруднительным из-за узости пространства между продольными стенами. Размеры очага начали сокращаться. Сперва он разделился на две части — место для огня и место для хозяйственных работ. Затем остался только непосредственно

очаг. Иногда в жилищах, имевших внутри не два, а один несущий столб, очаг располагался не в середине, а между стеной и центральным столбом (дом Тамука Кулиева в Булунгу) (рис. 50).

Хотя описываемые здесь срединные очаги в конце 30-х годов (когда производилось мною натурное обследование) еще были распространены повсеместно, в труде, вышедшем в 1971 году, Г.Х. Мамбетов пишет: "Срединный очаг, бытовавший в прошлом у горцев... по свидетельству источников... в балкарских селениях был зарегистрирован еще в 30-х годах XX в."⁹⁰, из чего можно заключить, что к этому времени он уже был большой редкостью.

Такое заблуждение автора неудивительно, если учсть, что под "свидетельством источников" о постройках 30-х годов имеется в виду публикация Г.В. Пионтека, побывавшего здесь лишь в 1960 году, да и то только в одном Эльтюбю, когда от жилищ, существовавших в 30-х годах, ничего почти не осталось.

Само же описание очага и его эволюции в своем труде Г.Х. Мамбетов строит все-таки не на этом "свидетельстве источников", а на почти дословном повторении (хотя и без ссылки) моего описания очагов балкарских жилищ и этапов их видоизменений, впервые опубликованном в упомянутом ранее докладе за много лет до выхода работы Г.Х. Мамбетова. Именно оттуда взяты им даже имена обитателей жилищ, обследованных мною в 30-х годах, которых сам он, разумеется, видеть уже не мог.

Наконец, когда размеры жилищ еще более сократились и в середине их уже не ставились подпирающие кровлю столбы, очаг был перенесен вплотную к стене. Обычно он устраивался у лицевой стены дома, а нависавший над ним дымник укреплялся сперва на уложенные поперек помещения жерди, а позже на консоли, закреплявшиеся в теле лицевой стены. Так было устроено большинство очагов в домах малых семей в Чегемском и Баксанском ущельях.

По мере совершенствования этой конструкции консоли для прочности начали делать из поставленных на ребро пластин, по ним горизонтально укладывались доски, на которые опирался дымник, а выступавшие плоскости их образовывали полки для посуды. Для большей прочности зонта и ограждения очага от стен по бокам его устраивались косяки из вертикально поставленных досок, подпирающих консоли. Иногда доски эти делались расширяющимися кверху, приобретая подобие кронштейнов. По этому принципу были устроены очаги в домах Капана Абдулаева и Магомета Абдулаева в Абдуалевском поселке (рис. 85) и в доме Тимурада Гулиева в Курмо (рис. 79).

Лучшим образцом такого пристенного очага-камнина являлся очаг в доме Хаджимурата Кулиева в Эльтюбю (рис. 59, 60). В ряде случаев для защиты от задувания очаг со стороны двери закрывался специальной стенкой из плетня, как это было сделано в одном из домов селения Кала (рис. 76). Если лицевая стена дома была деревянная, в месте расположения очага она защищалась от огня вертикально прислоненной к ней шиферной плитой.

Говоря о срединных и пристенных очагах балкарских жилищ, нельзя не остановиться на фантастичности сведений о них, приводимых Г.Х. Мамбетовым со ссылкой все на тот же источник, уже раз его подведший: "Как отмечает архитектор Г.В. Пионтек, очаги в балкарском сел. Эльтюбю встречаются "самых разнообразных форм и конструкций, консольные, покоящиеся на балках и т.д., но всегда они заботливо декорированы"⁹¹.

Вопреки приведенной цитате, очаги не только в Эльтиюю, но и во всех балкарских традиционных жилищах были отнюдь не "самых разнообразных форм и конструкций", а строго определенных, описанных выше трех канонических типов, применявшихся в зависимости от типа самого жилища. При этом они не только не были "всегда заботливо декорированы", но, напротив, как правило, совершенно лишены какой-либо орнаментации, и все их устройство отличалось сугубой конструктивностью и функциональностью. К тому же на срединных очагах не было даже места для какого-либо декоративного украшения их, а на пристенных очагах если и были случаи украшения полочки над консолями дымника (такой прием весьма распространен в Грузии и Дагестане), то для Балкарии это не характерное явление, а редкое исключение.

В уже упоминавшейся работе В.П. Кобычева об очагах в жилищах народов Северного Кавказа говорится, что "...традиционное жилище отапливалось срединным очагом или пристенным камином. Срединный очаг бытовал лишь в горных районах главным образом в Северной Осетии и отчасти в Балкарии. У всех других народов преобладал пристенный камин..."⁹².

В следующей же строчке сообщается о том, что у "балкарцев Баксанского и Чегемского ущелий...— камин устраивался у лицевой стены слева от входа"⁹³. Таким образом, оказывается, что камин был не только "у всех других народов", но и в той же Балкарии. Судя по приведенному выше описанию, в одних местах "бытовал срединный очаг", а в других "преобладал камин". Но вслед за этим сам же В.П. Кобычев пишет про "срединный очаг, предшествовавший камину", и о том, что "появление камина было обусловлено распадом больших семей"⁹⁴. Таким образом, становится ясным, что камин появился в процессе эволюции жилища, первоначально же в Балкарии был распространен повсеместно (а отнюдь не "отчасти бытовал") срединный очаг. Поскольку в результате распада больших семей камин появился прежде всего в домах малых семей и в отоу — пристройках для новых брачных пар,— нет никаких оснований предполагать, как это делает В.П. Кобычев, что "именно в кунацких впервые камин сменил очаг", так же как и то, что "камин, однако, использовали исключительно для обогревания помещения"⁹⁵.

Столь же неверно и другое утверждение В.П. Кобычева о том, что "у балкарцев... камин устраивали у лицевой (фасадной) стены слева от входа"⁹⁶. В действительности, как показывает полевой материал, во многих случаях камин помещался справа от входа, что зависело от расположения дома на участке и от других конкретных условий. Более того, сам же В.П. Кобычев на следующей странице, говоря о жилищах Северного Кавказа вообще, пишет о том, что камин "ставили справа, слева от входа у передней, задней, боковой стены, в углу у передней стены, в углу, противолежащем входу, и т.д."⁹⁷.

При этом он поясняет, что "свои коррективы в ориентацию жилища, а следовательно, и в местоположение камина вносили топографические и климатические факторы"⁹⁸. Это пояснение доказывает полную несостоятельность его утверждения, высказанного

на предыдущей странице о том, что "такое неустойчивое местоположение камина можно объяснить тем, что этот вид отопления, будучи также сравнительно новым элементом жилища (давность бытования камина на Северном Кавказе уходит, кажется, не далее XVIII в.), не успел еще прижиться на местной почве"⁹⁹.

Ясно, что, если, как пишет автор, "срединный очаг, предшествовавший камину, играл исключительно важную роль в старом жилище, связанном с семейной общиной", и "его местоположение определяло функциональную дифференциацию жилища"¹⁰⁰, такое же значение в доме малой семьи имел пришедший на смену срединному очагу пристенный очаг — камин. Поэтому объяснить различия в местоположении камина в доме тем, что "этот элемент не успел еще прижиться на местной почве", т.е. что будто бы попросту не знали, куда его приткнуть, — нет абсолютно никаких оснований.

Далее В.П. Кобычев пишет, что "камин и очаг устраивали только в одной из комнат — общей семейной или позднее в кухне. Другие помещения не отапливались"¹⁰¹. В действительности же, поскольку появление камина было обусловлено распадом большой семьи, устраивали его во всех помещениях новых брачных пар, а в большом доме сохранялся срединный очаг, так что в комплексе жилищ большой отцовской семьи могло быть несколько каминов и срединный очаг.

Перемещение очага от центра жилища к стене привело к тому, что очаг начал выноситься за пределы жилища в виде ниши в лицевой стене, выступая наружу крупным объемом, врезающимся в теневой навес, как это видно в двухэтажной части дома Тамука Кулиева в Булунгу (рис. 47, 49, 50). Тут важно отметить, что дымник над очагом, проходивший сквозь второй этаж, был выполнен не из плетня, а из досок, поставленных вертикально. Дощатые дымники встречались и в других постройках, причем в Абдулаевском поселке и в Курмо (рис. 80) дощатые дымники имели наиболее древние части дома, так что можно предположить, что здесь они именно так и устраивались первоначально. И только позднее их стали делать из плетня. В ранних дощатых дымниках доски ставились на ребро горизонтально, с довольно искусной врубкой углов. От жара очага доски быстро коробились, и такие дымники плохо сохранялись, а затем полностью были вытеснены плетеными дымниками.

Выше отмечалось, что дымник очага в большинстве жилищ являлся одновременно и единственным источником проникновения дневного света внутрь помещения. Такое понимание роли дымника нашло характерное выражение при переустройстве его в одном из домов Былымы. Когда со временем обычный очаг жилища был заменен чугунной переносной печкой, дымник старого очага не был уничтожен, над ним была устроена односкатная крыша, а в вертикальной стенке вырезано отверстие и вставлена оконная рама. Таким образом, дымник превратился в световой фонарь над домом, который давал гораздо больше света, чем окно в лицевой стене, затемненной выступающим перед ней навесом (рис. 101).

ЗНАЧЕНИЕ ИЗУЧЕНИЯ БАЛКАРСКОГО НАРОДНОГО ЗОДЧЕСТВА

1. МЕСТО НАРОДНОГО ЗОДЧЕСТВА БАЛКАРИИ ВО ВСЕОБЩЕЙ ИСТОРИИ АРХИТЕКТУРЫ

Из приведенного выше описания основных конструктивных элементов балкарского народного жилища видно, что по их конструкции, форме и постепенному развитию можно, как было сказано вначале, судить о том, как зарождались классические архитектурные формы.

Обычно, чтобы представить, как выглядели те деревянные опоры, от которых произошла ордерная система классики, обращаются к изображению архитравном камне Львиных ворот в Микенах. Показанный на нем столб, несущий перекрытие в виде балки с лежащими на ней жердями, прижатыми камнями, является памятником тех деревянных конструкций, которые не сохранились от времени, отдаленного от нас почти тремя тысячами лет. Но вот мы рассмотрели сейчас ряд опор балкарских жилищ, и при этом оказывается, что несущая столбовая конструкция в доме Буллы Забокова в Кунюме, сооруженном не ранее XVII века, почти полностью повторяет указанное изображение.

Причем здесь эту опору мы видим не изображенную по исчезнувшему образцу и не открытой археологами под наслойениями эпох, а реально существующей и несущей нагрузку, для поддержания которой она была когда-то установлена (рис. 109-IV). И если сопоставить кунюмскую опору с микенской, опору в доме Масарби Малкарова в Тура Хабла (рис. 109-II) со столбом сходной с ней пальмовидной колонной Египта или взглянуть на четырехгранный деревянный центральный столб жилища дома Тамука Кулиева в Булунгу (рис. 109-VIII), кажется, что все они созданы специально для того, чтобы проиллюстрировать и подтвердить слова Альберти о том, что "сначала колонны были деревянные и круглые, коими даровала их природа, а затем применение их привело к тому, что в некоторых местах стали появляться и четырехугольные".

Наконец, если взять четыре опоры навеса дома Хаджимурата Кулиева в Эльтюбю, каждая из которых обтесана на 16 граней, имеет утонение ствола кверху, начинающееся с $1/3$ высоты, а вся высота которой составляет 6 диаметров основания, и сравнить их с двумя колоннами гробницы Хнемхотепа в Бени Хасане, имеющими также 16 каннелюр и то же утонение ствола (энтазис) и то же соотношение диаметра к высоте,— трудно поверить, что последние датируются между 2770-ми и 2560-ми годами до нашей эры, а первые созданы в горах Кавказа не ранее XVIII века. А ведь именно колонны Бени Хасана считаются самым ранним первообразом греко-дорического ордера. Форма этих колонн с их карнизом и высеченными в скале подражаниями торцам балок рассматриваются как древнейшее свидетельство деревянного происхож-

дения этого ордера. Но в истории мировой архитектуры нет такого памятника деревянного зодчества, который по своим формам так непосредственно примыкал бы к этому древнейшему воплощению в камне предшествующих ему форм деревянной конструкции и в котором бы уже имелись выполненными в дереве все элементы архитектурной обработки, повторенные в камне в гробницах Бени Хасана. Правда, колоннада дома Хаджимурата Кулиева появилась не до гробниц Бени Хасана, а через 4000 лет после них, но ведь она появилась совершенно независимо от них (вероятность знакомства балкарских мастеров XVIII века с зодчеством Древнего Египта практически исключена) и поэтому вполне может рассматриваться как строительный прием, предшествующей стадии развития. Кстати, насколько верно учитывались создателями балкарских построек свойства применяемых материалов, можно судить по тому, как положен камень над проемом. Чтобы перекрыть каменной плитой более значительный, чем обычно, пролет входа в конюшню дома Буллы Забокова в Кунюме, взят неотесанный камень неправильной формы, имеющий размеры 20x70x40. Но если обычно такие камни укладывались плашмя, здесь он поставлен на ребро так, что плоскости слоев в нем вертикальны, и тем самым увеличено сопротивление на изгиб (рис. 8).

Этот прием, когда-то подмеченный Шуази при исследовании храмов на острове Эгине и в Пестуме, считался им признаком высокого понимания греческими зодчими свойств материала и вполне за-служивает такой же оценки при изучении построек балкарских жилищ.

То же высоко развитое интуитивное чувство материала, его свойств и возможностей можно заметить по тому, как осуществлялось не только жилищное, но и другие виды строительства — дорожное строительство, строительство мостов в виде деревянных консолей, закрепленных в каменной кладке на противоположных берегах, строительство мельниц (рис. 43, 105), устройство водопровода в виде желобов, выдолбленных в стволах дерева и уложенных на каменные подставки с соблюдением уклона, как это было принято еще в римских акведуках (рис. 66).

2. ТРАДИЦИОННОЕ НАРОДНОЕ ЗОДЧЕСТВО И СОВРЕМЕННОЕ ЖИЛИЩНОЕ СТРОИТЕЛЬСТВО В СЕЛЬСКИХ РАЙОНАХ БАЛКАРИИ

Выше речь шла о том, какое значение может иметь изучение архитектуры народного жилища Балкарии для заполнения недостающих страниц в самой ранней стадии всеобщей истории архитектуры. Но история традиционного балкарского жилища может дать многое и для практики современного жилищного строительства сельских районов Балкарии.

Вопрос этот приобретает особую актуальность в связи с бурным жилищным строительством, развернувшимся в местах былого расположения старых балкарских поселений.

Характер застройки, внешний облик сооружаемых жилищ, архитектурно-планировочное решение каждого дома, усадьбы и поселений в целом настоятельно требует пристального внимания, анализа и оценки практики этого строительства для выработки правильного направления в его дальнейшем развитии. Именно в связи с этим существенное значение может иметь обращение к тому лучшему в традициях народного зодчества, что должно быть использовано в современном строительстве.

Сюда относятся: высокоразвитое у народных строителей интуитивное понимание тектонических свойств тех материалов, из которых возводились постройки, слитность отдельных построек и целых поселений с окружающей природой, строгое соответствие объемно-планировочного построения жилища хозяйственному и бытовому укладу.

Но стоящие ныне жилища рассчитаны на совершенно иной уклад жизни, новые неведомые в прошлом производственно-хозяйственные и бытовые условия. В корне изменился уровень культурного и технического развития современного человека, его запросы и требования, предъявляемые им к своему жилищу. Совершенно изменилась и техника самого строительства и свойства применяемых материалов, способы и средства их обработки.

Поэтому использование в новом строительстве лучших традиций балкарской народной архитектуры означает не механическое перенесение элементов прошлого в настоящее, не подражание старому, а соблюдение в новом строительстве выработанных веками перечисленных выше принципов, чтобы новое жилище находилось в таком же соответствии с современными условиями, как постройки прошлого соответствовали тогдашним условиям.

Механическое же перенесение в современное строительство каких-то элементов традиционных построек является не продолжением традиций, а, наоборот, нарушением их, так как такие элементы, рожденные совершенно другими условиями, входят в противоречие с современностью, не соответствуют ей, чего никогда не было в подлинном народном зодчестве.

Именно о таком творческом использовании наследия в новом строительстве горных районов Кав-

каза говорится в статье Г.Я. Мовчана, посвященной аварскому жилищу: "Можно без колебаний высказать уверенность в том, что горное домостроительство будущего целиком лежит в створе той именно древней архитектуры, в развитии именно ее принципов и форм на новой основе"¹⁰³.

Совершенно иной концепции в этом вопросе придерживается В.П. Кобычев в статье, опубликованной в 1978 году¹⁰⁴.

Статья начинается с утверждения, что "современное и традиционное — понятия настолько обыденные в этнографической науке, насколько и нерастворимые".

И хотя практика современного строительства, к сожалению, свидетельствует о явном отрыве от лучших традиций прошлого, об отсутствии преемственности и массовом распространении черт, противоречащих народному зодчеству, которое никогда не страдало безвкусицей, автор упомянутой статьи утверждает, что в современном "однотипном жилище почти во всем обнаруживаются вековые традиции многообразия прошлого"¹⁰⁵.

Однако ясно, что "однотипность современного жилища" и "многообразие прошлого" — понятия несовместимые.

Достаточно посмотреть на иллюстрирующие статью изображения новых жилищ с их безвкусными украшениями (рис. 6, 9), чтобы представить себе, насколько оторваны они от традиций подлинного народного творчества.

Между тем автор статьи заключает: "И не исключено, что именно эта идущая из глубины веков животворная традиция обусловила столь быстрый прогресс и высокие архитектурные достоинства современного жилища Северного Кавказа..."¹⁰⁶.

Однако из всего вышесказанного, надеемся, становится очевидным, что в этой мажорной сентенции явно желаемое выдается за действительность.

А последняя на самом деле такова, что для пользы дела сейчас гораздо важнее не псевдооптимистические восторги, а углубленная критическая оценка состояния современного жилищного строительства, направленная на всемерное использование в нем всего лучшего из того, что накоплено в многовековом народном творчестве.

Примечательно, что для использования это должно идти не по линии подражания прошлому, а по пути применения в новом строительстве принципов, оправдавших себя в прошлом, т.е. создание такого нового, которое также соответствовало бы современности, как это было в наиболее совершенных произведениях традиционного народного зодчества.

ВЫВОДЫ

Заканчивая на этом анализ архитектуры балкарского народного жилища, можно считать, что ее главными особенностями являются:

1. Наличие в балкарской народной архитектуре трех существующих типов традиционного жилища, соответствующих единым для всех районов Балкарии трем этапам развития в хозяйственной деятельности, быте и семейных отношениях, т.е. социально-экономическому развитию.

2. Наличие в балкарском жилище разновидностей, обусловленное физико-географическими и историческими условиями.

3. Безусловная самобытность архитектуры балкарского народного жилища.

Все это позволяет говорить о том значении, которое имеет балкарская народная архитектура и ее исследование.

Во-первых, изучение ее дает исключительно богатый материал для выяснения многих вопросов истории балкарского народа, важность которого усугубляется крайней недостаточностью других материальных, литературных и архивных данных.

Тем самым заполняется тот пробел в изучении истории жилища, о котором М.О. Косвен в свое время писал: "Выразительной иллюстрацией к истории семейной общины могла бы быть история жилища, но кавказский материал для этого недостаточен и плохо еще, в соответствии с данной задачей, разработан. Можно все же считать, что архаическим типом является здесь однокамерное общее жилище типа грузинского дарбази, тогда как, например, тип карачаевского жилища отчетливо отражает дифференциацию в ¹⁰⁸ ставе большой семьи индивидуальных малых семей".

На примере истории балкарского жилища оказалось возможным наглядно проследить последовательное формирование всех этих стадий, начиная от аналитического грузинскому, но более архаичного однокамерного жилища, через усадебный комплекс жилища большой отцовской семьи до жилища малой семьи, которое у балкарцев не только сходно с карачаевским, но получило здесь более монументальную, законченную форму.

Во-вторых, как было доказано выше, знакомство с отдельными элементами балкарской народной архитектуры дает возможность особенно реально представить себе, как происходило зарождение архитектурной и строительной культуры вообще, причем позволяет судить об этом наиболее ясно, поскольку здесь эти зачаточные формы существуют не как археологические остатки, а как действующие элементы обитаемых построек.

В-третьих, изучение традиционного балкарского народного зодчества может иметь практическое значение для современного жилищного строительства сельских районов Балкарии.

Использование лучших традиций народной архитектуры, таких, как органическая связь с окружающей средой и учет природных условий, верное понимание свойств и возможностей применяемых строительных материалов, строгое соответствие объемно-планировочного решения данному хозяйственному и бытовому укладу,— все это может способствовать по-длинному расцвету архитектуры в современной сельской застройке.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Бернштейн Э.Б. Народная архитектура балкарского жилища // О происхождении балкарцев и карачаевцев. Нальчик, 1960. С. 186.

² Флетчер Б.Ф. История архитектуры, составленная по сравнительному методу. СПб., 1911. С. 15.

³ Асанов Ю.Н. Поселения, жилища и хозяйственные постройки балкарцев (Вторая пол. XIX — 40-е годы XX века). Нальчик, 1976; Мамбетов Г.Х. Материальная культура сельского населения Кабардино-Балкарии (Вторая пол. XIX — 60-е гг. XX века). Нальчик, 1971.

⁴ Ковалевский М.М. В горских обществах Кабарды // Вестник Европы. 1884. №4.

⁵ Цит. по: Косвен М.О. Этнография и история Кавказа. М., 1961. С. 240.

⁶ Бакланов Б.Н. Архитектура Дагестана. М., 1935. С. 7.

⁷ Мамбетов Г.Х. Указ. соч. С. 229.

⁸ Там же.

⁹ Материалы научной сессии по проблеме происхождения балкарского и карачаевского народов. Нальчик, 1960. С. 310.

¹⁰ Лавров Л.И. О некоторых этнографических данных по вопросу происхождения балкарцев и карачаевцев // О происхождении балкарцев и карачаевцев. Нальчик, 1961. С. 67.

¹¹ Косвен М.О. Указ. соч. С. 231.

¹² Лавров Л.И. Указ. соч. С. 68.

¹³ Там же.

¹⁴ Кобычев В.П. Типы жилищ у народов Северо-Западного Кавказа в середине XIX в. // Кавказский этнографический сборник. В. В. М., 1972. С. 166.

¹⁵ Асанов Ю.Н. Указ. соч. С. 88.

¹⁶ Там же. С. 78.

¹⁷ Лавров Л.И. Карабай и Балкарья до 30-х годов XIX века // Кавказский этнографический сборник. В. В. М., 1969. С. 82.

¹⁸ Мусукаев А.И. Из прошлого, незабытого. Нальчик, 1975. С. 5.

¹⁹ Там же.

²⁰ Там же.

²¹ Там же. С. 25.

²² Асанов Ю.Н. Указ. соч. С. 79.

²³ Там же. С. 100.

²⁴ Там же. С. 78.

²⁵ Там же. С. 79.

²⁶ Косвен М.О. Указ. соч. С. 90.

²⁷ Мусукаев А.И. Указ. соч. С. 46.

²⁸ Мамбетов Г.Х. Указ. соч. С. 142.

²⁹ Асанов Ю.Н. Указ. соч. С. 72,

⁷³ Там же.

³⁰ Косвен М.О. Указ. соч. С. 127.

³² Асанов Ю.Н. Указ. соч. С. 74.

³³ Косвен М.О. Указ. соч. С. 126, 127.

³⁴ Там же. С. 128.

³⁵ Студенецкая Е.К. Карабаевцы // Народы Кавказа. Т. 1. М., 1960. С. 254.

³⁶ Косвен М.О. Указ. соч. С. 32.

³⁷ Косвен М.О. Семейная община и патронимия. М., 1963. С. 194.

³⁸ Асанов Ю.Н. Указ. соч. С. 82.

³⁹ Там же.

⁴⁰ Там же. С. 80.

⁴¹ Там же. С. 82.

⁴² Там же.

⁴³ Там же.

⁴⁴ Мамбетов Г.Х. Указ. соч. С. 142.

⁴⁵ Бернштейн Э.Б. Указ. соч.

⁴⁶ Мамбетов Г.Х. Указ. соч. С. 142.

⁴⁷ Асанов Ю.Н. Указ. соч. С. 71.

⁴⁸ Там же. С. 72.

⁴⁹ Актритас П.Г. О происхождении балкарцев и карачаевцев. Нальчик, 1960. С. 277.

⁵⁰ Асанов Ю.Н. Указ. соч. С. 71.

⁵¹ Там же. С. 45.

⁵² Кобычев В.П. Указ. соч. С. 166.

⁵³ Асанов Ю.Н. Указ. соч. С. 38.

⁵⁴ Кобычев В.П. Указ. соч. С. 163.

⁵⁵ Там же.

⁵⁶ Куфтин Б.А. Жилище крымских татар. М., 1925. С. 49.

⁵⁷ Мамбетов Г.Х. Указ. соч. С. 142.

⁵⁸ Там же. С. 143.

⁵⁹ Там же. С. 144.

⁶⁰ Робакидзе А.И. Форма поселения в Балкарии // Материалы этнографии Грузии, XI. Тбилиси, 1960. С. 107.

⁶¹ Асанов Ю.Н. Указ. соч. С. 112.

⁶² Кобычев В.П. Указ. соч. С. 163.

⁶³ Робакидзе А.И. Указ. соч. С. 100.

⁶⁴ Мамбетов Г.Х. Указ. соч. С. 159.

⁶⁵ Кобычев В.П. Указ. соч. С. 163.

⁶⁶ Мамбетов Г.Х. Указ. соч. С. 159.

⁶⁷ Асанов Ю.Н. Указ. соч. С. 39.

⁶⁸ Там же.

⁶⁹ Там же. С. 40.

⁷⁰ Там же.

⁷¹ Там же. С. 43.

⁷² Куфтин Б.А. Указ. соч. С. 30.

⁷³ Кобычев В.П. Города, селения, жилища // Культура и быт народов Северного Кавказа. М., 1968.

⁷⁴ Асанов Ю.Н. Указ. соч. С. 44.

⁷⁵ Там же.

⁷⁶ Там же.

⁷⁷ Мамбетов Г.Х. Указ. соч. С. 150.

⁷⁸ Асанов Ю.Н. Указ. соч. С. 44.

⁷⁹ Там же.

⁸⁰ Там же. С. 49.

⁸¹ Там же. С. 50.

⁸² Кобычев В.П. Новые и традиционные черты в современном жилище народов Северного Кавказа // Этнические и культурно-бытовые процессы на Кавказе. М., 1978. С. 183.

⁸³ Там же.

⁸⁴ Там же.

⁸⁵ Там же.

⁸⁶ Там же.

⁸⁷ Бернштейн Э.Б. Указ. соч. С. 212.

⁸⁸ Кобычев В.П. Типы жилища у народов Северо-Западного Кавказа в середине XIX в. // Кавказский этнографический сборник. Вып. 5. М., 1972. С. 155, примечание 28.

⁸⁹ Там же.

⁹⁰ Мамбетов Г.Х. Указ. соч. С. 146.

⁹¹ Там же. С. 148.

⁹² Кобычев В.П. Новые и традиционные черты в современном жилище народов Северного Кавказа. М., 1978. С. 183.

⁹³ Там же.

⁹⁴ Там же.

⁹⁵ Там же. С. 187.

⁹⁶ Там же. С. 185.

⁹⁷ Там же. С. 186.

⁹⁸ Там же.

⁹⁹ Там же. С. 185.

¹⁰⁰ Там же.

¹⁰¹ Там же. С. 187.

¹⁰² Альберти Л.Б. Десять книг о зодчестве. Кн. 1. М., 1933. С. 31.

¹⁰³ Мовчан Г.Я. Социологическая характеристика старого аварского жилища // КЭС.У. М., 1972. С. 119.

¹⁰⁴ Кобычев В.П. Указ. соч. С. 164.

¹⁰⁵ Там же.

¹⁰⁶ Там же. С. 166.

¹⁰⁷ Кобычев В.П. Новые и традиционные черты в современном жилище народов Северного Кавказа. М., 1978. С. 203.

¹⁰⁸ Косвен М.О. Этнография и история Кавказа. М., 1961. С. 103

СПИСОК ИЛЛЮСТРАЦИЙ

1. Карта-маршрут исследования 1938 года. "Зодчество народного жилища Балкарии".

I. ЧЕРЕК-БАЛКАРСКОЕ УЩЕЛЬЕ

Селение Кунюм. Дом Ортоя Забокова

2. Внутренний дворик с навесом перед домом и ходом в сад. Натуральная зарисовка.

3. План усадьбы.

4. Разрез I-I и II-II.

Селение Кунюм. Дом Буллы Забокова

5. Вид дома со стороны теневого навеса (юго-восточная ст.). Натуральная зарисовка.

6. План дома.

7. Разрез I-I и разрез II-II. Деталь верха опоры.

8. Ворота конюшни в усадьбе Буллы Забокова. Натуральная зарисовка.

Селение Тура-Хабла

9. Дом Масарби Малкарова.

Разрез I-I. План дома. Разрез II-II.

10. Боевая башня в селении Кунюм. Общий вид. Натуральная зарисовка.

11. Юго-восточный фасад башни в Кунюме.

II. ХУЛАМ-БЕЗЕНГИЙСКОЕ УЩЕЛЬЕ

Селение Безенги. Дом Тану Ортоева

12. План дома Тану Ортоева.

13. Разрез I-I и разрез II-II.

Кунацкая дома кн. Тениса Суюншева в селении Безенги

14. Общий вид со стороны навеса. Натуральная зарисовка.

15. План дома.

16. Южный фасад и разрез I-I.

17. Разрез II-II и разрез III-III.

18. Интерьер приемного зала-навеса. Натуральная зарисовка.

19. Почетные места в кунацкой. Деталь. Натуральная зарисовка.

20. Вид из приемной кн. Суюншева. Натуральная зарисовка.

Другие постройки Безенги

21. Вход в жилище и хозяйственный двор дома в Безенги. Натуральная зарисовка.

22. Лестница в доме Хасана Жобоева в Безенги. Натуральная зарисовка.

23. Сторожевая башня в Безенги. Натуральная зарисовка.

Селение Верхний Хулам

24. Общий вид селения Верхний Хулам. Натуральная зарисовка.

25. Тотур-Кала. Натуральная зарисовка.

Дом Капана Гергокова в селении Верхний Хулам

26. Общий вид дома с восточной стороны. Натуральная зарисовка.

27. План дома.

28. Восточный фасад и разрез I-I.

29. Интерьер жилища. Натуральная зарисовка.

30. Жилище и хозяйственное помещение дома в Верхнем Хуламе. Натуральная зарисовка.

31. "Уллу юй" (большой дом) в Верхнем Хуламе. Натуральная зарисовка.

Селение Шики

32. Общий вид селения Шики. Натуральная зарисовка.

33. Улица в селении Шики. Натуральная зарисовка.

Дом Таукаша Хочуева

34. Общий вид дома. Натуральная зарисовка.

35. План первого этажа.

36. План второго этажа.

37. Юго-восточный фасад.

38. Разрез дома Т. Хочуева.

39. Интерьер крытого двора дома Т. Хочуева. Натуральная зарисовка.

40. Интерьер жилища Т. Хочуева. Натуральная зарисовка.

III.
ЧЕГЕМСКОЕ УЩЕЛЬЕ

41. Селение Думала. Общий вид. Натуральная зарисовка.

42. Жилой дом в селении Думала. Натуральная зарисовка.

43. Водяные мельницы в селении Думала. Натуральная зарисовка.

Селение Булунгу

44. Вид селения Булунгу с северо-восточной стороны. Натуральная зарисовка.

45. Вид селения Булунгу со стороны дома Хусейна Геттуева. Натуральная зарисовка.

46. Схематический план части селения Булунгу.

Дом Тамука Кулиева в Булунгу

47. Общий вид. Натуральная зарисовка.

48. Дом Тамука Кулиева с юго-запада. Натуральная зарисовка.

49. План жилища Тамука Кулиева и прилегающего участка.

50. Разрез I-I, разрез II-II, разрез III-III. План 2-го этажа.

51. Интерьер крытого двора. Натуральная зарисовка.

52. Корridor в Булунгу. Натуральная зарисовка.

Селение Эльтюбю (Верхний Чегем) Дом Ахмана Кулиева

53. Большой дом усадьбы Ахмана Кулиева с южной стороны. Натуральная зарисовка.

54. План усадьбы.

55. Южный фасад и восточный фасад.

56. Поперечный и продольный разрезы большого дома.

57. Интерьер большого дома. Натуральная зарисовка.

Дом Хаджимурата Кулиева

58. Общий вид дома с восточной стороны. Натуральная зарисовка.

59. План дома и разрез I-I.

60. Восточный — главный фасад. Южный фасад. Разрез II-II.

61. Дом кн. Малкарукова в Эльтюбю. Вид с восточной стороны. Натуральная зарисовка.

62. Дверь в доме Малкарукова. Натуральная зарисовка и обмер.

63. Вид из-под навеса дома на Малкаруковскую башню в Эльтюбю. Натуральная зарисовка.

64. Фрагмент Малкаруковской башни в Эльтюбю. Натуральная зарисовка.

65. Могильники в Эльтюбю. Натурная зарисовка.
66. "Водопровод" в Эльтюбю. Натурная зарисовка.

Селение Кала

67. Селение Актопрак — начало пути в Кала. Натурная зарисовка.
68. Общий вид селения Кала. Натурная зарисовка.
69. Улица в селении Кала. Натурная зарисовка.
70. Загоны для скота в селении Кала. Натурная зарисовка.

Дом Ачи Биазырова в селении Кала

71. Дом Ачи Биазырова с южной стороны. Натурная зарисовка.
72. Дом Ачи Биазырова с западной стороны. Натурная зарисовка.
72^a. Интерьер жилища Ачи Биазырова. Натурная зарисовка.
73. План дома Ачи Биазырова.
74. Южный фасад дома Ачи Биазырова.
75. Разрез I-I.
76. Пристенный очаг жилища в селении Кала. Натурная зарисовка.

IV.

БАКСАНСКОЕ УЩЕЛЬЕ

Селение Курмо Усадьба Тимудара Гулиева

77. Общий вид. Справа — жилой дом, слева — скотный двор. Натурная зарисовка.
78. План усадьбы.
79. Юго-восточный фасад и разрез по первоначальному жилищу Тимудара Гулиева.

80. Внешний вид первоначального жилища Тимудара Гулиева в селении Курмо. Натурная зарисовка.

81. Интерьер жилища Тимудара Гулиева с пристенным очагом. Натурная зарисовка.
82. Торцевой фасад дома. Натурная зарисовка.

Абдулаевский поселок селения Курмо, Верхне-Баксанского сельсовета

83. Вид Абдулаевского поселка с северо-восточной стороны. Натурная зарисовка.

84. План Абдулаевского поселка.

85. Разрез по участку Абдулаевского поселка селения Курмо.

86. Жилище Байрымука Абдулаева. Вид из-под навеса дома Магомета Абдулаева. Натурная зарисовка.

87. Проход между домами Байрымука и Магомета Абдулаевых. Натурная зарисовка.

88. Дом Магомета Абдулаева. Натурная зарисовка.

89. Дом Кунаха Абдулаева. Натурная зарисовка.

90. Вход в жилище Кунаха Абдулаева. Натурная зарисовка.

91. Дом Адыка Курданова. Натурная зарисовка.

92. Дом Джунуса Гетуева. Натурная зарисовка.

Селение Нижний Баксан Дом Омара Атмурзаева

93. Общий вид дома с северо-западной стороны. Натурная зарисовка.

94. План усадьбы.

95. Западный фасад.
96. Поперечный и продольный разрезы жилища.
97. Разрез по участку.

Селение Былым

98. Общий вид селения Былым. На переднем крае — дом Паши Шоваева. Натурная зарисовка.

Дом Паши Шоваева в селении Былым

99. План.

100. Фасад дома.

101. Поперечный разрез.

102. Дверь дома Джандара Толгирова в селении Былым. Натурная зарисовка.

103. Окно в доме Джандара Толгирова в селении Былым. Натурная зарисовка.

104. Остатки селения Былым. Натурная зарисовка. 1978 год.

105. Водяная мельница в Верхнем Баксане. Натурная зарисовка.

Сравнительные таблицы-схемы

106. Дифференциация дома на жилую и хозяйственную часть.

107. Типы жилищ.

108. Привязка жилища к рельефу.

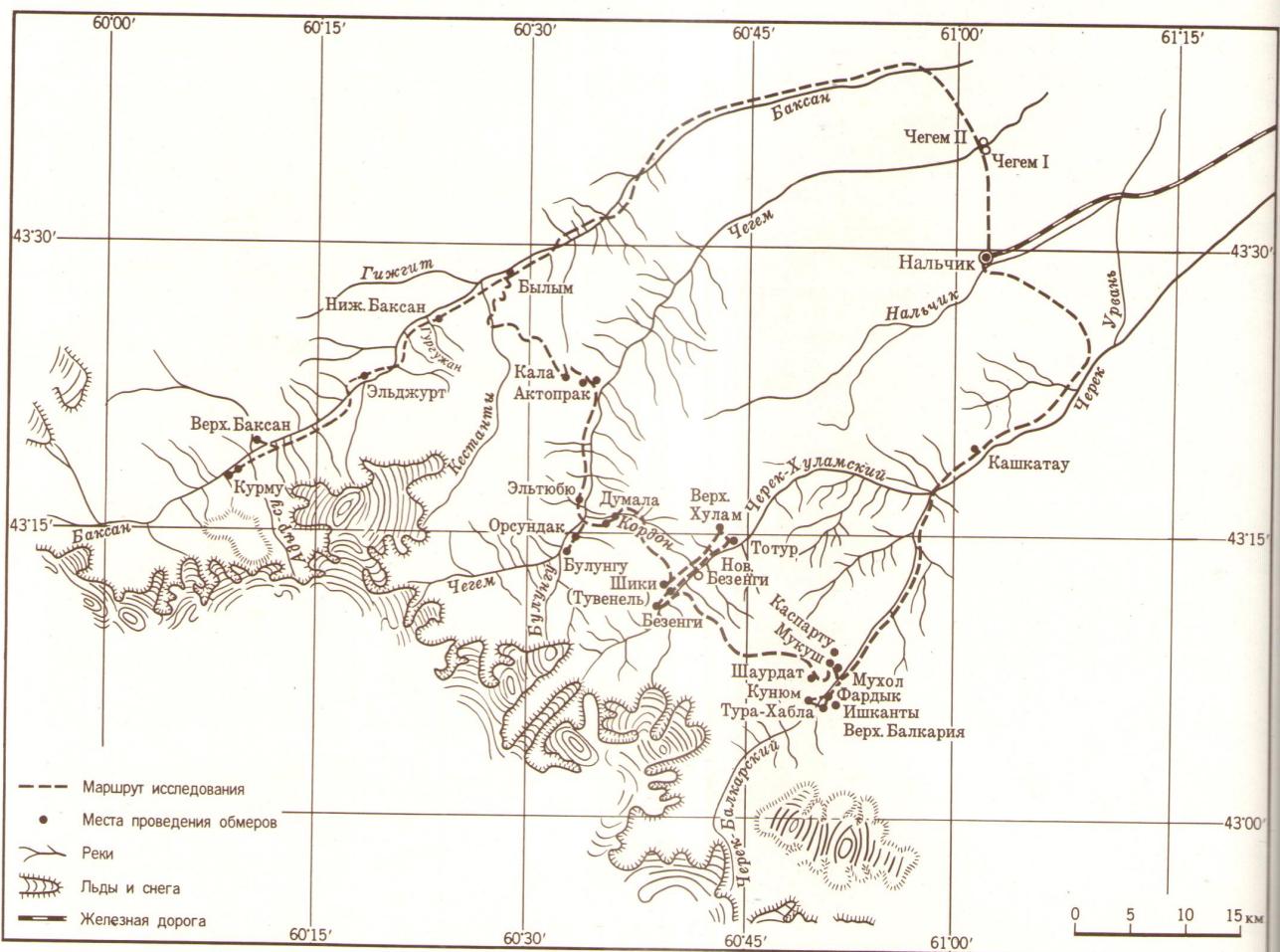
109. Разновидности деревянных опор жилищ.

110. Деревянные опоры жилых и хозяйственных построек.

111. Кровли балкарских жилищ.

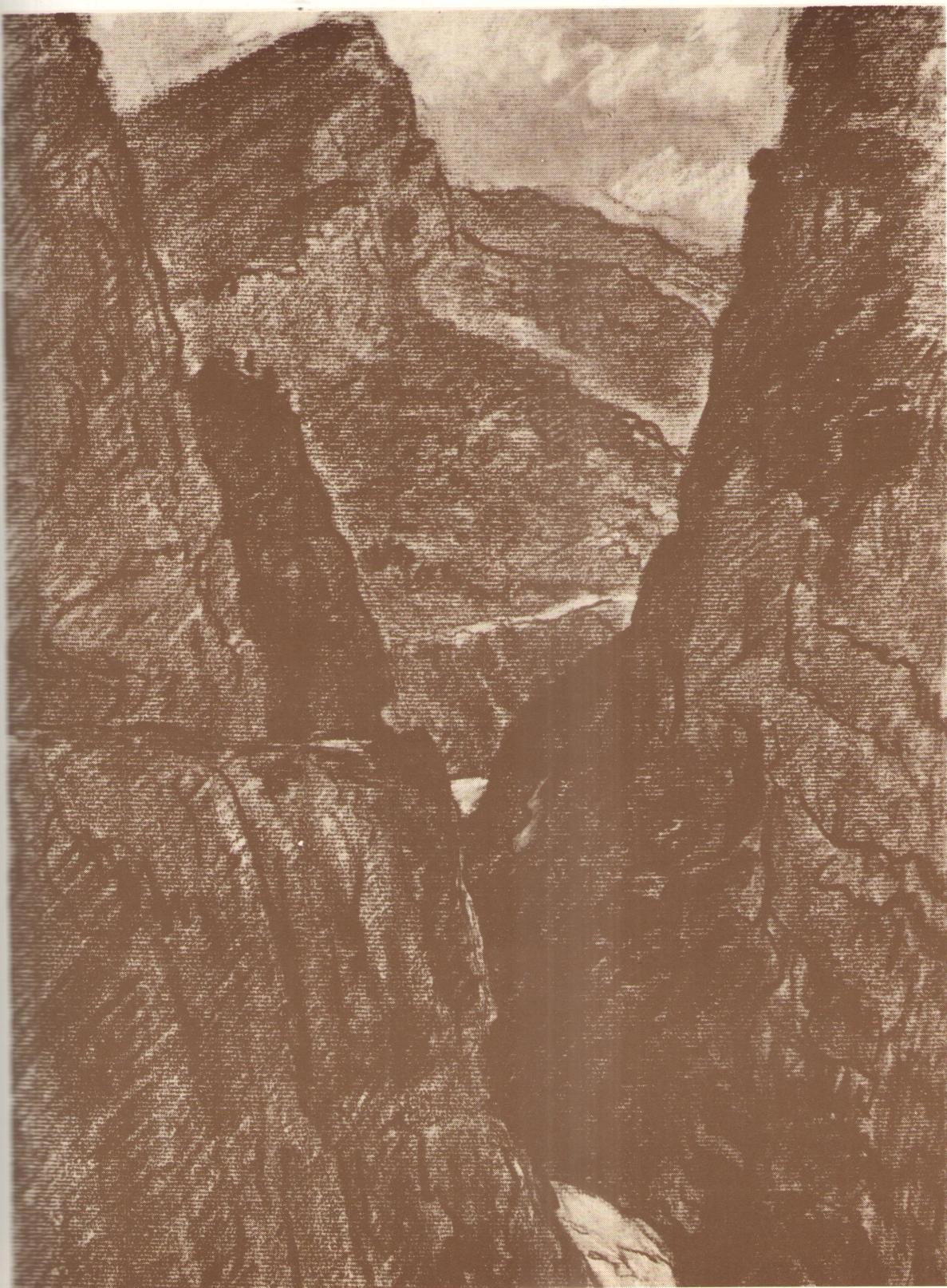
112. Этапы эволюции очага.

ИЛЛЮСТРАЦИИ

1. Карта-маршрут исследования
1938 года.

I.
ЧЕРЕК-БАЛКАРСКОЕ
УЩЕЛЬЕ

СЕЛЕНИЕ КУНЮМ

Дом Ортоя Забокова
(рисунки 2 — 4)

Селение Кунюм (что означает в переводе — солнечный склон) входит в группу селений, образующих Верхнюю Балкарию.^{*} Оно расположено в верховьях реки Черек-Балкарский на левом — солнечном склоне ущелья.

Усадьба Ортоя Забокова находится в верхней части селения, спускающегося уступами от господствующей над всем комплексом жилищ оборонительной башни Абоевых.

Усадьба состоит из трех частей: жилой, хозяйственной и сада. Ворота в стене, отгораживающей усадьбу с улицы, ведут во двор, окруженный с трех сторон теневыми навесами, за которыми расположены основное жилое помещение, помещение женской половины и помещения для гостей. С четвертой стороны участок ограничен каменной стеной с калиткой, ведущей в сад. Главное зимнее жилое помещение находится в глубине участка со стороны, противоположной въездным воротам, и примыкает к вертикальному срезу скалы, образующей заднюю стену жилища. Зимнее жилище имеет размеры 6,1 х 7,5. В середине расположено очаг размером 165x160 сантиметров. Место очага обрамлено каменными плитами, образующими невысокие сиденья. Над очагом отверстие в кровле обложено камнем, однако не имеет еще обычного для других жилищ плетеного дымника. Других отверстий для освещения жилища в доме нет. Высота помещения 2,5 метра. В углу жилища яма для хранения картофеля. Сбоку у стены каменное сиденье. Кровля плоская деревянная, с земляной засыпкой, опирается на деревянные столбы, два из которых расположены посередине жилища, а остальные примыкают к стенам. К основному жилищу примыкает холодная пристройка — "отоу", сообщающаяся с хозяйственным двором. На участке имеется еще два летних помещения, каждое с самостоятельным ходом и окном, под общим навесом. К задней продольной стене, ограничивающей жилой дом, примыкает хозяйственная территория с открытым двором размером 11,2x8 метров и расположенным в глубине участка крытым помещением для скота "бау".

Дом Буллы Забокова
(рисунки 5 — 8)

Основное жилое помещение дома размером 7,5x5,8 занимает угол в глубине участка, остальная площадь которого застроена навесами для скота раз-

мером 9,5х6 метров, теневым навесом перед жилищем размером 6х4 метра. В лицевой стене жилища дверь шириной 110 сантиметров и окно шириной 30 сантиметров. Очаг без дымника топится по-черному, расположен в середине жилища на продольной его оси. Отличается значительностью размеров (170x95 сантиметров). Стены толщиной до 80 сантиметров сложены насухо из естественного камня с обмазкой снаружи и изнутри, кровля плоская, деревянная, с земляной насыпью. Нагрузку от кровли несут деревянные столбы диаметром 20 — 30 сантиметров и высотой 2,5 метра. Задняя западная стена образована вертикальным срезом скалы, к которой примыкает дом.

СЕЛЕНИЕ ТУРА-ХАБЛА

Дом Масарби Малкарова
(рисунок 9)

Селение Тура-Хабла расположено в низине ущелья, на правом берегу реки. Дом Масарби Малкарова — образец жилища архаического типа. Жилое помещение расположено в глубине участка, за навесом для скота. Жилище площадью около 50 квадратных метров со средним очагом, отапливаемым по-черному.

В стене, противоположной входу, под потолком имеется отверстие для вытяжки дыма. Боковая стена образуется вертикальным срезом скалы.

Справа от входа в жилище, в глубине навеса за плетеной перегородкой, обмазанной глиной, имеется дополнительное жилое помещение — "печь", называемая так по установленной здесь железной печурке.

Кунюмская боевая башня
(рисунки 10, 11)

Кунюмская башня, или так называемая башня Абаевых (Абай-кала), первоначально была возведена как родовая еще до возникновения селения Кунюм. Суживающаяся кверху за счет некоторого наклона внутрь и постепенного уменьшения толщины стен, четырехэтажная башня имеет ясно выраженный характер осетинских боевых башен. Это подтверждается и техникой возведения ее из тщательно отесанных каменных блоков на известковом растворе с последующей обмазкой, а также устройством проемов и орнаментикой. Квадратная в плане башня имеет в основании размеры бхб метров, высота башни около 16 метров.

2. Дом Ортоя Забокова в селении
Кунюм. Внутренний дворик. Натур-
ная зарисовка.

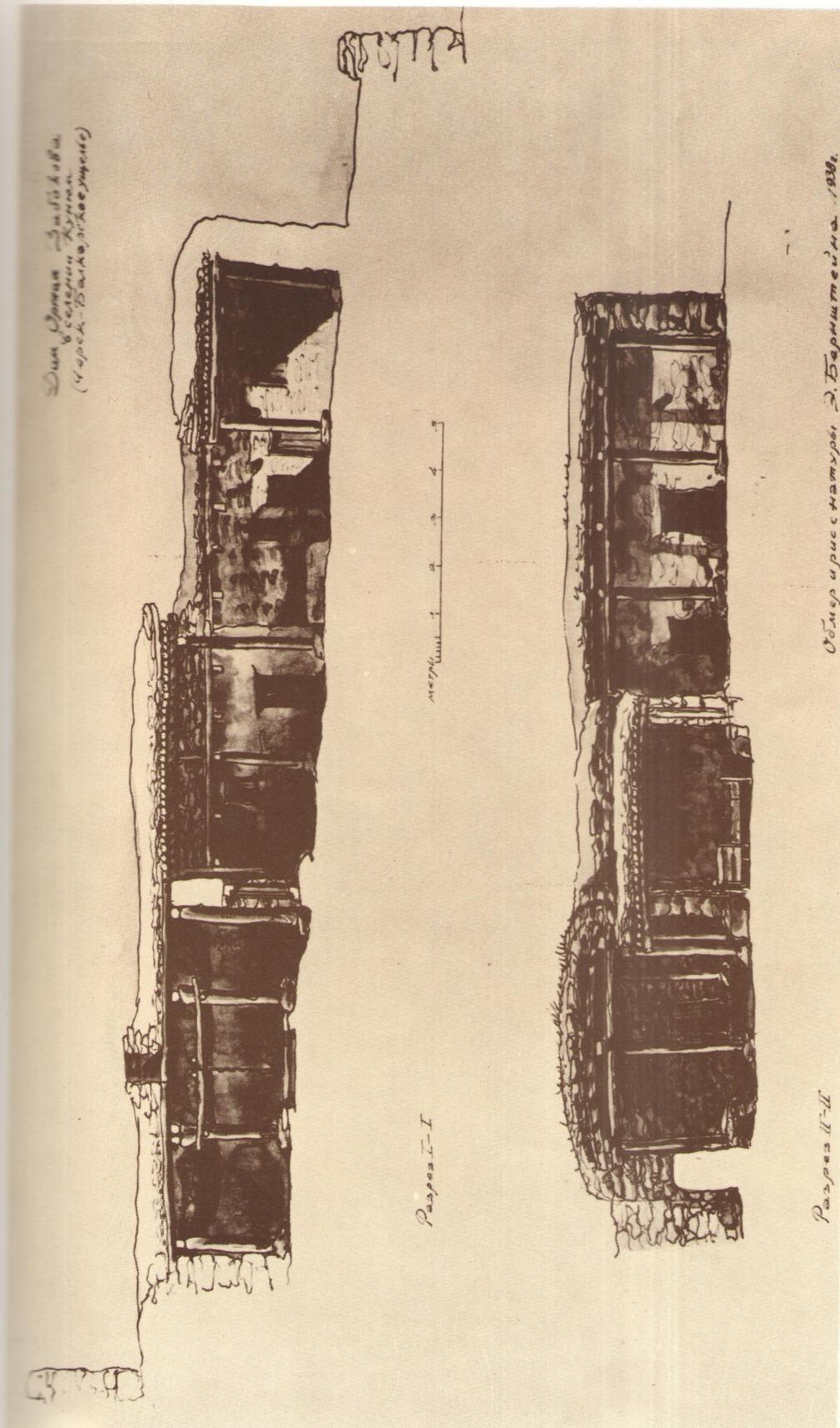
Дом Ортоя Забокова
селения Кунюм
(Черек-Балкарское ущелье)

План усадьбы

метры 1 2 3 4 5

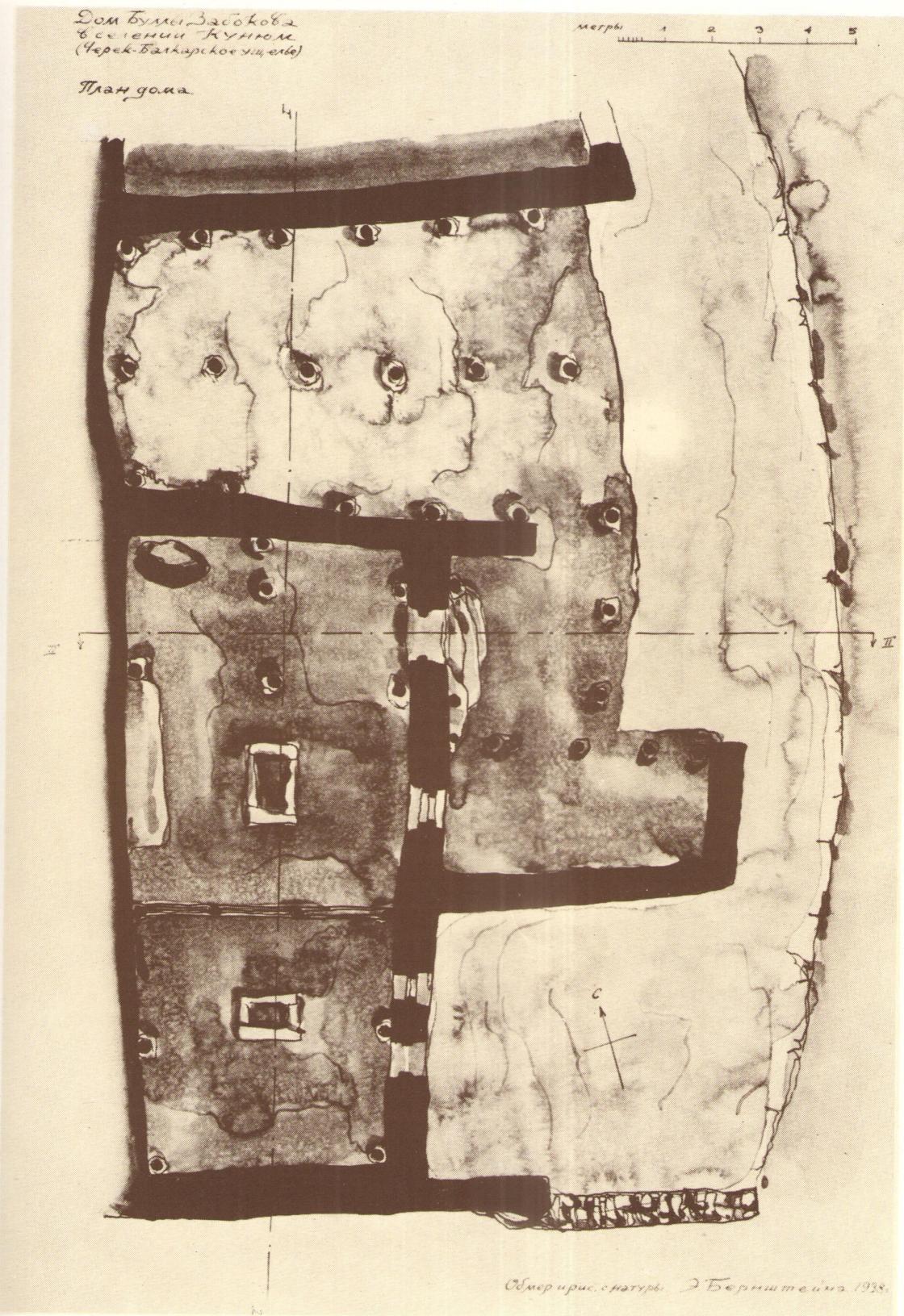
3. План усадьбы Ортоя Забокова
в с. Кунюм.

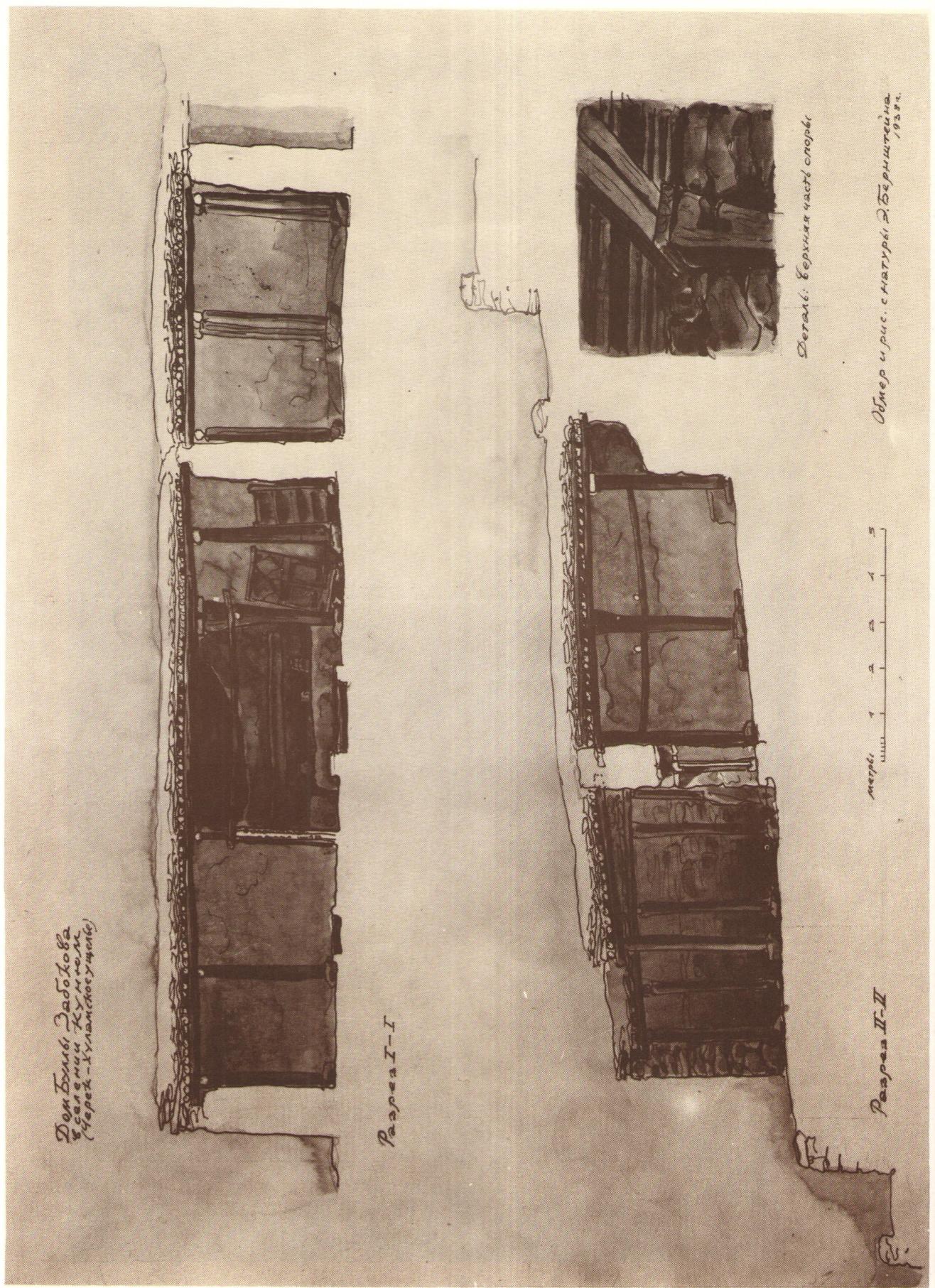
4. Дом Ортоя Забокова в с. Күннүм. Продольный и поперечный разрезы.

5. Дом Буллы Забокова в с. Ку-
ном. Вид со стороны теневого из-
беса. В глубине, слева вход в жи-
лице. Справа — загон для скота.

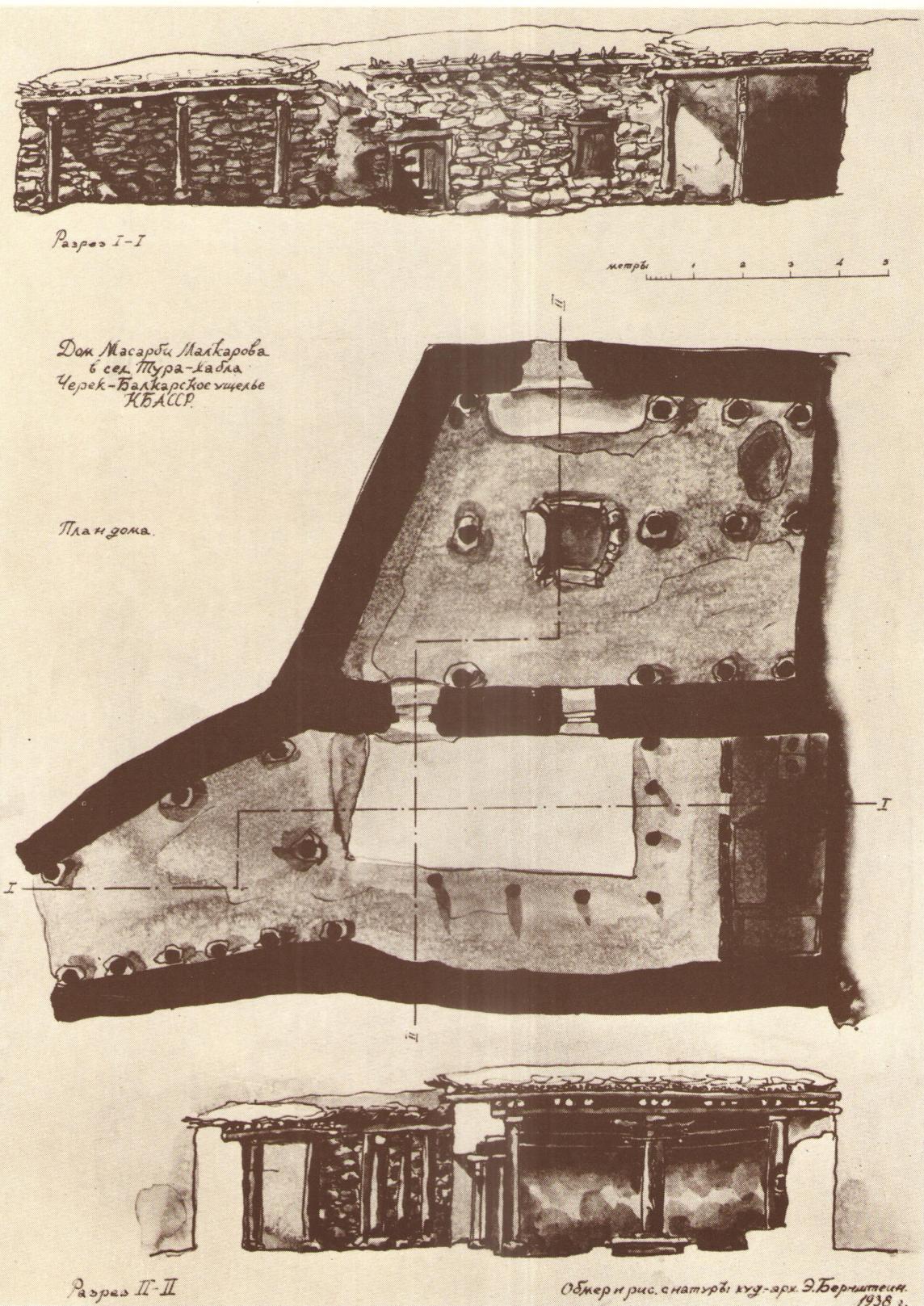

6. План дома Буллы Забокова в с. Кунюм.

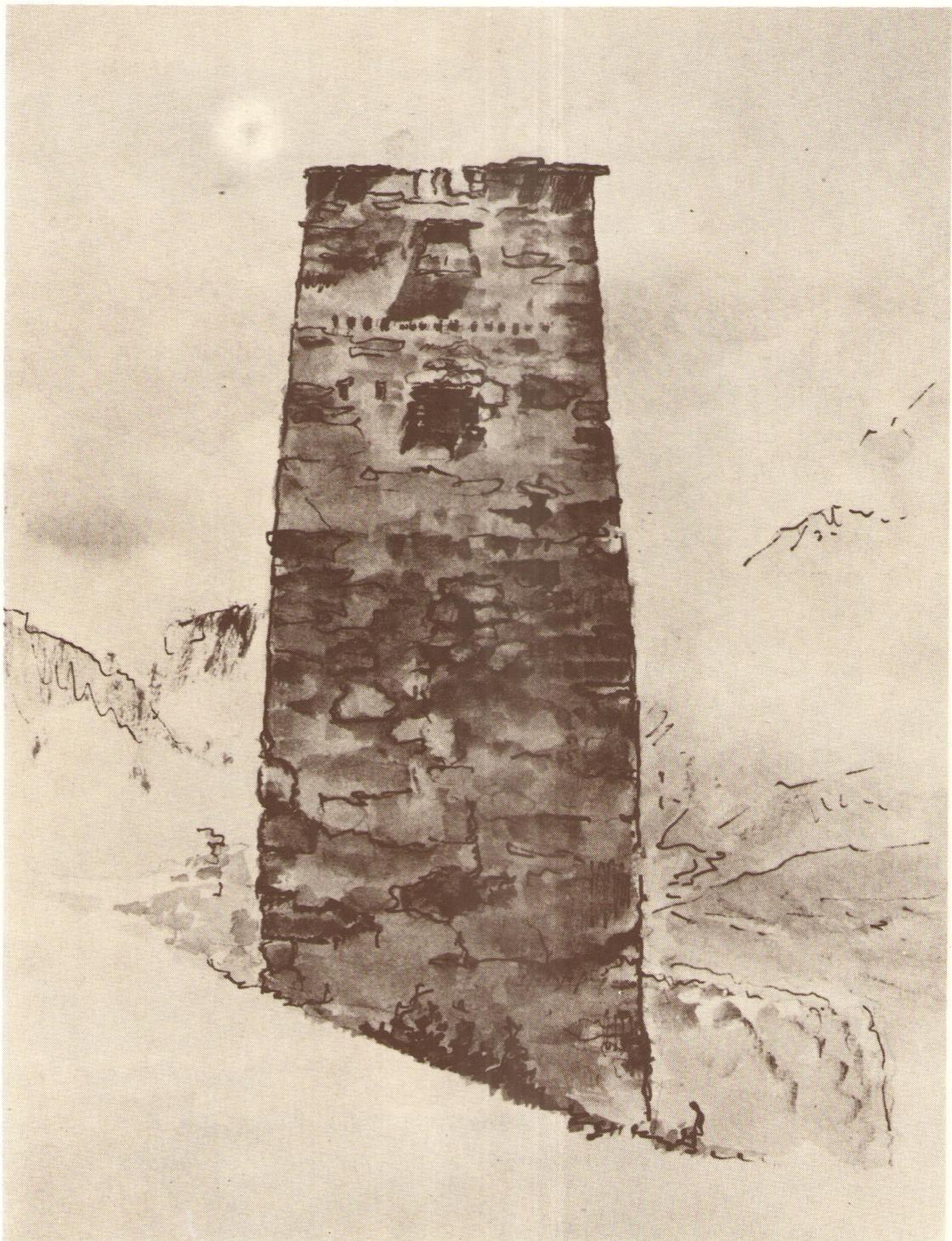
8. Ворота конюшни в усадьбе Буллы Забокова в с. Кунюм. Натуральная зарисовка.

9. Дом Масарби Малкарова в селении Тура-Хабла. Разрез I — I.
План дома. Разрез II — II.

10. Боевая башня в селении Куюм. Натурная зарисовка.

11. Юго-восточный фасад башни
в с. Кунюм.

II.
ХУЛАМ-БЕЗЕНГИЙСКОЕ
УЩЕЛЬЕ

СЕЛЕНИЕ БЕЗЕНГИ

Дом Тану Ортоева
(рисунки 12, 13)

Селение Безенги расположено на левом берегу верхнего течения реки Черек-Хуламский.

Жилище Тану Ортоева врезано в скалу, так что две стены — заднюю и боковую образует вертикальный срез скалы. Основное жилище имеет форму вытянутого прямоугольника, разделенного плетневыми перегородками на три помещения: зимнее жилое помещение со срединным очагом, отапливаемым почерному, с отгороженным справа углом для зимнего содержания молодняка скота и слева "отоу" с окном. За ним изолированное плетневой перегородкой еще одно жилое помещение с самостоятельным входом. Справа от входа в главное жилище два жилых помещения без очагов с плетневой лицевой стеной. Перед жилыми помещениями глубокий навес, образующий крытый двор.

Кунацкая б. дома князя Тениса
Суюншева
(рисунки 14 — 20)

Общее описание. На территории площадью 17x15 метров вокруг открытого двора расположены жилые и хозяйственные постройки с крытыми навесами перед ними. Навес перед основным помещением отличается от обычных теневых навесов размерами и планировкой, образуя как бы открытый с одной стороны обширный аванзал для приемов. В глубине навеса, вдоль стены, расположена сложенная из крупных каменных плит большая лежанка с приподнятым изголовьем. Вдоль перпендикулярной к лежанке стены размещены сиденья, высота которых тем больше, чем ближе они к изголовью лежанки-дивана. Для сидений кресел использованы естественные крупные камни треугольной формы с выдолбленными углублениями. Эти камни с древнейших времен применялись как жернова для ручного помола зерна и до сих пор встречаются в различных местах возле селений и даже на перевалах. Стены дома сложены из камня, который в основании имеет размеры, доходящие до 2,5x2x1,5 метра. Восточная стена примыкает к скале. В южной стене пристройки, примыкающей к лицевой стороне главного навеса, имеется окно с наличником позднейшего происхождения. Главный навес имеет двухскатную кровлю, образующую с лицевой стороны открытый фронтон. Коньковый брус диаметром 30 сантиметров опирается на брусья поперечных балок квадратного сечения 27x20 сантиметров. Наклонный настил из сплошного ряда жердей диаметром 10 сантиметров, опирающихся одним концом на коньковый брус, а другим на боковые прогоны, несет земляную насыпь.

Другие постройки
селения Безенги
(рисунки 21 — 23)

СЕЛЕНИЕ ВЕРХНИЙ ХУЛАМ

Селение Верхний Хулам занимает склоны конусообразной возвышенности, господствующей над долиной реки Черек-Хуламский. Стратегическое значение возвышенности подчеркнуто

расположенной на вершине ее сторожевой башней, сохранившейся в полуразрушенном состоянии. Планировка аула отличается свободным расположением жилищ, живописно разбросанных по крутым склонам вдоль дорог и троп, опоясывающих гору. Дома однотажные с плоскими крышами, с планировкой, использующей естественный рельеф местности. Характерным для местных построек является дом Капана Гергокова.

Дом Капана Гергокова
(рисунки 24 — 29)

Дом расположен в уступе скалы, образующем заднюю продольную стену жилища. В основном жилом помещении размером 11x5,4 и высотой в 2,3 метра в глубине с торца легкой перегородкой отделено пространство, называемое "гумму". Справа от входа с лицевой стороны имеется очень тесная пристройка "отоу" с отдельным входом. В жилище очаг расположен в середине по продольной оси помещения между двумя несущими столбами. Дымник над очагом плетеный обмазкой глиной поконится на жердях, положенных на столбы, несущие кровлю. Перед очагом высечено в массиве скалы почетное место — "тырхык". Стены каменные на глиняном растворе, с глиняной обмазкой. Снаружи и изнутри стены усилены деревянными столбами, несущими нагрузку от кровли. Внутренние перегородки плетеные с обмазкой. Кровля плоская. Основные поперечные балки — "хрык", опирающиеся пролет на мощную колонну, называемую "жигинчар" несут на себе уложенные поперек жерди — "тахта" по которымложен сплошной настил из более легких жердей "илькич", а по нему слой плотно утрамбованной земли.

Другие постройки
верхнего Хулама
(рисунки 30, 31)

СЕЛЕНИЕ ШИКИ

(рисунки 32, 33)

Селение Шики расположено на восточном склоне Хуламского ущелья. Жилища размещаются на террасах, врезанных в массив скалы. Вся застройка отличается компактностью расположения отдельных жилищ и тщательностью каменной кладки стен. Через селение, сверху вниз пролегают улицы, заканчивающиеся внизу расширением треугольной формы — площадью, на которой происходят заседания старейшин. Потеррасная застройка селения наверху завершается домом Таукаша Хочуева.

Дом Таукаша Хочуева
(рисунки 34 — 40)

Участок, занимаемый домом, глубоко врезается в уступ скалы, который, будучи вертикально срезан, образует две естественные, расположенные под углом стены жилого помещения и частично одну стекретного двора.

План. Площадь, занимаемая усадьбой первому этажу, составляет 150 квадратных метров. Первом этаже под одной кровлей находится зимнее помещение для скота и следующее за ним зимнее

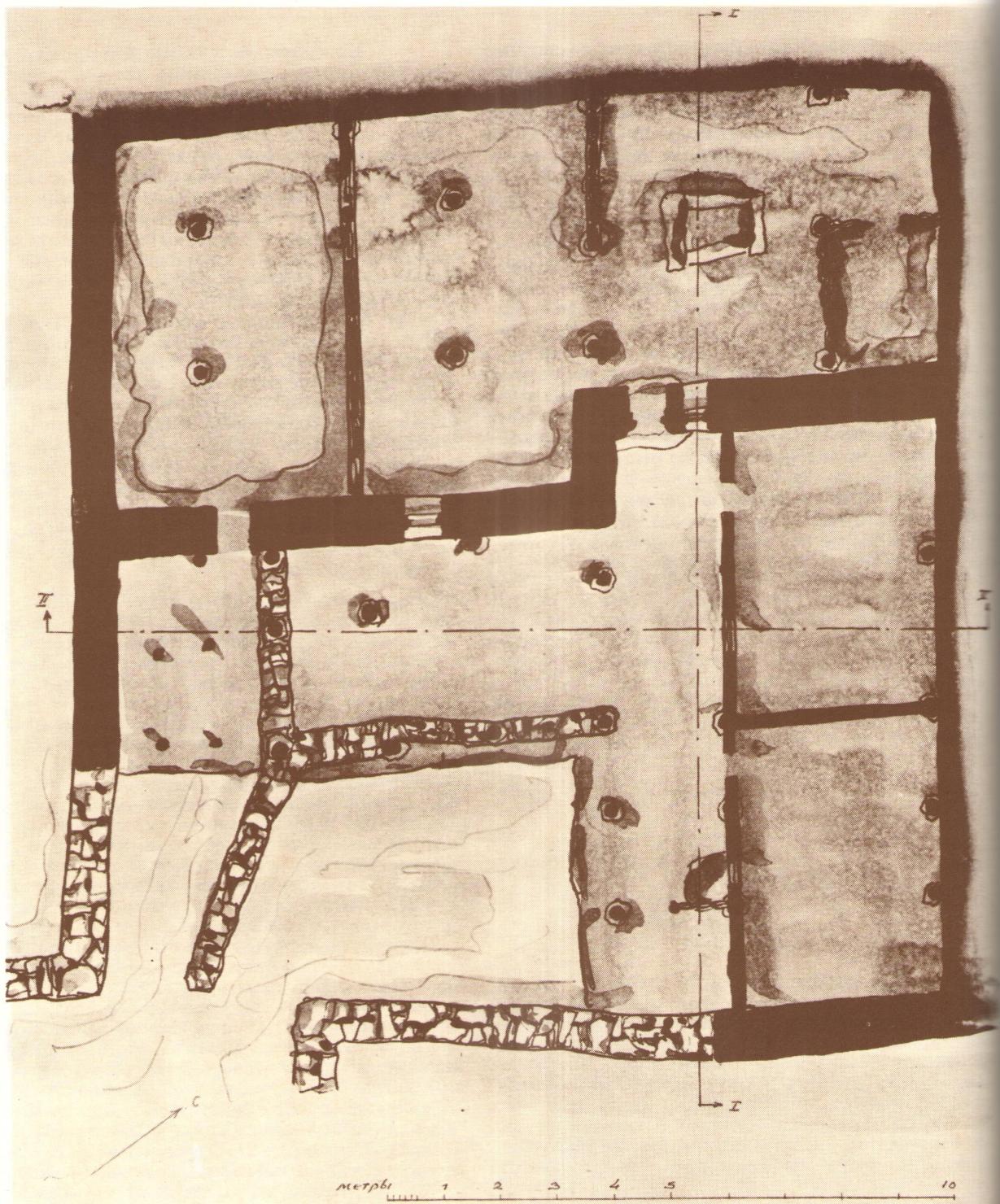
жилое помещение с очагом, расположенным на продольной оси между двумя деревянными опорами. Пепел очагом в скале, образующей стену, высечена скамья. В углу жилья находится яма, являвшаяся первоначально хранилищем ячменя, высыпавшегося до того, как его вытеснили посевы кукурузы. Очаг первоначально топился по-черному, и лишь позднее при постройке второго этажа был устроен дымник, проходящий сквозь верхнее помещение. Размеры жилья 5x8 метров, высота 2,8 метра, причем уровень пола жилья несколько ниже, чем ведущего в него двора. Зимнее помещение почти лишено света, так как единственное, имеющееся в восточной стене отверстие по своим размерам скорее напоминает бойницу, нежели оконный проем. Вообще по замкнутости и компактности планировки и по своему расположению в отношении всего аула сооружение производит впечатление дома — крепости или замка, что усиливается некоторой скошенностью вертикальной поверхности стен, придающей особую монументальность всему сооружению.

Из крытого двора наверх ведет крутая лестница, сложенная из камня. Во втором этаже находится летнее жилое помещение с теневым навесом на южной стороне и летний загон для скота.

Конструкции. Как указано выше, две стены дома образованы вертикальным срезом скалы, к которой примыкает первый этаж дома. Остальные стены первого этажа сложены из естественного камня. Циклопическая кладка насухо, без раствора, отличается тщательностью подбора камней с грубой обработкой лицевой поверхности камня. Толщина стен 1 — 1,2 метра, отдельные камни в основании достигают размера 2x1x1 метр с постепенным уменьшением кверху. В кладке заметно стремление к перевозке швов, с применением мелких осколков для заполнения пустот. На отдельных участках восточной стены вкраплены ряды камня, уложенные "елкой".

Междуетажные перекрытия и кровля

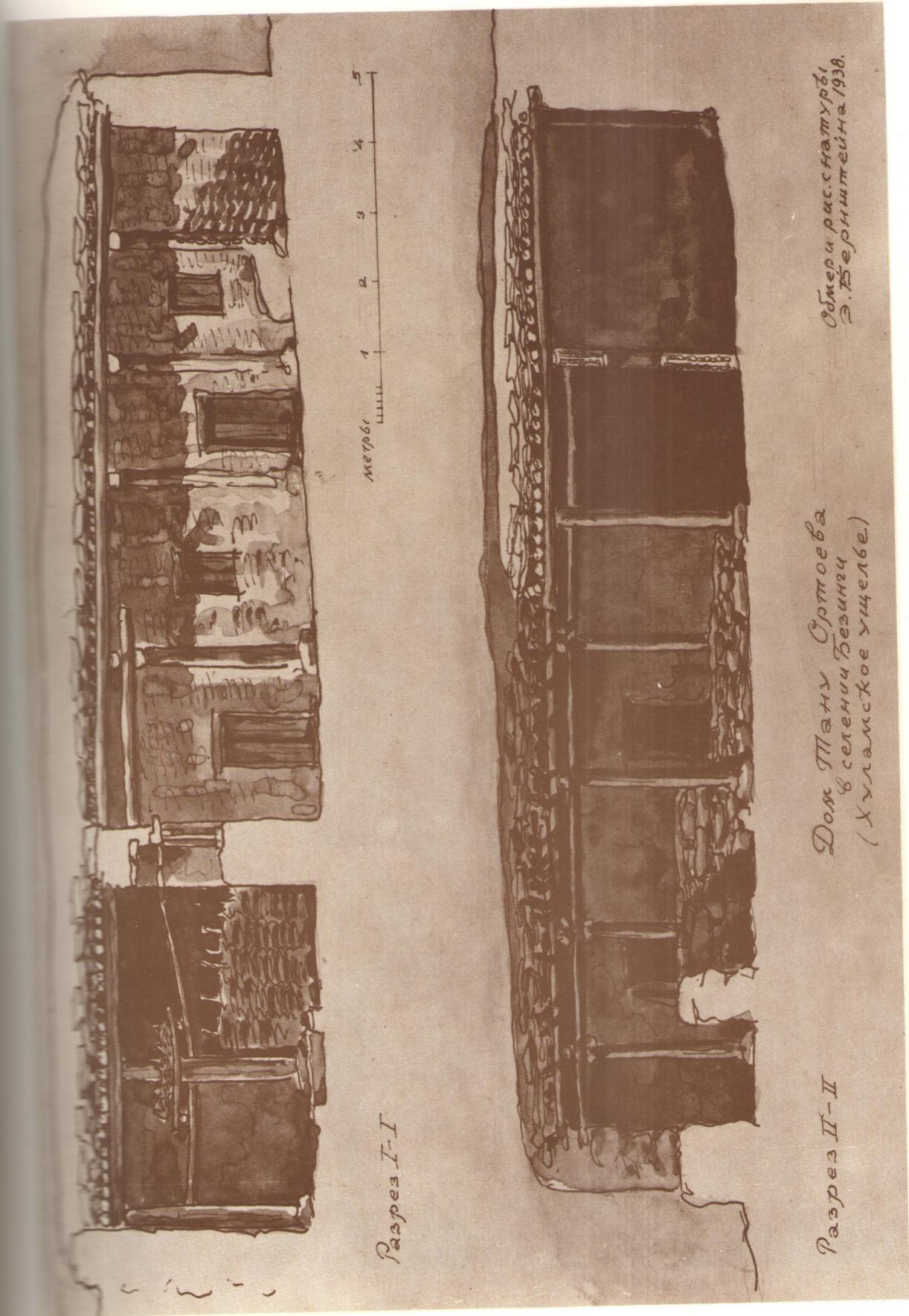
По деревянным балкам сплошной настил из жердей, по которым уложен плетень, покрытый частично каменными плитами и сплошным слоем земли. Колонны, несущие балки перекрытия первого этажа, расположены как посредине пролета, так и вдоль стен. В жилом помещении они сделаны из бревен диаметром до 35 сантиметров, гладко обтесанных. В открытом дворе использованы стволы более тонких деревьев без тщательной их обработки. Входные отверстия во двор и со двора в жилище выполнены в виде одностворчатых ворот в деревянной колоде. Дымник очага плетеный с глиняной обмазкой

План дома Тану Ортоева
в селении Базенги
(Хуламское ущелье)

Обмер и рис. с натурьи Э.Бернштейна 1938.

12. План дома Тану Ортоева в
селении Базенги.

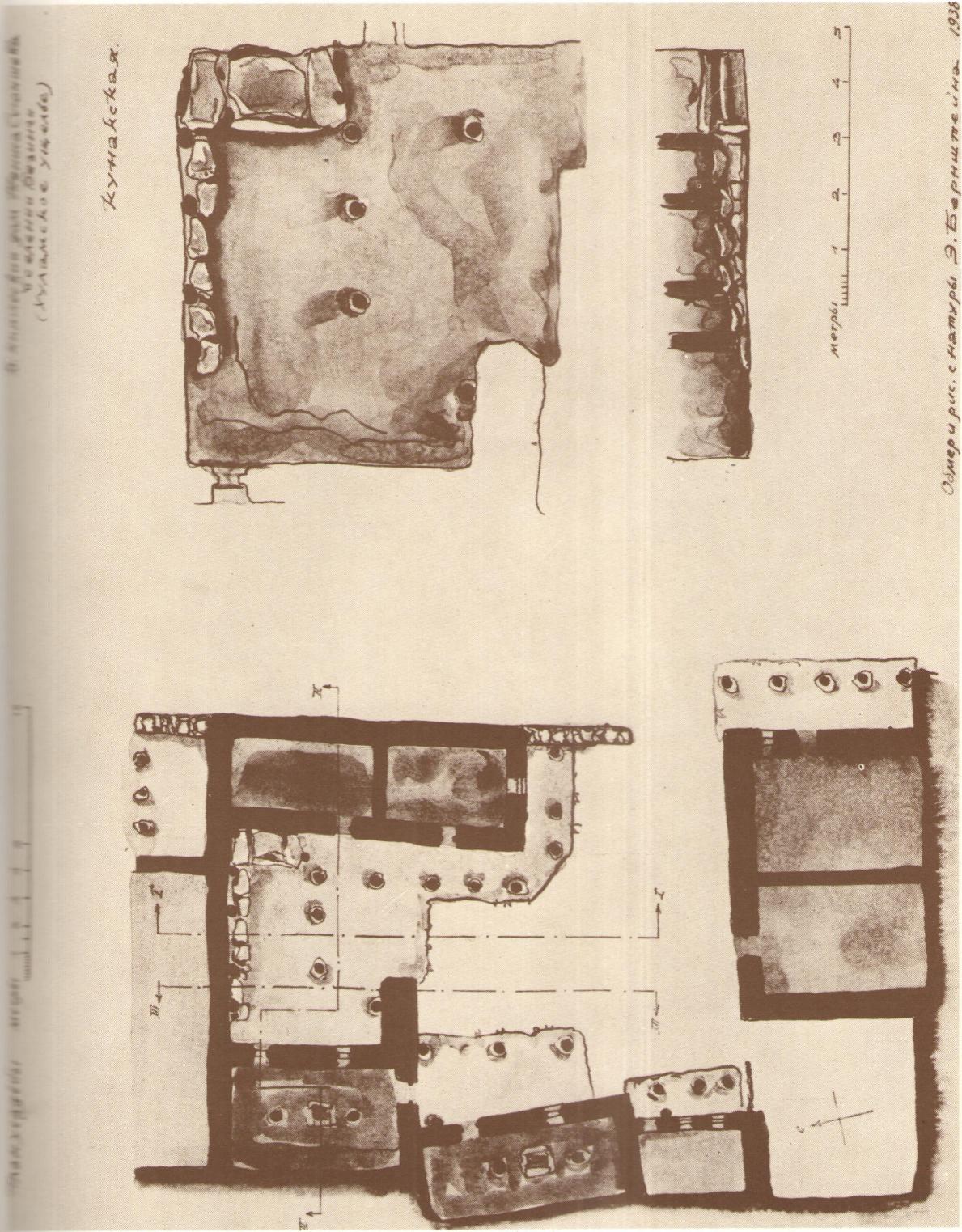

13. Дом Таны Ортоева в Безенги.
Поперечный и продольный разрезы.

14. Кунакская дома князя Тениса
Суюншева в селении Безенти. Вид
со стороны навеса. Натурная зари-
стка

со стороны панеса, погуряка зари-
соки).

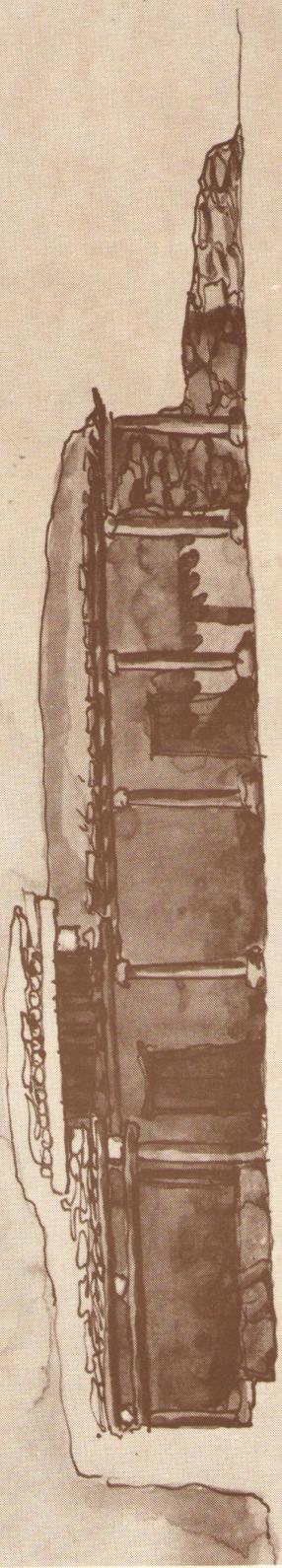
15. План усадьбы князя Тениса
Суонишева в Бузенги.

75. Каменская долина реки Суоница
селения Бозинчи
(Хыланское ущелье)

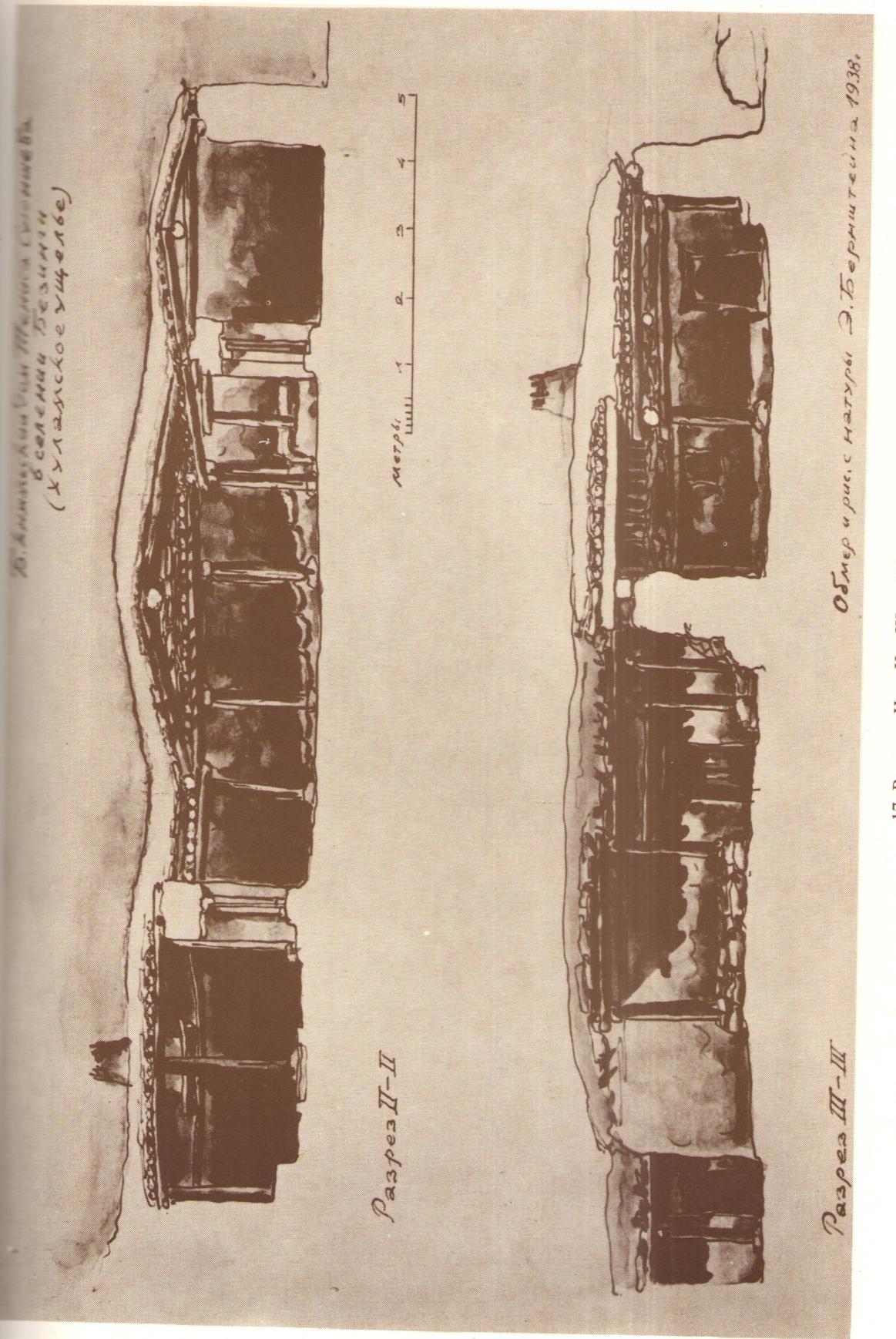
Каменская долина

metres 1 2 3 4 5

Разрез I-I

Одноразмерный рисунок
1938.

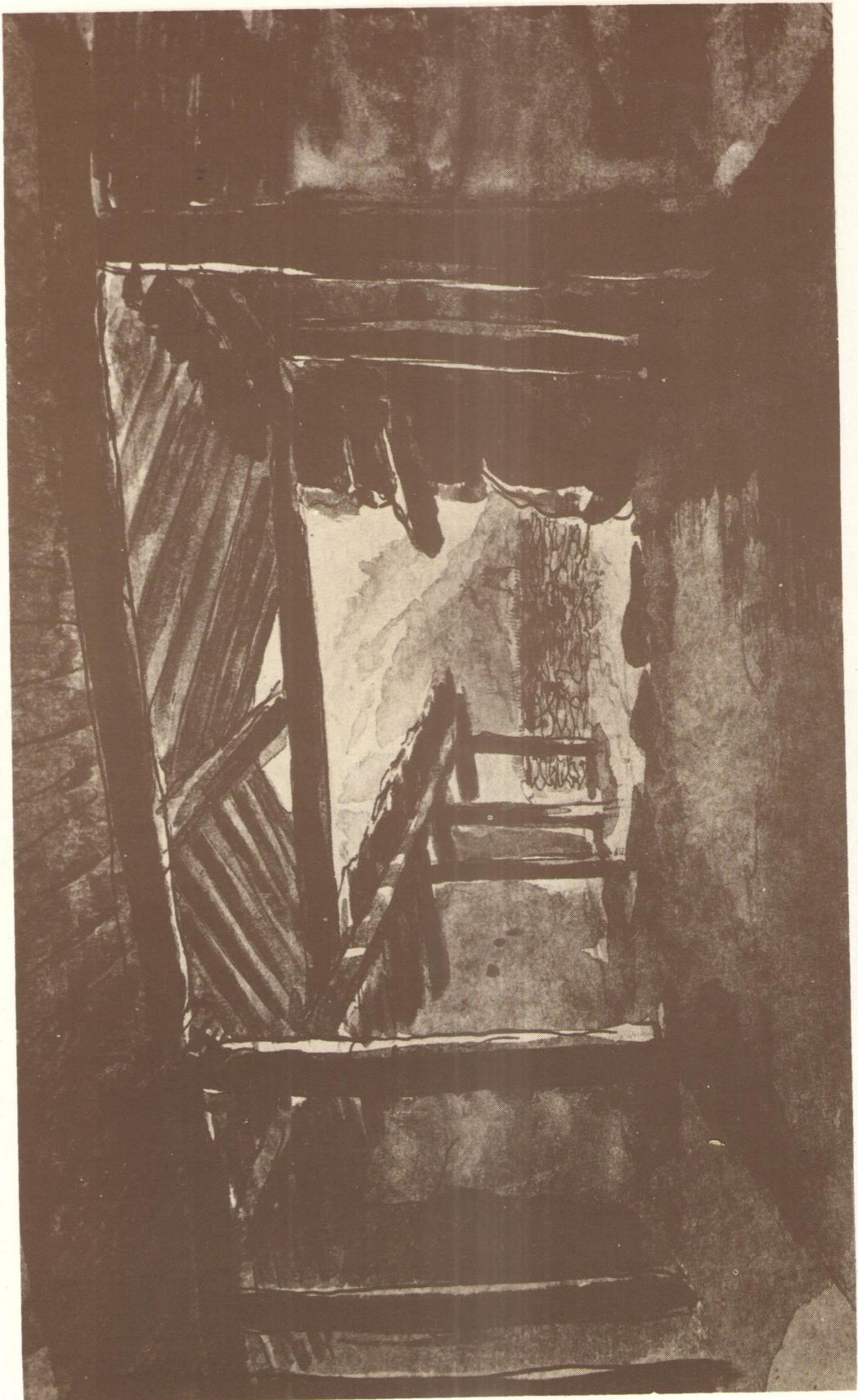
17. Разрезы II — II и III — III до-
 ма князя Тениса Суоншева в Без-
 ени.

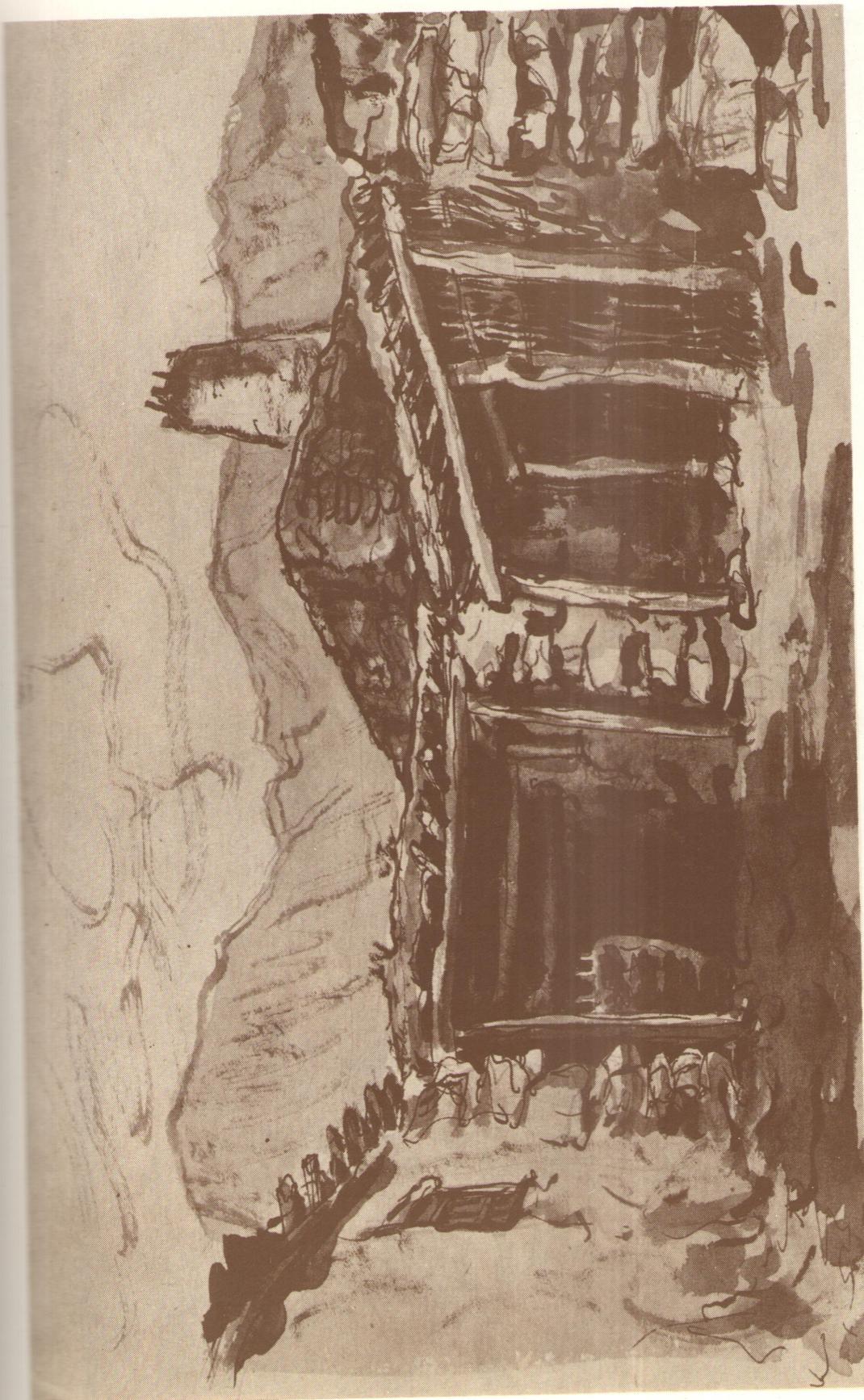
18. Интерьер приемного зала дома князя Тениса Суоншева в Бенгти. Натурная зарисовка.

19. Диван и почетные места в кунакской доме князя Тениса Суюншева в Безенти. Натурная зарисовка.

20. Вид из-под навеса кунацкой
дома князя Тениса Суоншева в Без-
счи.

21. Вход в жилище (слева) и по-
мещение для скота дома в Безенги.
Натурная зарисовка.

22. Лестница-бревно в доме Хасана Тобольска в селении Беленги. Национальный музей

23. Сторожевая башня в с. Безденги (Иебзекала)

24. Селение Верхний Хулам. На-
турный зарисовка

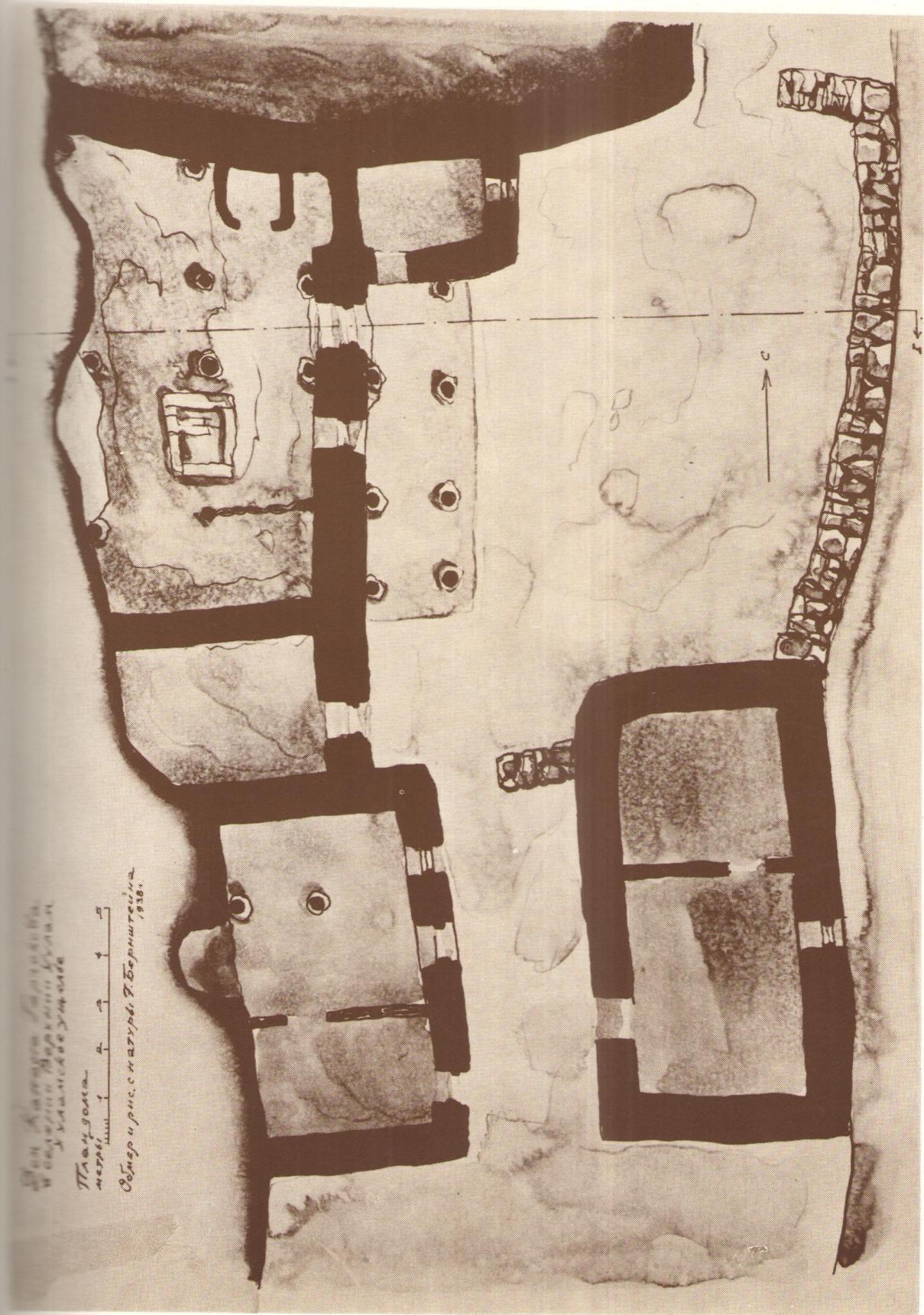

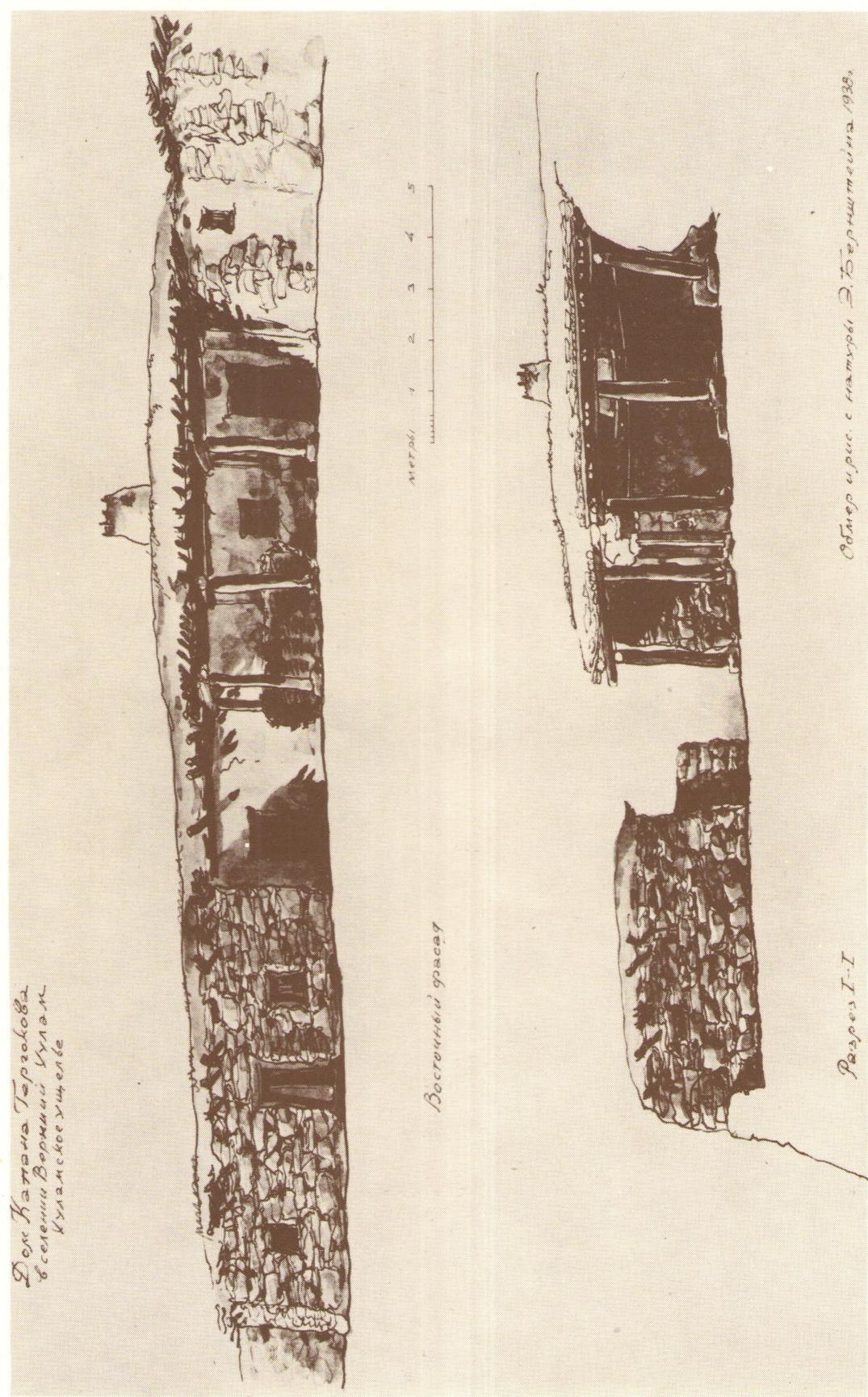
25. Сторожевая башня Тотур-Кала (Верхний Хулам).

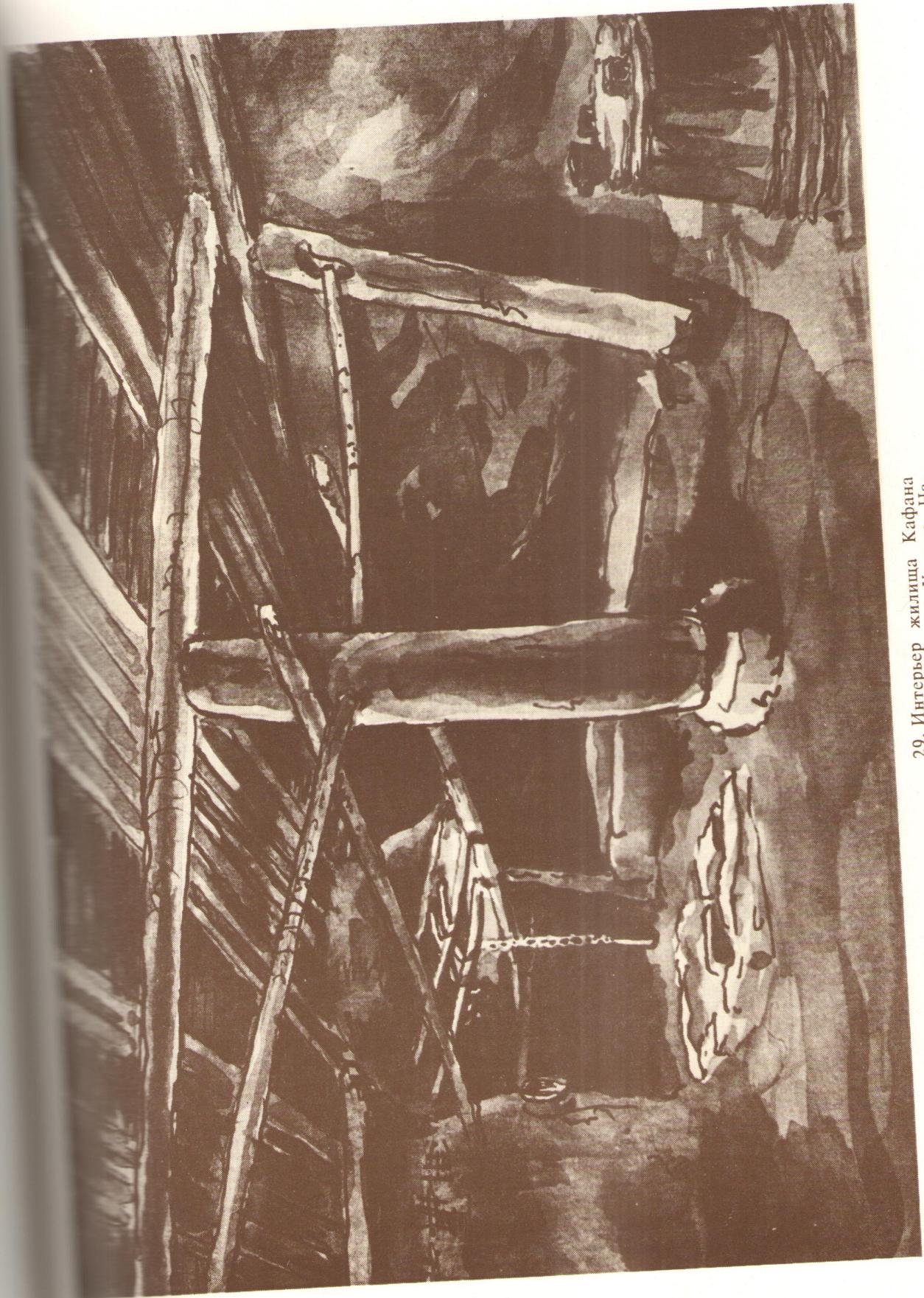

26. Дом Капана Гергокова в с.
Верхний Хуцам, Нагурная зарисовка.

27. План усадьбы Кафана Герго-
кова в с. Верхний Хулам.

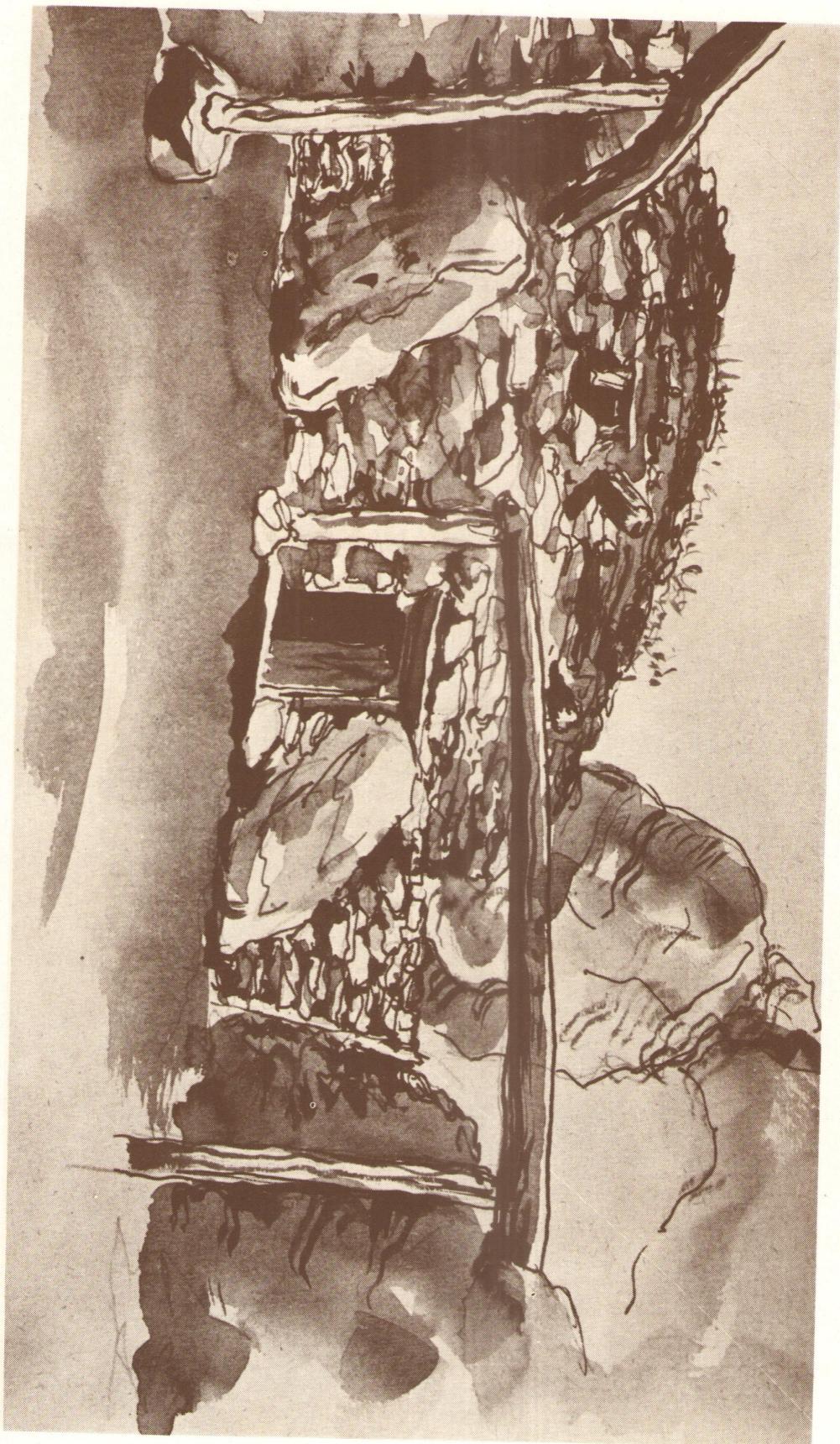

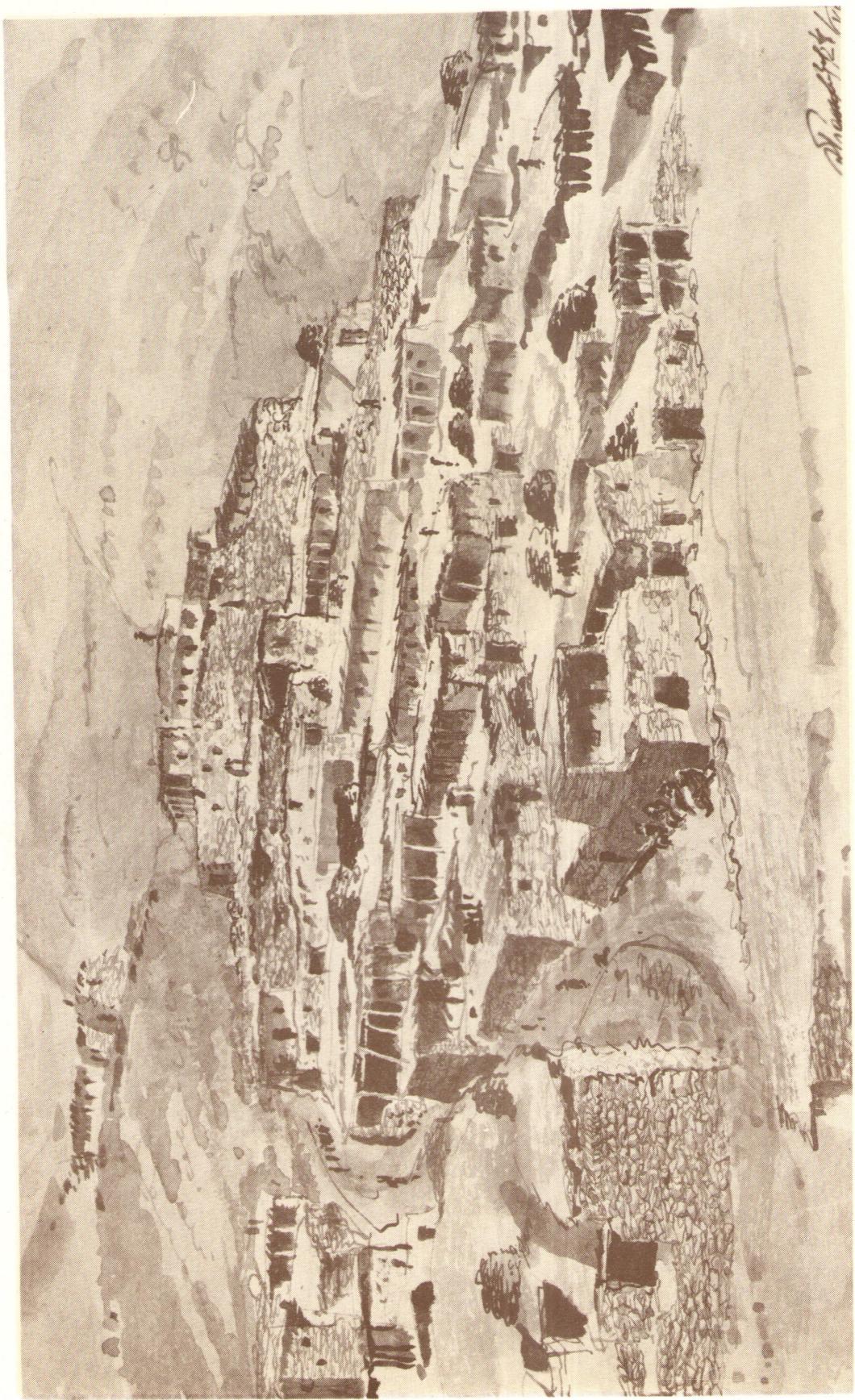
29. Интерьер жилища Кафана
Герлокова в Верхнем Хуламе. На-
турная зарисовка.

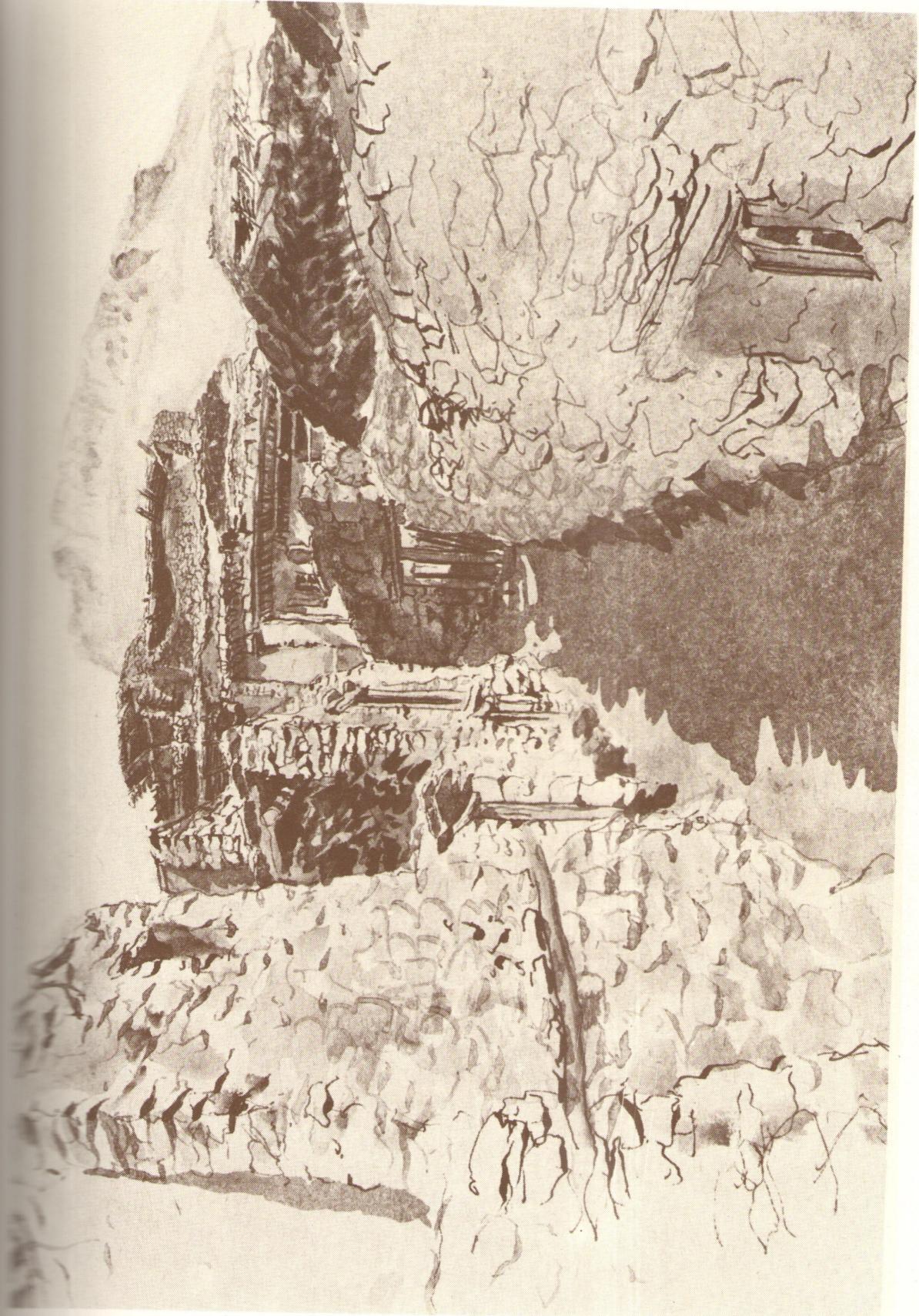
30. Жилище и помещение для скота дома в Верхнем Хулыме, Нарынские степи

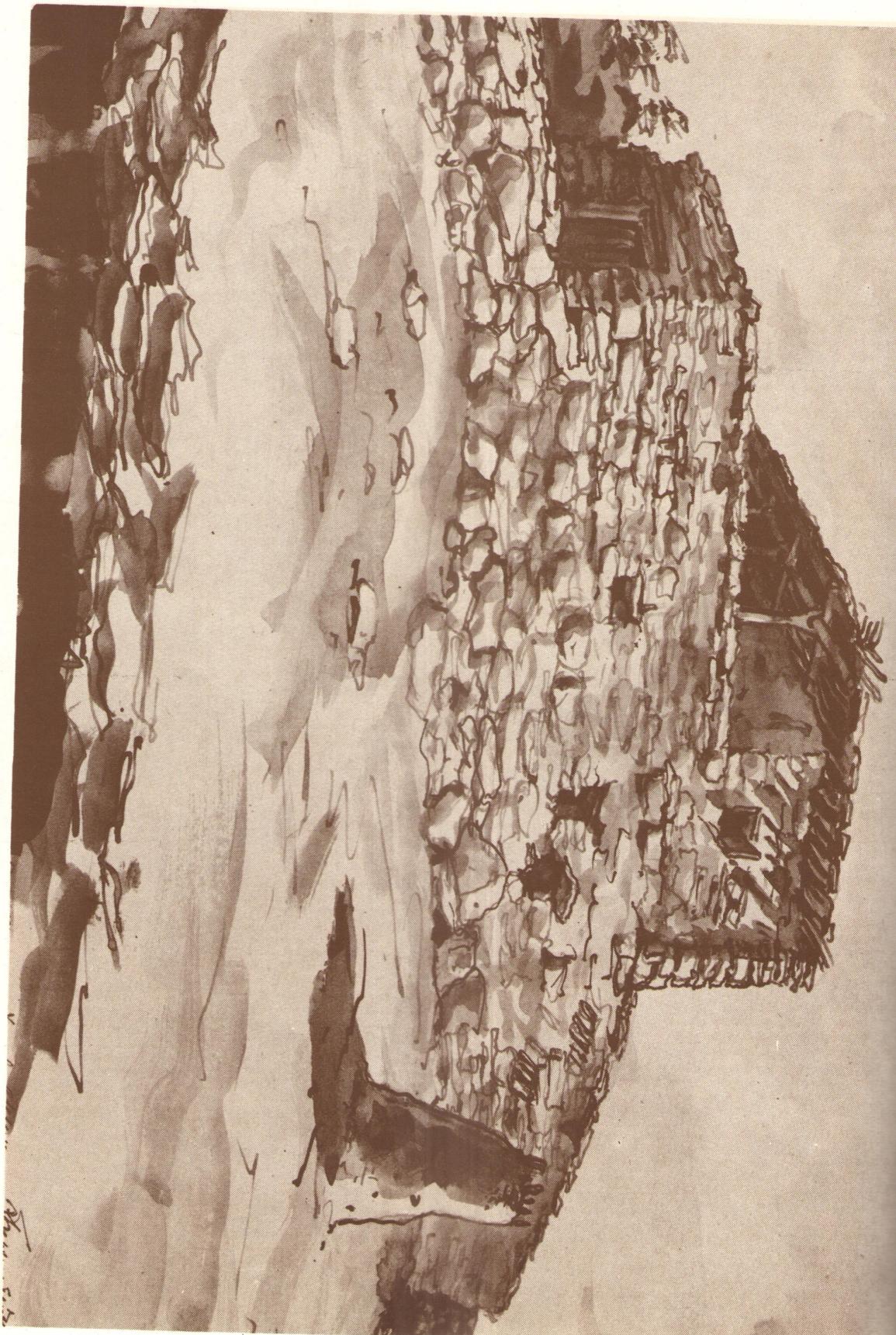
31. "Большой дом" в Верхнем Хуламе. Натурная зарисовка.

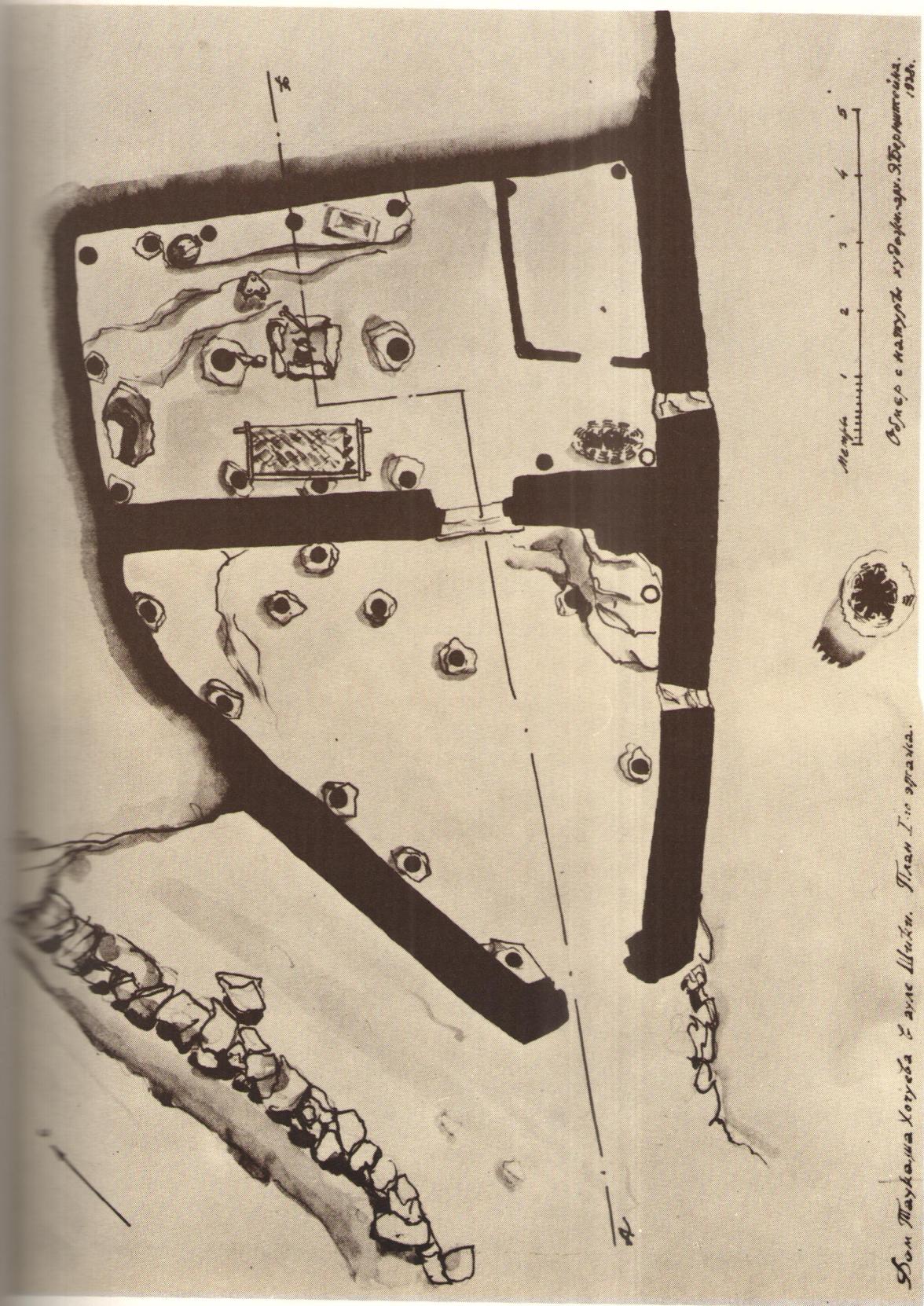
32. Селение Шики (Хуламское ущелье). Натурная зарисовка.

33. Улица в сел. Шики. Натурная зарисовка.

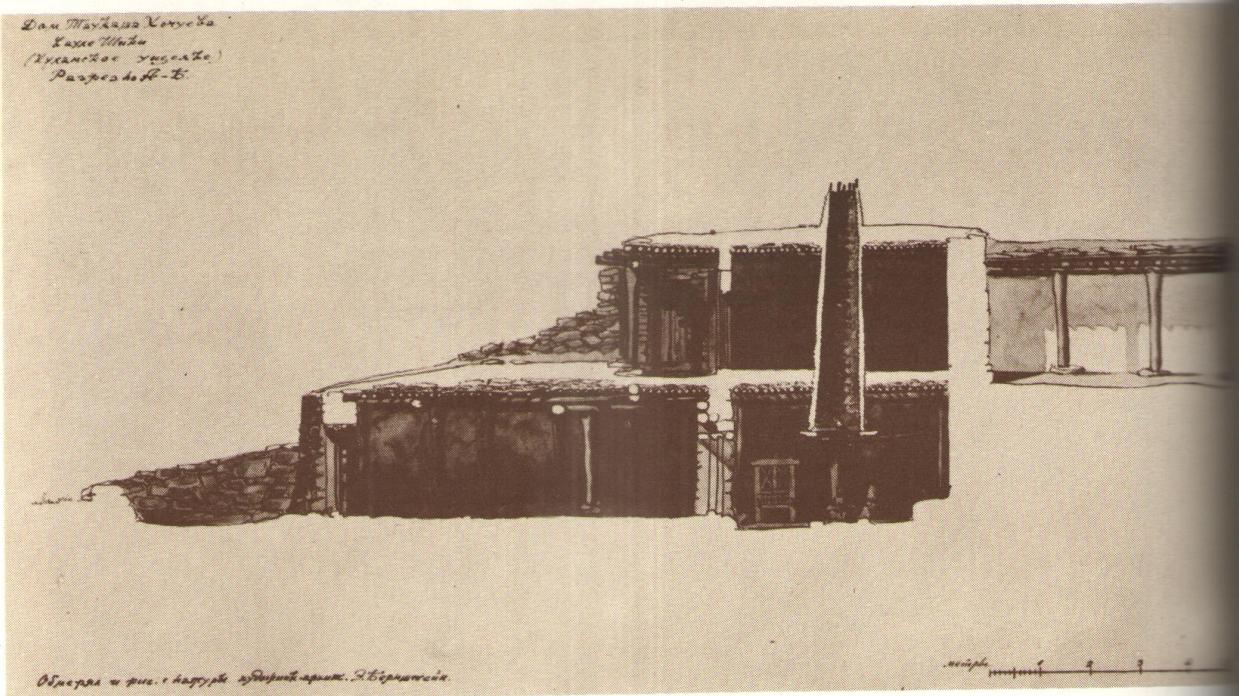
34. Дом Таукаша Хочуева в с.
Шики. Натурная зарисовка.

35. План первого этажа дома Т.
Хочуева.

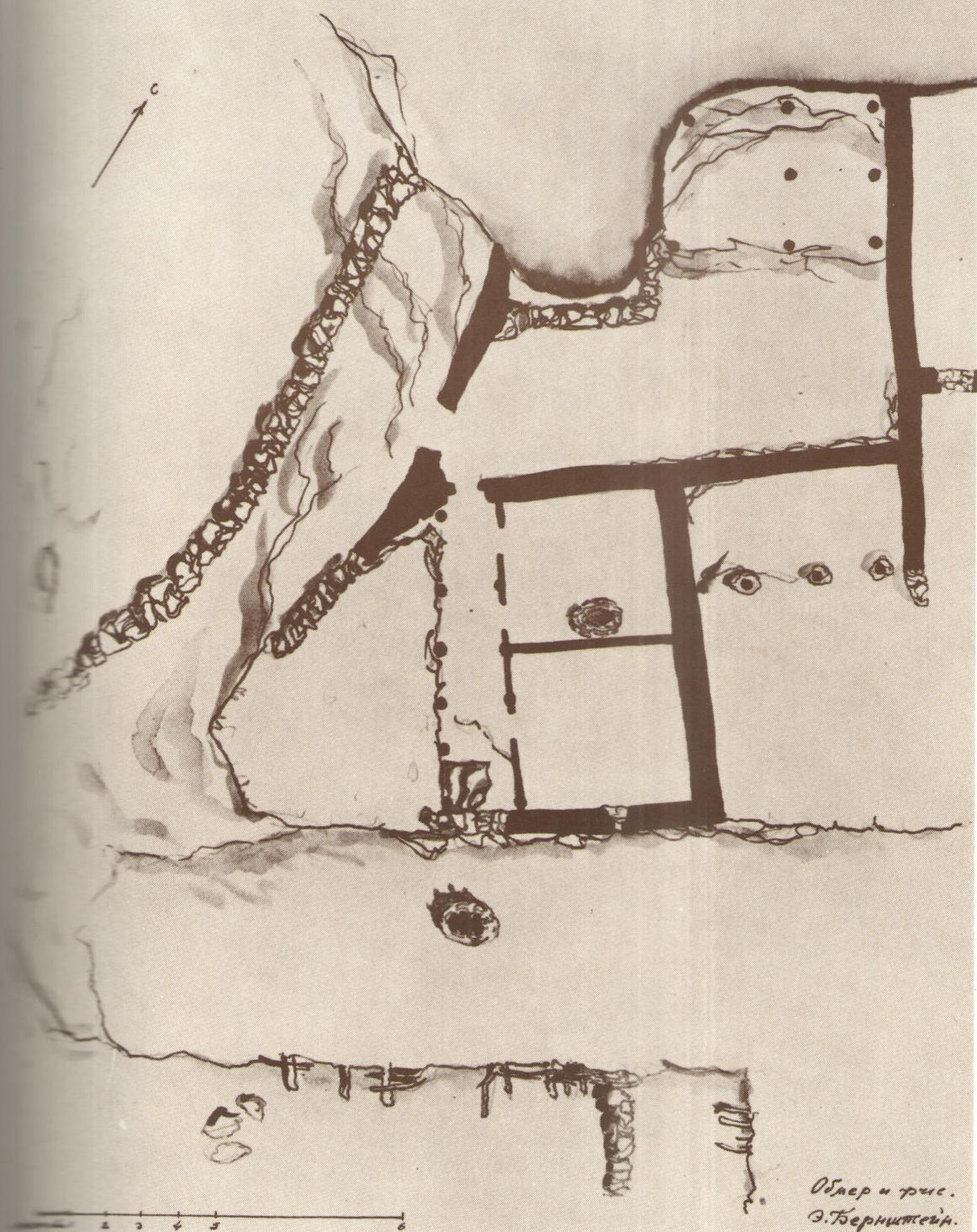

37. Юго-восточный фасад дома Т. Хочуева.

38. Дом Таукаша Хочуева. Разрез I — I.

Дом Тимура Хочуева в селе Шукан.
План II-го этажа.

36. План второго этажа дома Т.
Хочуева.

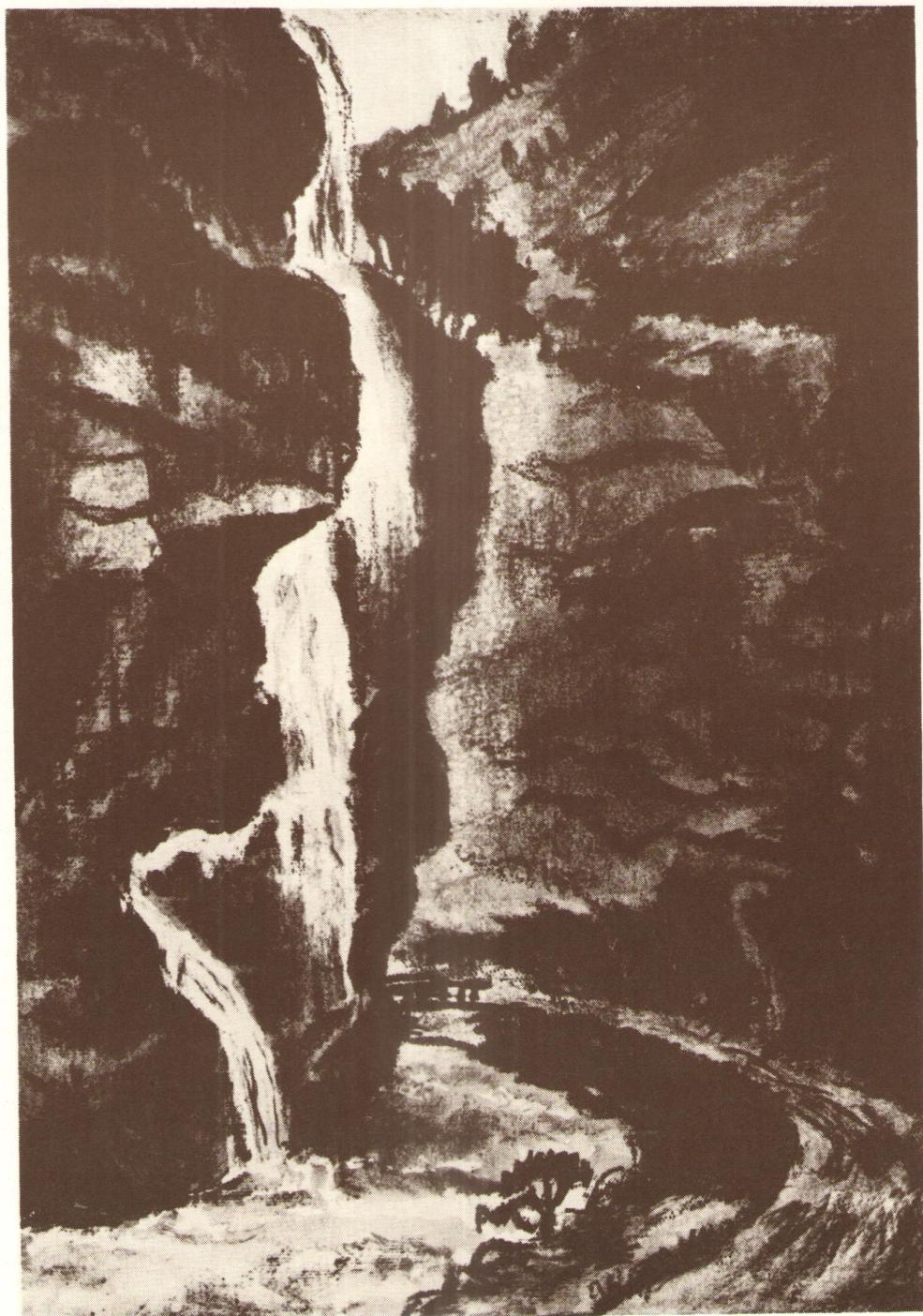

39. Интерьер квартального двора дома
Т. Хондзи. Натуралистическая.

40. Интерьер жилища Т. Хочуба.
Натурная зарисовка.

III.
ЧЕГЕМСКОЕ
УЩЕЛЬЕ

ЧЕГЕМСКОЕ УЩЕЛЬЕ

СЕЛЕНИЕ ДУМАЛА (рисунки 41 — 43)

Селение находится на Думалинском перевале через хребет, отделяющий Чегемское ущелье от Кудамского.

Оно расположено на крутом, обращенном к югу склоне ущелья реки Кардан-Су — правобережного притока реки Чегем, впадающего в нее у селения Эльтюбю.

Селение имеет поттерасную структуру, при которой площадь каждого ряда жилищ образуется за счет врезки в скалистый массив склона, составляющей вертикальную поверхность задней стены жилища и частично за счет подпорной стены, выложенной из камня и образующей горизонтальную поверхность площадки перед домом.

Внизу, над потоком горного ручья, расположены выстроившиеся в ряд водяные мельницы, сложенные из камня, собранного в русле ручья.

СЕЛЕНИЕ БУЛУНГУ (рисунки 44 — 46)

Родовое селение Булунгу расположено припадении реки Булунгу в реку Чегем. Селение занимает обширную территорию в низине речной долины, имеющую незначительные неровности. Все селение представляет собой один сплошной массив, находящийся под одной кровлей и состоящий из сети разветвленных коридоров, вдоль которых размещаются жилые помещения. В тупиках и ответвлениях улиц-коридоров находятся отгороженные участки для скота. Окна жилых помещений располагаются посередине их и в большинстве топятся по-черному. В некоторых местах устроены плетеные дымники или просто отверстия, через которые проникает дневной свет. Остальные помещения света лишены.

В общем массиве селения выделяются две деревянные надстройки второго этажа, называемые здесь кауевскими, по имени строителя их Кау Этезова. На некоторых участках в общем массиве застройки имеются открытые дворы, возможно, на месте обвалившейся крыши старых домов.

Конструкции. Стены по периферии сложены из естественного необработанного камня. Кладка смешанная циклопическая. Стены выложены на высоту от 1,7 до 1,7 метра. Перегородки из поставленных вертикально деревянных пластин и досок. Перегородки помещения для скота такие же и из плетня. Высота помещений в 2,7 — 3 метра образуется за счет высоты стен и некоторого заглубления внутренних помещений против нулевой отметки.

Кровля над всем домом-селением плоская, деревянным балкам — сплошной накат из жердей, поверх котороголожен плетень, покрытый мощным слоем утрамбованной земли.

Опоры. Вся кровля покоятся на деревянных опорах-столбах диаметром от 15 до 25 сантиметров. Пролеты между опорами от 2 до 4 метров.

Дом Тамука Кулиева (рисунки 47 — 52)

Дом находится в северо-восточной части селения Булунгу, входя в общий массив. Собственно дом Тамука Кулиева состоит из первоначальной одноэтажной части и позднейшей деревянной надстройки, произведенной приблизительно в середине XIX века. Нижний этаж состоит из двух смежных жилых помещений, первое из которых площадью 520x560 и второе 520x365 сантиметров. Первое помещение по планировке и конструктивному решению относится, очевидно, к наиболее раннему типу здешних жилищ. Очаг располагается в середине помещения рядом с центральным столбом. Над очагом устроен дымник, покоящийся на деревянных брусьях прямоугольного сечения, высотой 25 сантиметров в поперечнике, положенных по продольной оси помещения на уровне 160 сантиметров от пола и на расстоянии 210 сантиметров друг от друга. На этих брусьях по сторонам очагаложен настил из деревянных пластин, образующих антресоли высотой 70 сантиметров. К ним ведет приставная деревянная лестница. Стены жилища толщиной до 110 сантиметров сложены из естественного камня с грубой глиняной обмазкой. По верхнему краю внутренней стороны стены уложены деревянные брусья, частично втопленные в стену (подобие маузерлата) и подпертые приставленными к стене деревянными столбами. На эти брусья, уложенные по периметру стен, опираются концы потолочных балок, несущих плоскую кровлю. Средний прогон посередине пролета подперт расположенной в центре помещения колонной квадратного сечения. Во втором жилом помещении первого этажа очаг расположен у лицевой стены, выдаваясь наружу, так что поднимающийся над ним дымник от основания до верха выступает из габаритов самого жилья и занимает собой часть площади навеса. Надстройка летнего помещения второго этажа выполнена целиком из дерева, из грубо обработанных деревянных пластин, имеющих в поперечнике 15x25 сантиметров. Рубка углов произведена таким образом, что концы оставлены разной длины. Навес 1-го и 2-го этажей держится на трех сквозных, проходящих через оба этажа столбах диаметром 18 — 20 сантиметров и высотой около 4,5 метра. Крыша деревянной надстройки двухскатная, деревянная. Коньковый брус круглого сечения диаметром 30 сантиметров опирается в пролете на две поперечные потолочные балки из поставленных на ребро пластин высотой 30 сантиметров и несет сплошной настил из досок, по которым уложены каменные плиты, а поверх них слой земли. Во всех помещениях имеется по одному небольшому окну.

СЕЛЕНИЕ ЭЛЬТЮБЮ (Верхний Чегем)

Дом Ахмана Кулиева (рисунки 53 — 57)

Усадьба расположена на правом берегу реки Джилги Су — левого притока реки Чегем. На территории размером 19x30 метров расположен дом большой патриархальной семьи, к которому примыкает несколько "отоу" для новых брачных пар с пристенными очагами и без очага, и ряд хозяйственных построек с навесами перед ними, обращенными во

двор. С западной стороны за пределами двора находится отдельный дом малой патриархальной семьи. В этом доме родился народный поэт Балкарин Кайсын Кулиев.

Рядом с въездом во двор находится отличающееся тщательностью каменной кладки и массивностью сооружение, являющееся остатками домашней оборонительной боевой башни. К нему примыкают по сторонам два таких же по конструкции жилых помещения.

План и объемная композиция дома. Дом почти квадратный в плане в настоящее время представляет собой обширное помещение размером 7,9x8,2 метра с входом в виде большого проема ворот, рассчитанных на провод внутрь помещения крупного рогатого скота. У стены, перпендикулярной входу, расположен очаг с дымником. Хотя в настоящее время в помещении нет перегородок, но, судя по пазам в балках, пересекающих дом, раньше оно было перегорожено на ряд отдельных помещений, располагавшихся в два этажа, причем в первом этаже находились зимние жилые помещения и место для скота, а наверху помещение для хранения запасов и ценного имущества. На верхний этаж вела приставная лестница.

Конструкции. Стены дома сложены из естественного камня, причем от основания до высоты 2 — 2,2 метра, толщина стен 1,1 — 1,3 метра. Далее следует уступ, и толщина каменной кладки уменьшается до 70 сантиметров. С внутренней стороны верхняя утоненная часть каменной стены усиlena шестью венцами бревен на деревянных опорах, приставленных к стене по всему периметру. Стены снаружи обмазаны глиной с побелкой.

Кровля плоская, деревянная. Два деревянных прогона круглого сечения диаметром до 30 сантиметров и длиной 7,9 метра уложены на расстоянии 2 метра друг от друга и 3 метра от стены. Один из прогонов в середине подпрет мощным деревянным столбом диаметром 45 сантиметров, высотой более 4 метров, на каменной подушке. Второй прогон усилен двумя рядами бревен, образующими верхнюю часть перегородки. По прогонам, установленным на расстоянии 2 метра друг от друга, балки-пластины сечением 15x30 сантиметров, по которым настлан сплошной накат из жердей диаметром 10 — 15 сантиметров, прижатых камнем и засыпанных слоем земли.

Дом Хаджимурата Кулиева (рисунки 58 — 60)

Дом состоит из основного жилого помещения с теневым навесом и отдельной пристройкой "отоу". К дому примыкает небольшой двор с навесами для скота.

План дома. Основное жилое помещение имеет размер 5x7 метров. Навес лицевой стороны дома, выступающий от стены на 2 метра, опирается на 4 столба — колонны, перед которыми устроена низкая каменная ограда — балюстра, выступающая еще на 1,6 метра от ряда колонн. Очаг в жилище примыкает к лицевой стене, в которой с одной стороны от очага находится дверь, а с другой — небольшое окно. Слева от входа в жилое помещение отгорожено место для хранения продуктов — "гезен". Находящаяся с противоположного торца пристройка — "отоу" имеет самостоятельный выход и изолирована от основного жилища.

Конструкции. Стены дома сложены из естественного камня на глиняном растворе с обмазкой, без побелки. Толщина стен 110 сантиметров, высота 2,8 метра, крыша двухскатная деревянная, коньковый прогон круглого сечения диаметром 51 сантиметр в пролете опирается на поперечные потолочные балки диаметром 48 сантиметров. Настил, несущий земляную насыпь и образующий с южной стороны потолок помещения, состоит из положенных в два слоя вразбежку толстых досок, одним концом лежащих на коньковом прогоне, а другим упирающихся в мауэрлат, уложенный по верху каменной стены и имеющий высоту 48 сантиметров. Торцы крыши изнутри помещения также обшиты четырьмя рядами досок. Навес перед домом лежит на мощных балках, опирающихся одним концом на колонны, а другим заделанных в стену, усиленную в этих местах деревянными колоннами-пилястрами. По бокам уложены два прогона, несущие дощатый настил и слой земли. Очаг имеет дымник, который внутри помещения спускается зонтом на высоту 1,35 метра от земли и поддерживается конструкцией из массивных деревянных пластин, образующих полки над очагом и косяки, ограничивающие пространство очага. Дверной и оконный проемы обрамлены чрезвычайно массивной колодой, косяки которой поставлены наклонно, образуя проем в форме трапеции. Под затяжкой колоды поставленная на ребро доска имеет полуциркульный вырез — арку над дверью и окном. Створки двери и окна вращаются на пятах, вставленных в гнезда, выдолбленные в затяжке и в пороге колоды. Колонны, поддерживающие навес, высотой 198 сантиметров имеют круглое сечение, тщательно отесаны каждая на 16 плоских граней. По высоте колонны имеют в основании диаметр 39 сантиметров, на высоте $\frac{1}{3}$ от основания диаметр 45 сантиметра и в вершине диаметр 35 сантиметров. Таким образом, дом Хаджимурата Кулиева отличается особой тщательностью отделки чрезвычайно массивных деревянных элементов конструкции, навесов, кровли, очага и проемов дверного и оконного.

Б. дом Таубиев Малкаруковых и Малкаруковская башня (рисунки 61 — 64)

Дом расположен в низине, на левом берегу реки Чегем у впадения в нее притока — речки Джиги-Су.

Рядом с домом находится так называемая Малкаракала — оборонительная трехэтажная башня сванского типа, построенная, по преданиям, пленными сванами. По утверждению А.И. Робакидзе, она являлась оборонительной башней всего ущелья.

Жилой дом по планировке и объемному решению сходен с домом Хаджимурата Кулиева. Судя по примененным материалам и характеру их обработки, оба дома возведены одним и тем же строителем, примерно в одно время.

МОГИЛЬНИКИ (рисунок 65)

На окраине селения Эльтюбю на возвышенностях находятся могильники — каменные мавзолеи — восьмигранные, конусообразные и прямоугольные двухскатной крышей. Техника возведения этих сооружений — отеска камней, кладка на известковом растворе, устройство ложного свода, а также общность этих построек с аналогичными сооружениями Север-

Осетии и Чечено-Ингушетии говорят об отсутствии какой-либо взаимосвязи или преемственности их балкарским народным жилищем и позволяют отнести к более раннему периоду. Даже наиболее поздние многогранные конусообразные мавзолеи должны быть отнесены ко времени не позднее середины XVII века, то есть к периоду, предшествовавшему возведению в Чегемском ущелье самых ранних балкарских жилищ.

"ВОДОПРОВОД" в Эльтюбю (рисунок 66)

По склону ущелья, параллельно левому притоку реки Чегем, над усадьбой Ахмана Кулиева проложен "водопровод" из деревянных плах с выдолбленным в них желобом, по которому питьевая вода поступает с верховьев речки Джилги-Су в селение. Желоб опирается на выступы скалы и сложенные из камня ступени разной высоты, устроенные так, чтобы на всем протяжении соблюдался один и тот же уклон, обеспечивающий равномерность потока.

Таким образом, устройство этого водопровода практически соответствует принципу, на котором было основано возведение римского акведука, при всей несопоставимости во времени и масштабах этих сооружений.

СЕЛЕНИЕ КАЛА (рисунки 67 — 70)

Селение находится на вершине перевала через хребет, отделяющий Чегемское ущелье от Баксанского. Название селения — Кала, — означающее крепость, связано с его стратегическим положением, как пункта, находящегося над окружающей местностью.

Жилища в селении расположены потеррасно и ориентированы в основном на юго-восток в сторону Чегемского ущелья.

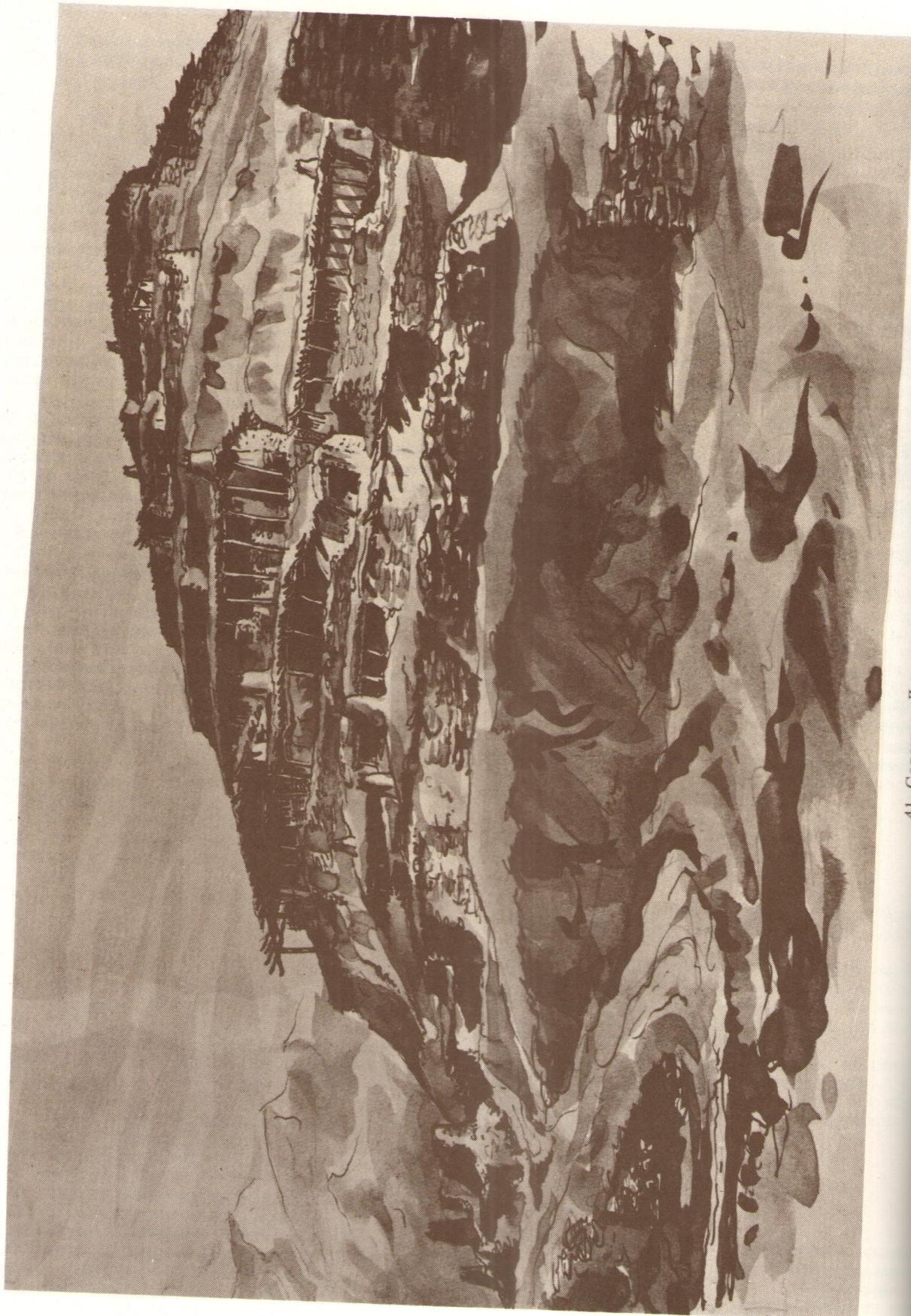
Дом Биазурова Ачи (рисунки 71 — 76)

Усадьба расположена в уступе скалы, состоящей две естественные стены из четырех, образующих основное помещение. Общая площадь участка около 400 квадратных метров. Площадь дома 100 квадратных метров.

План дома. Основное помещение размером 6x9 и высотой 2,2 метра с отгороженным в глубине его местом для молодняка скота "гуму". Вход расположен с южной стороны в виде лоджии — тамбура, из которой дверь прямо ведет в основное помещение, а дверь справа в отдельную пристройку, так называемую "печь".

Конструкции. Стены дома возведены на скалистом грунте, выложены из естественного неотесанного камня с применением более крупных камней в основании, достигающих размера 2x1x0,8 метра и меньших по высоте стены. Толщина каменной кладки в основании достигает 1,2 — 1,5 метра. Стены пристройки имеют глиняную обмазку с последующей побелкой. Перегородка, отделяющая помещение от скота, выполнена из плетня. Покрытие плоское, деревянное, на балках-бревнах диаметром 18 — 20 сантиметров, по которым уложен накат из жердей и поверх камень — плитняк с земляной засыпкой. Общая толщина кровли около 1 метра. Балки опираются концами на стены, а в пролете на столбы из грубо обработанных стволов дерева диаметром 25 сантиметров с оставленными по стволу сучьями. Пролеты между опорами до 3 метров. Дымник очага плетеный с глиняной обмазкой.

41. Селение Думала. Натурная
фотография

42. Жилой дом в с. Думала. Натурная зарисовка.

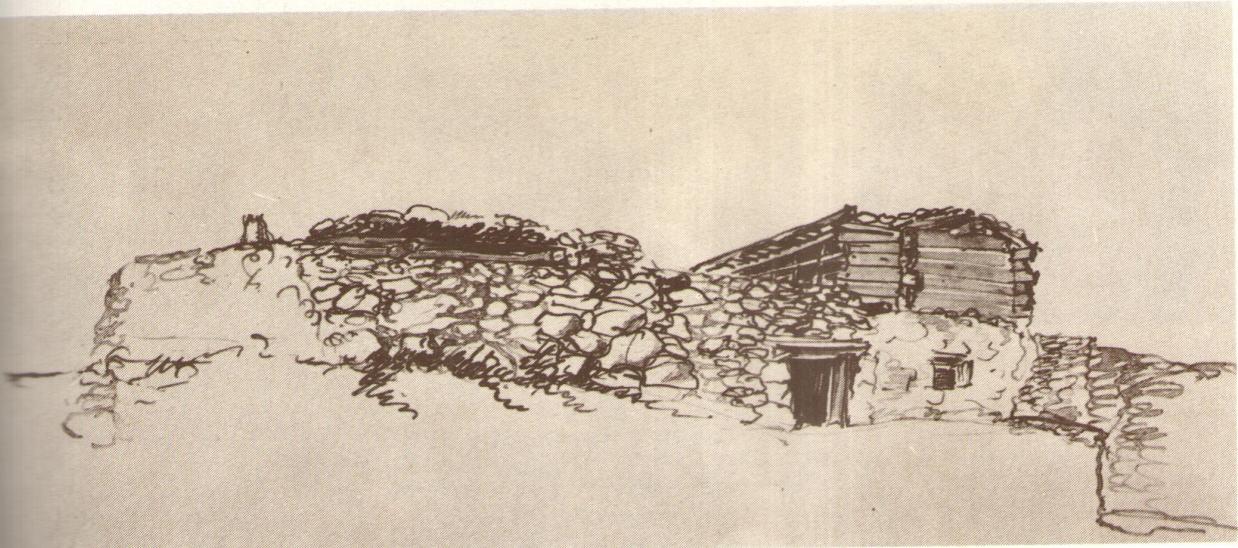

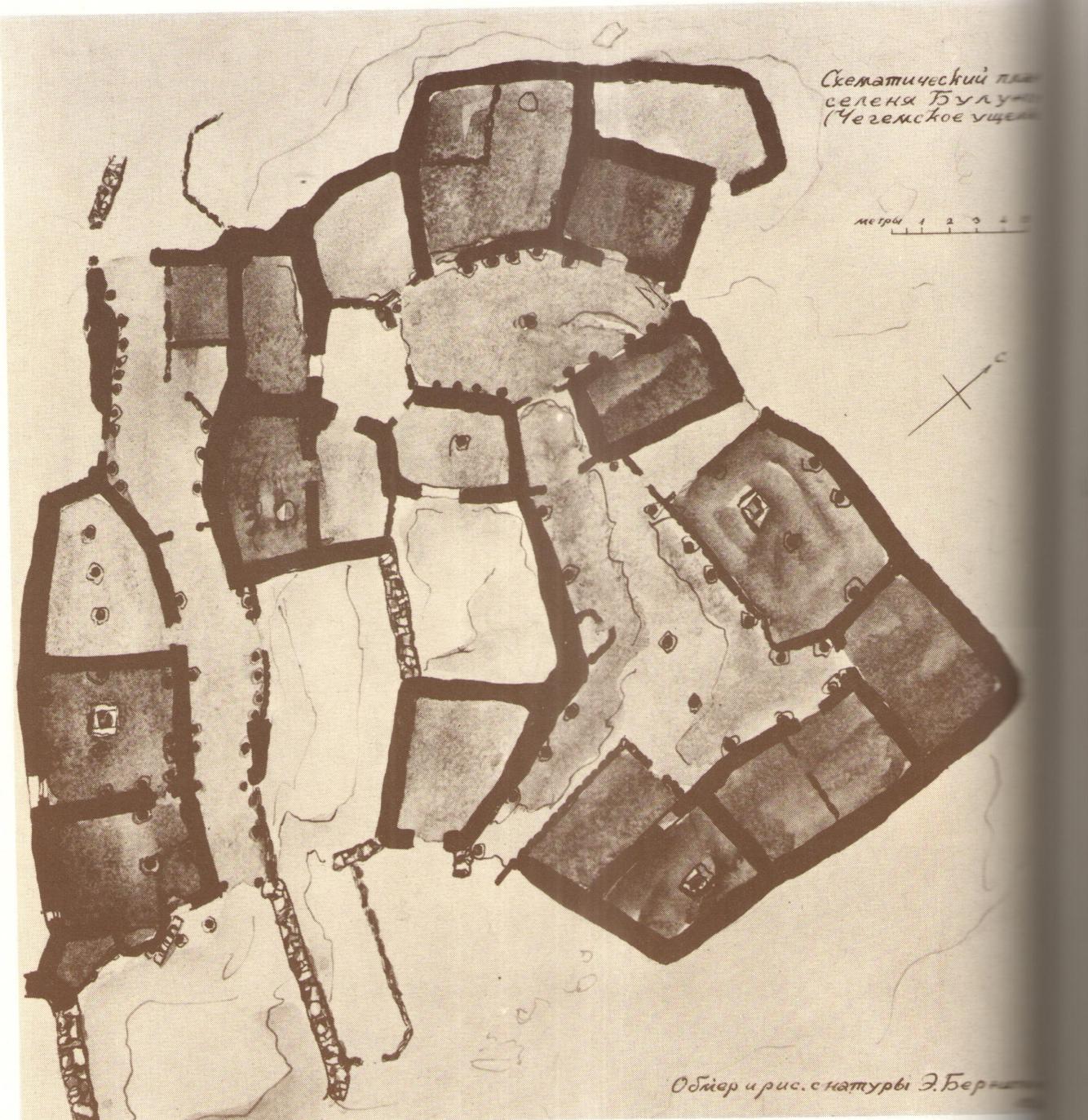
43. Водяная мельница в с. Думала.
Натурная зарисовка.

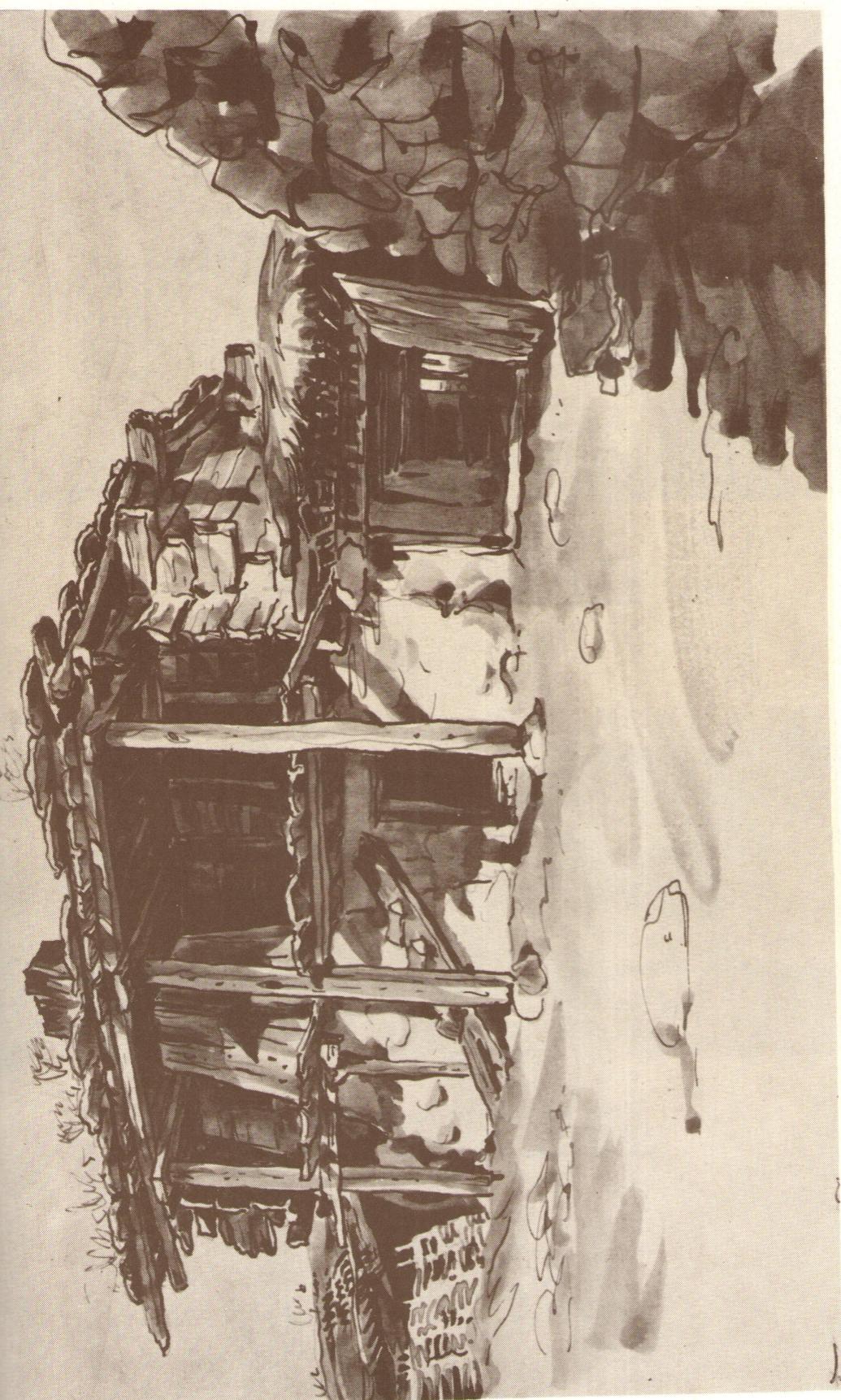
44. Вид селения Булунгу с северо-восточной стороны. Натурная зарисовка.

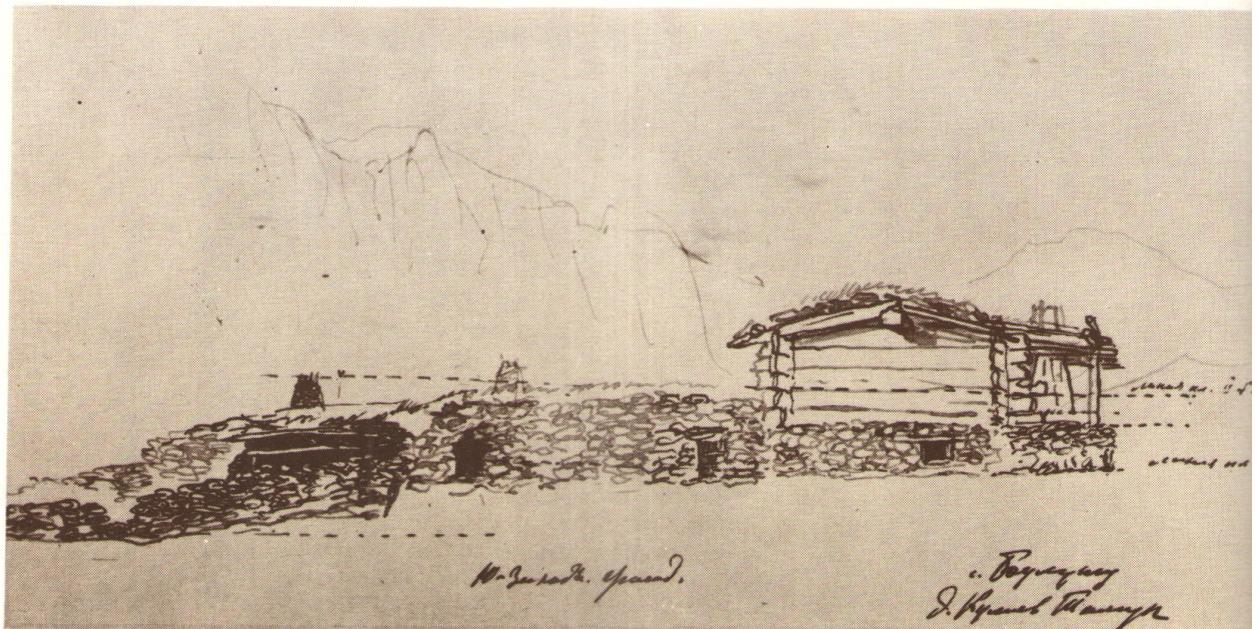
45. Дом Хусейна Гетуева в с. Булунгу. Натурная зарисовка.

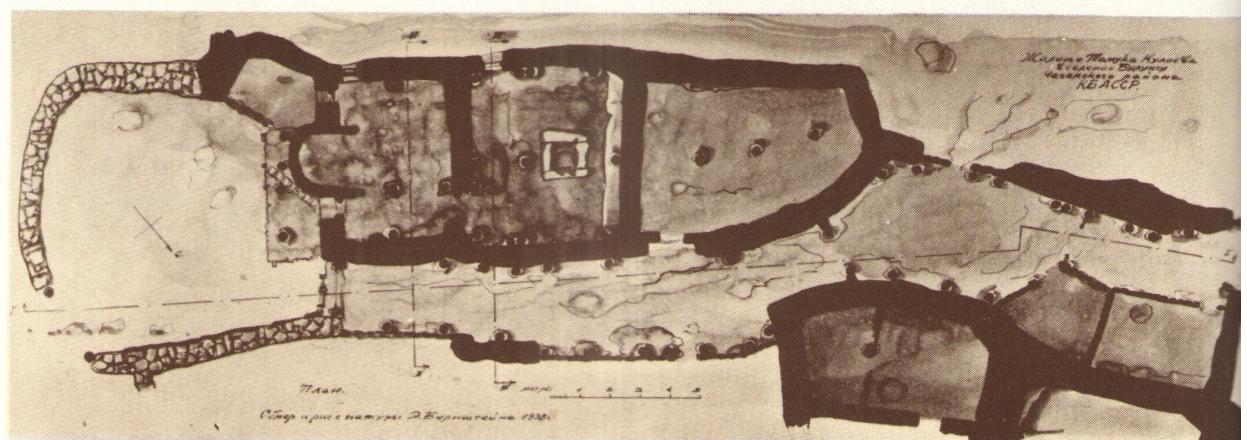
46. Схематический план части
селения Булунгу.

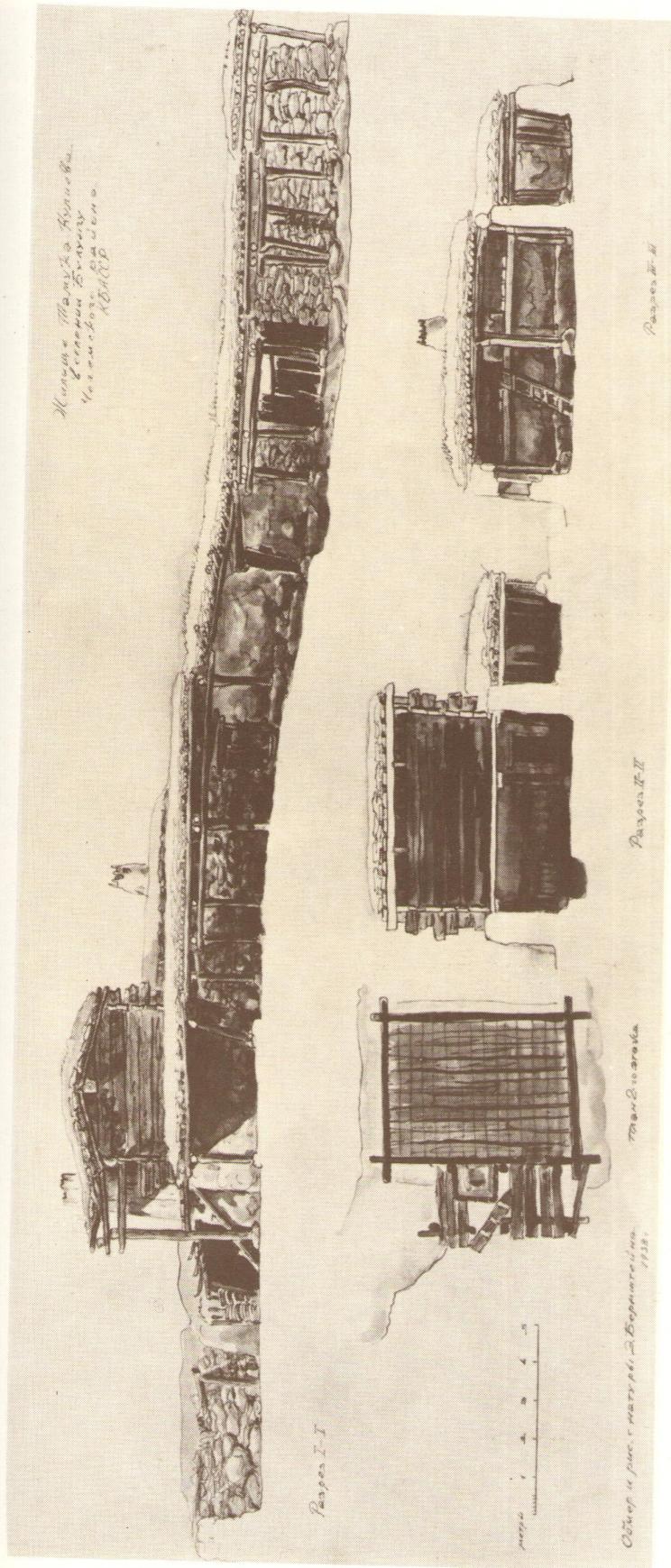
47. Дом Тамука Кулесова-Кау
Этезова с восточной стороны. На-
турная зарисовка.

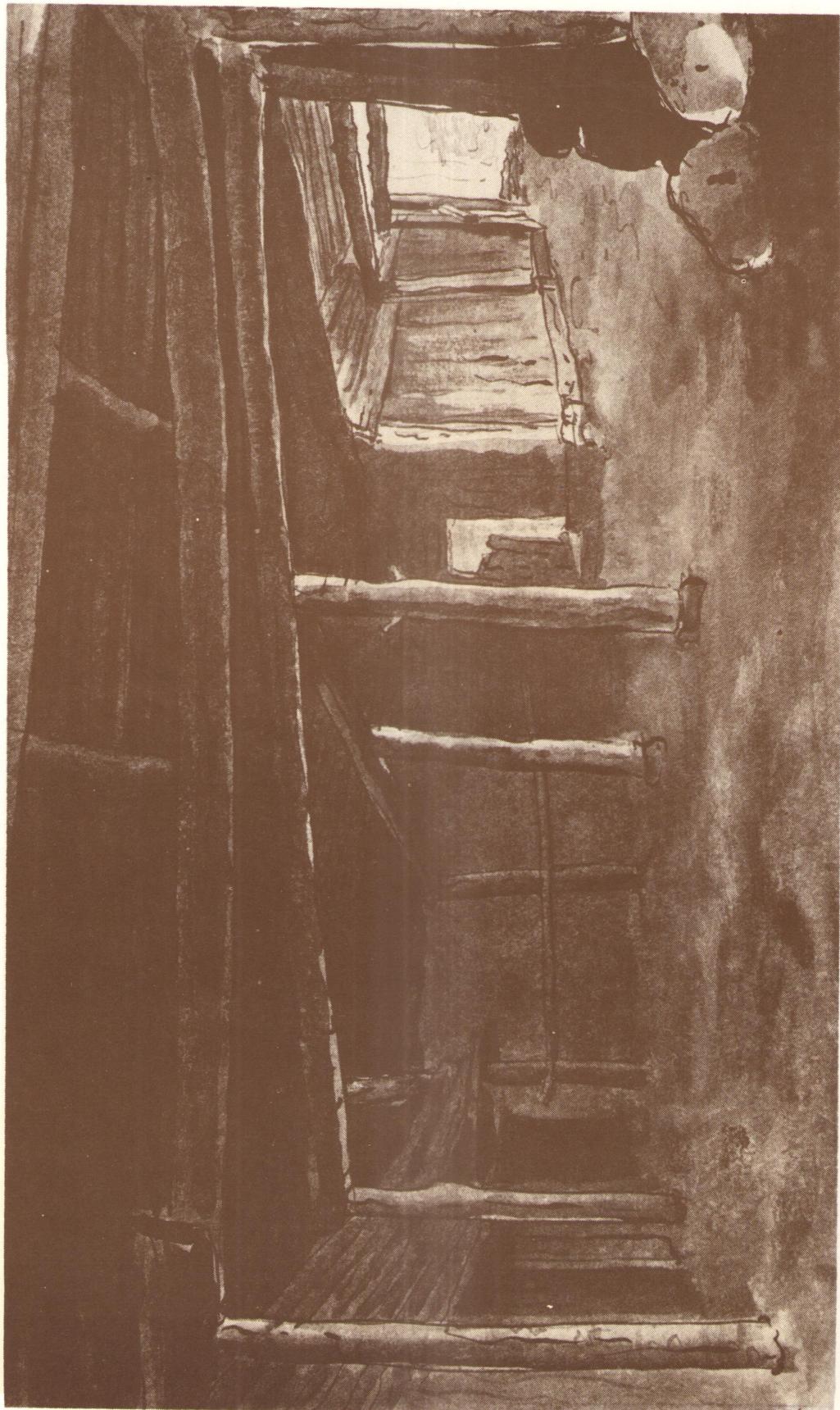
48. Дом Тамука Кулиева-Кау
Этезова с юго-западной стороны.
Натурная зарисовка.

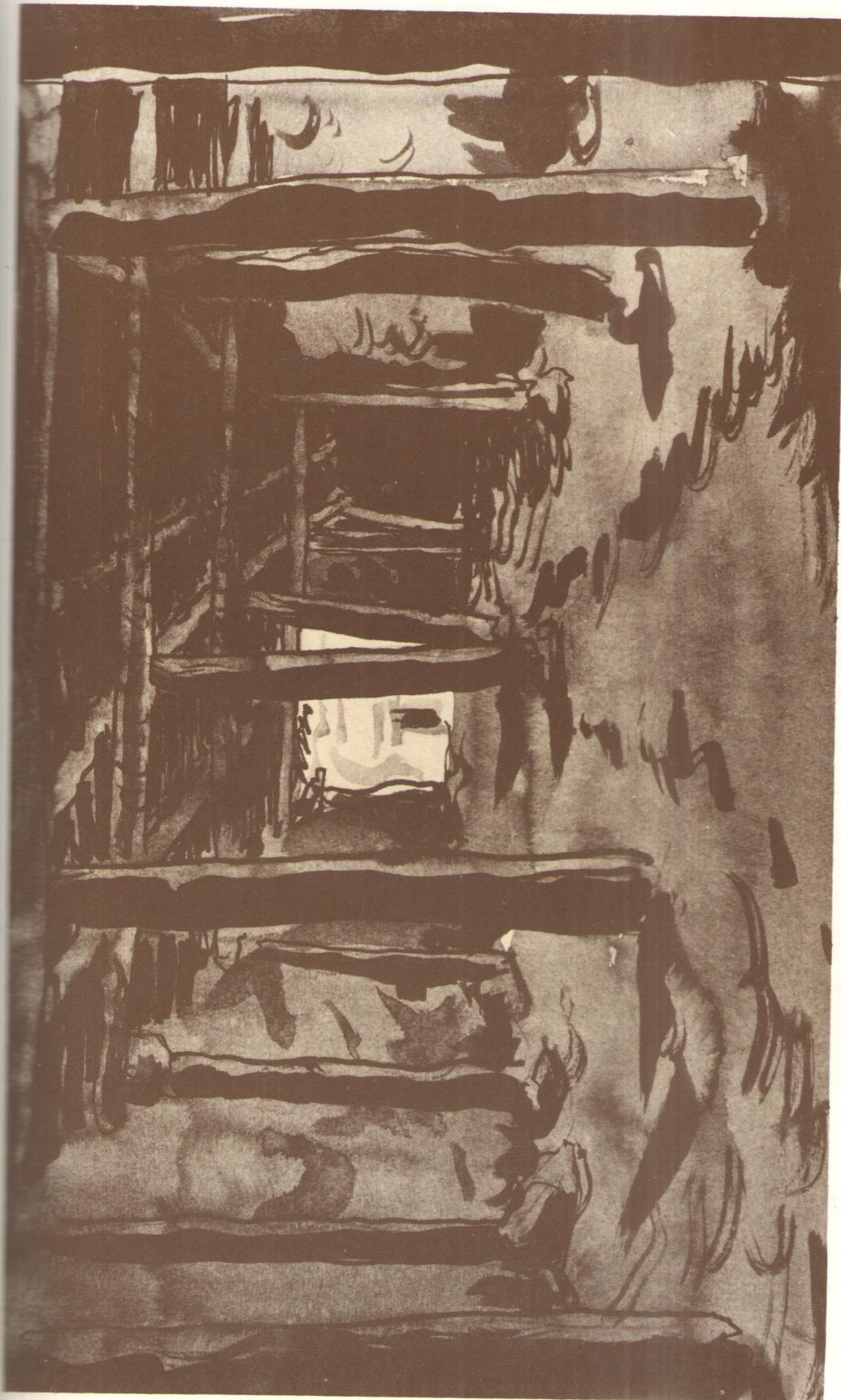
49. План дома Тамука Кулиева-
Кау Этезова.

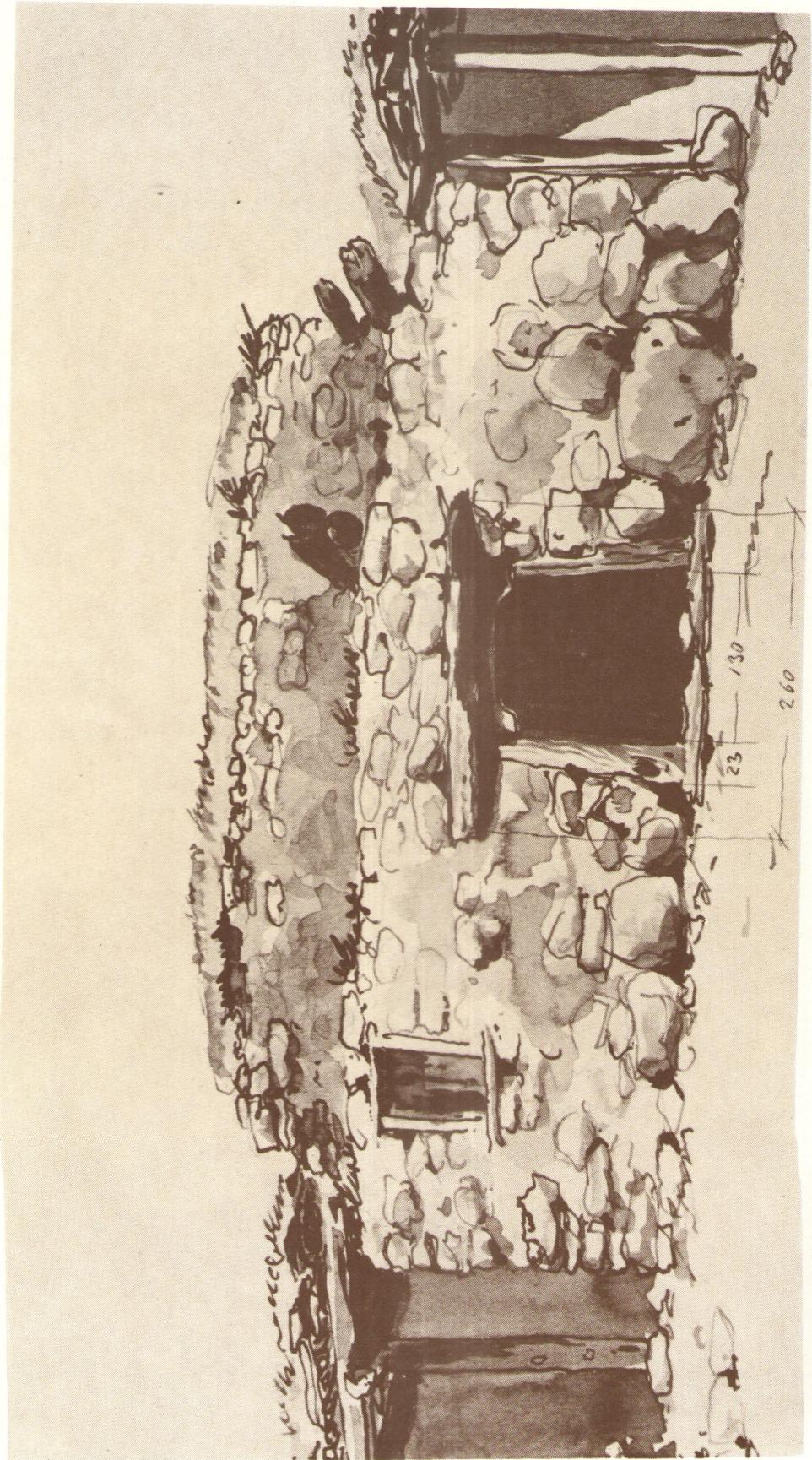
50. Дом Тамука Куллиева-Кай
Этажи. Продольный и поперечный
разрезы. План второго этажа.

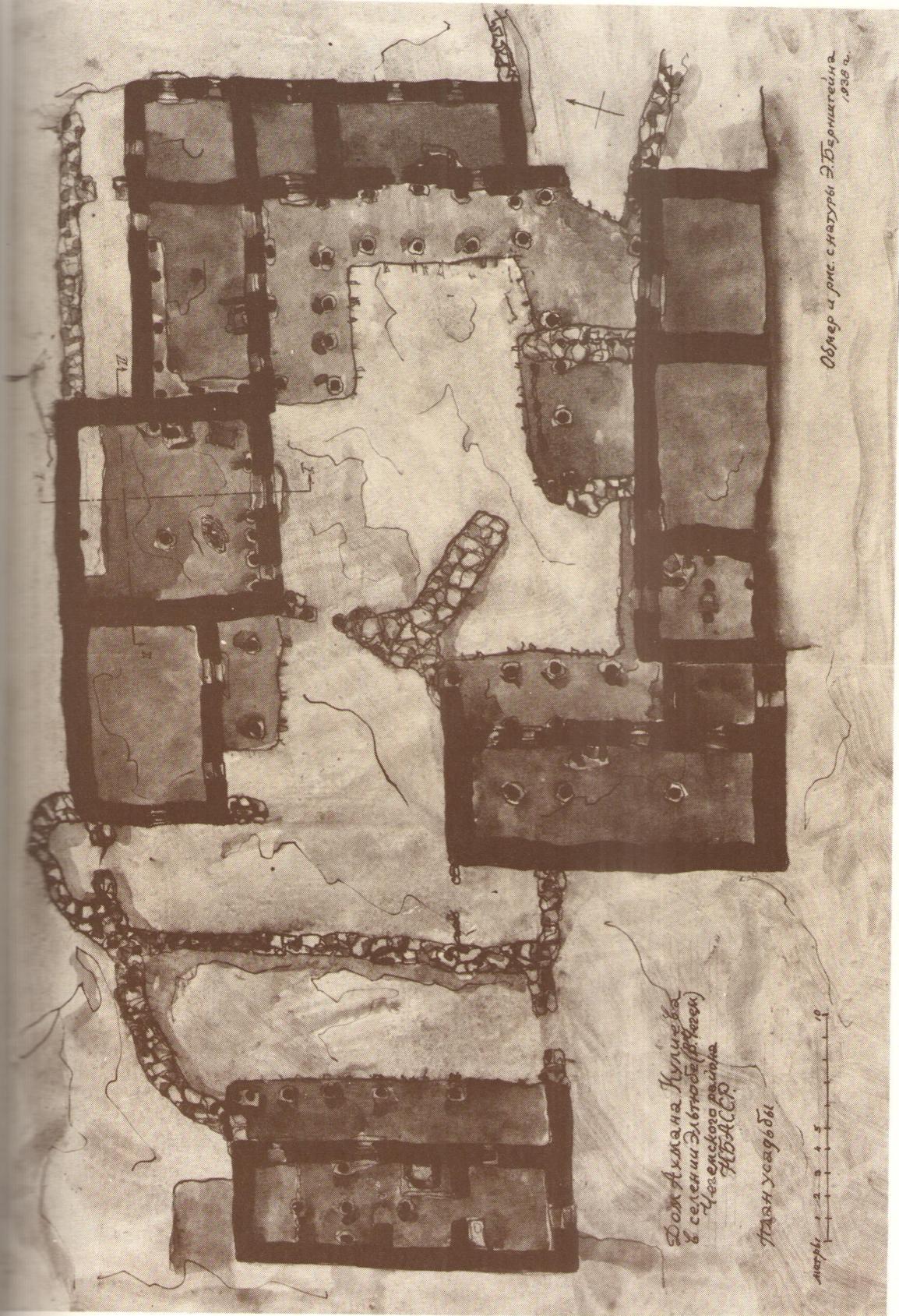
51. Интерьер крытого двора в с.
Булануу. Натуралистический.

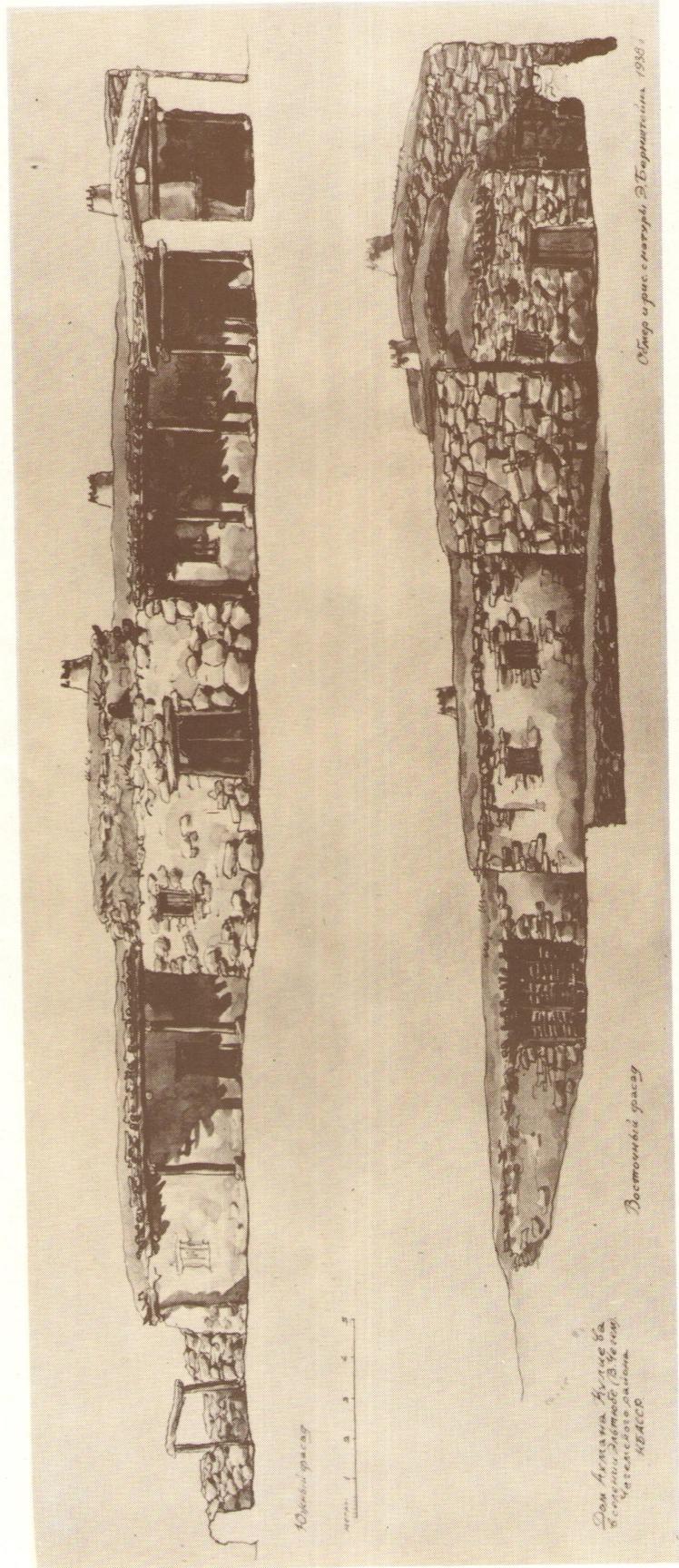
52. Крытая улица — коридор в селении Булунту. Натурная зарисовка.

53. Большой дом Ахмана Кулисе-
ва в Эльтюбю. Натурная зарисовка.

54. План усадьбы Ахмана Кулиева в Эльтиюбово.

55. Дом Ахмада Кулеса в Эль-
тобю. Южный и восточный фасады.

Разрез I-I

метры

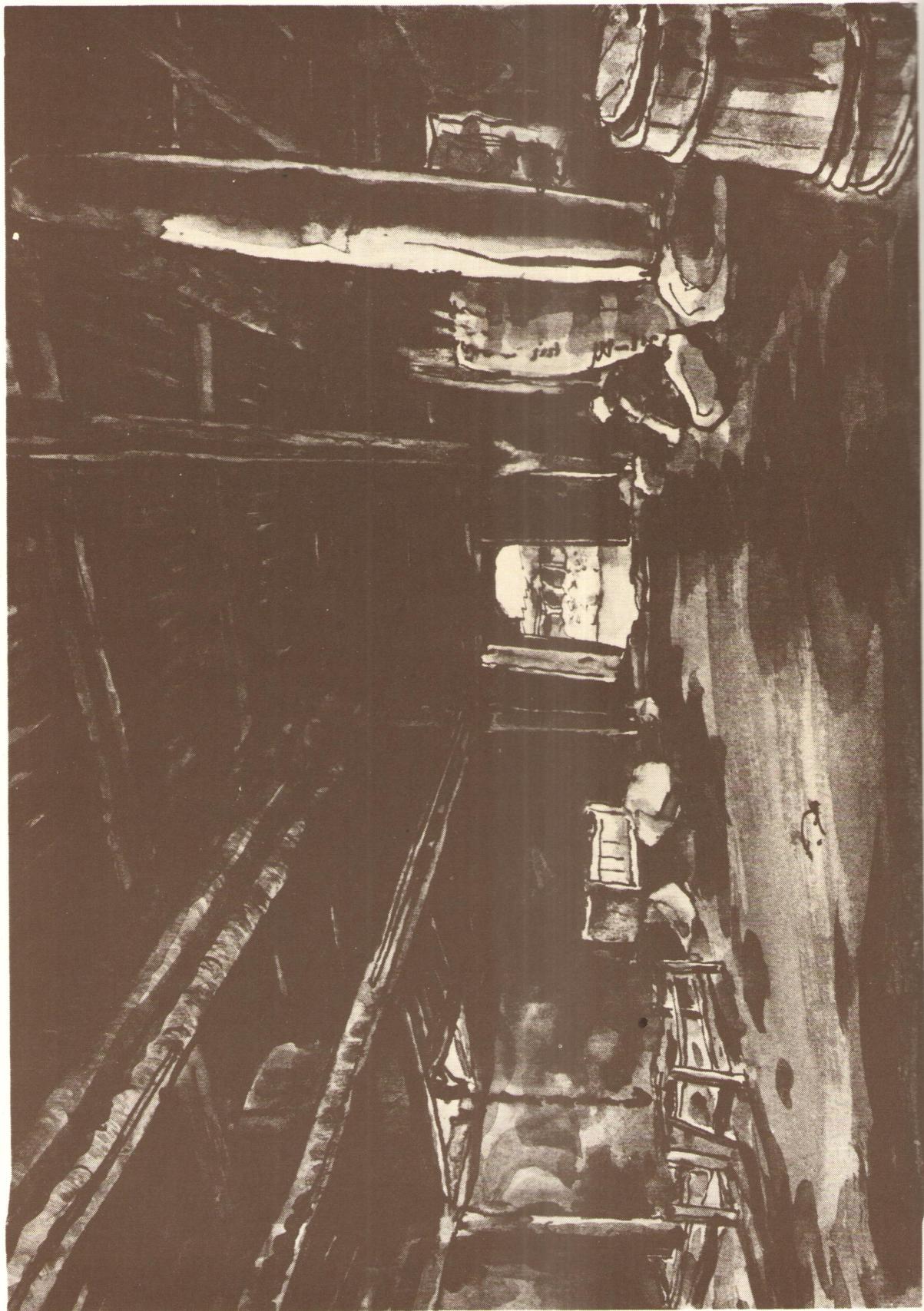
1 2 3 4 5

Разрез II-II

Сотер и рис. с натурой
Э. Бернштейна 1938 г.

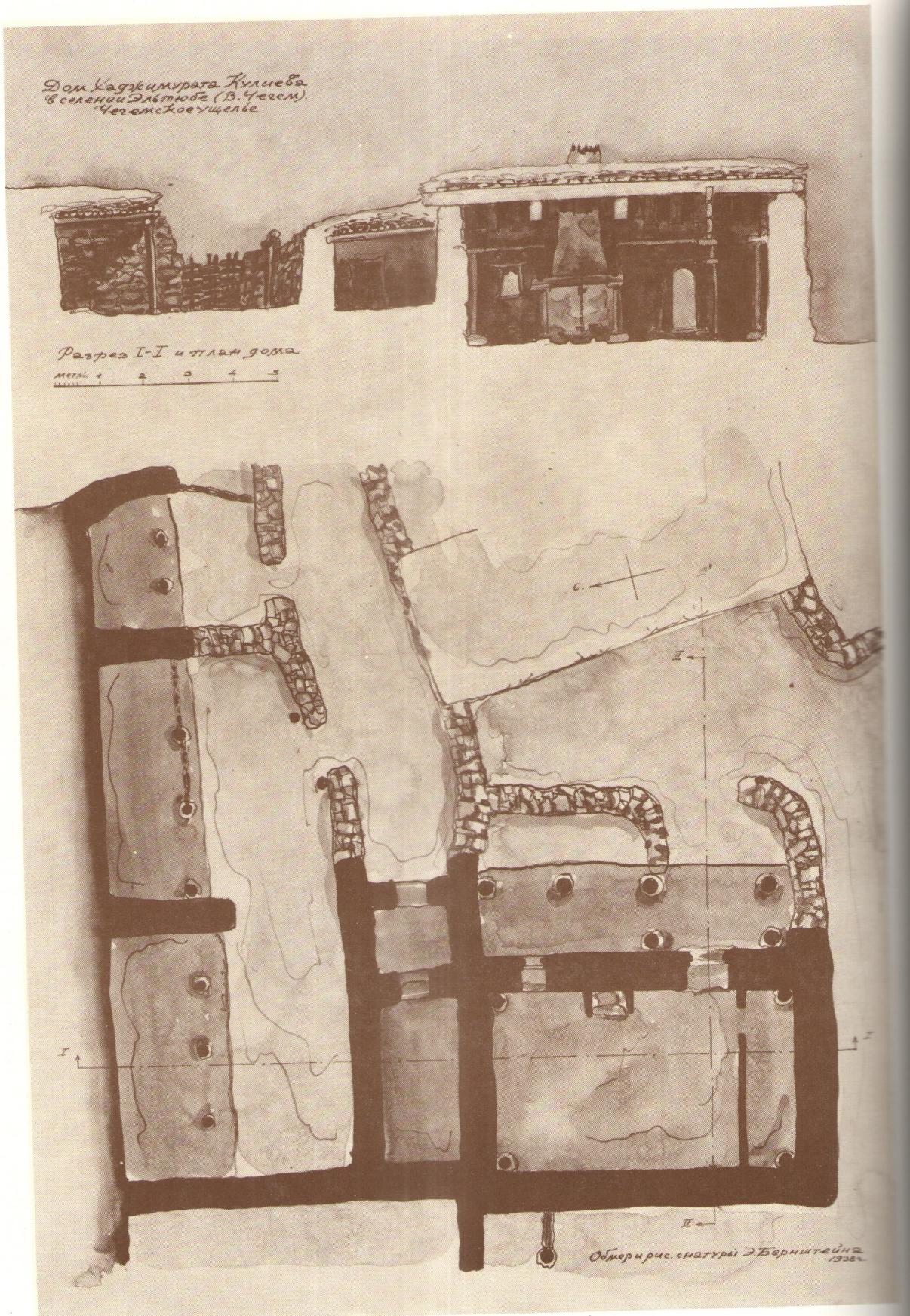
Дом Ахмана Кулиева
с. Эльтиюб (В. Чегем)
Чегемского района

56. Дом Ахмана Кулиева в Эль-
тиюб. Поперечный и продольный
разрезы.

58. Дом Хаджимурата Кулиева в
Эльтюбю. Натурная зарисовка.

59. Дом Хаджимурата Кулиева в Эльтюбю. План и продольный разрез.

Дом Хаджимурата Кулиева
в селении Эльтюбю (В. Чегем)
Чегемского ущелья.

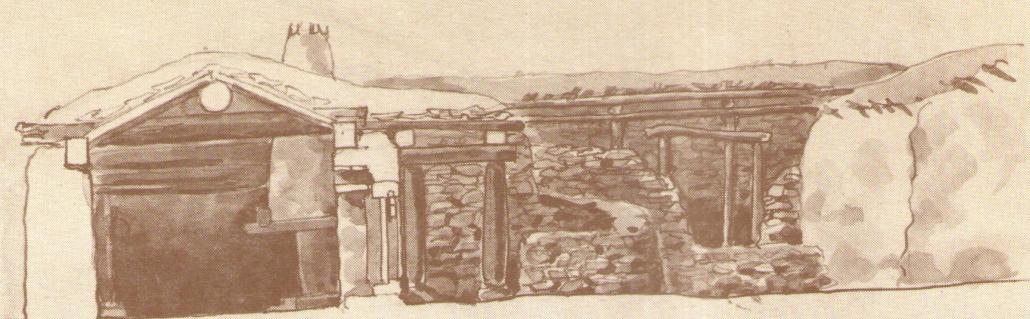

Восточный фасад

Южный фасад

метры

Разрез II-II

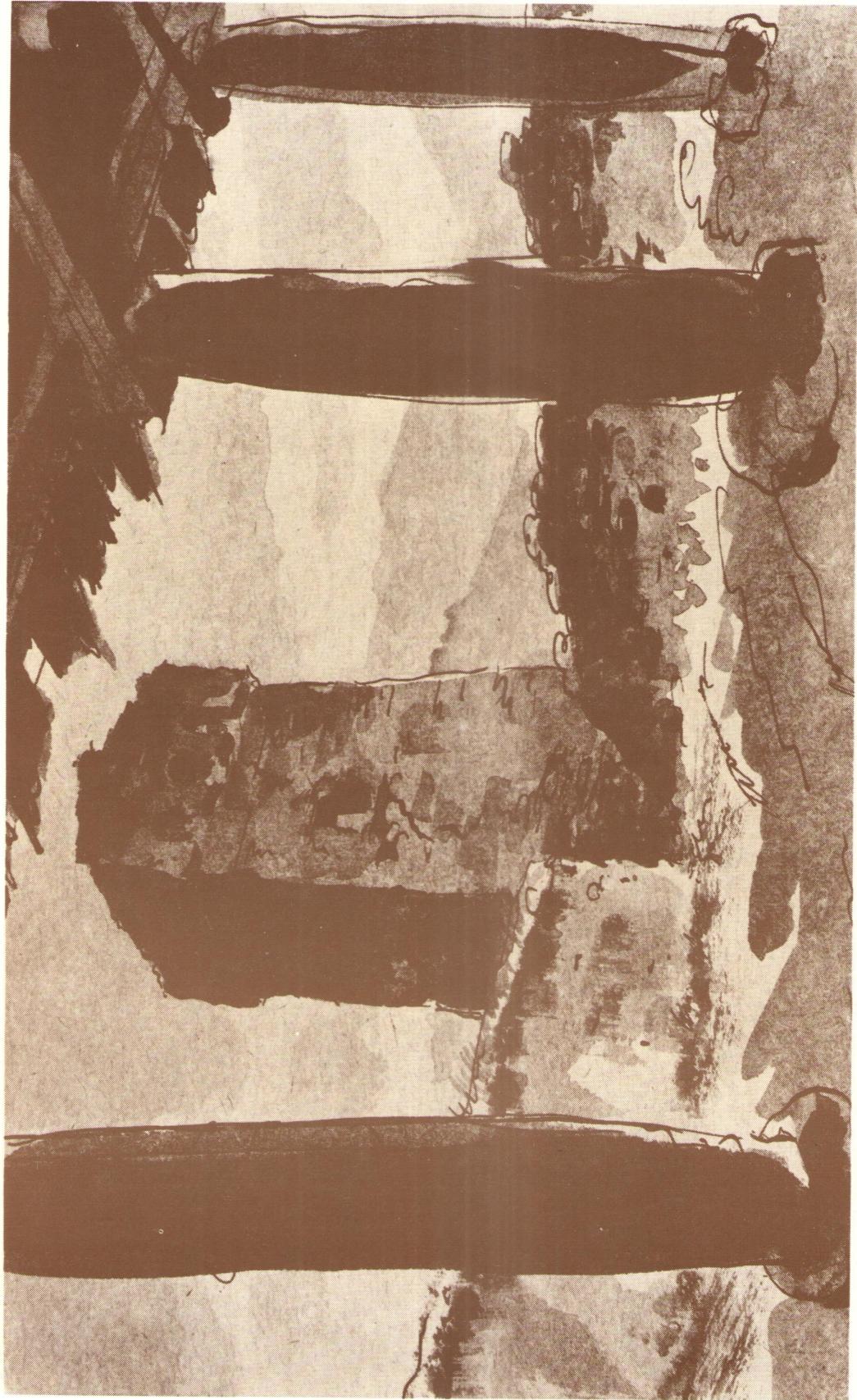
Обмер и рис. с натурьи Э. Бернштейна 1938г.

60. Дом Хаджимурата Кулиева в
Эльтюбю. Восточный и южный фа-
сады. Поперечный разрез.

61. Дом князей Малкаровых в
Эльтюбю. Натурная зарисовка.

63. Малкаруковская башня в
Эльтюбю. Вид из-под навеса жили-
ща. Натурная зарисовка.

64. Фрагмент Малкаруковской башни в Эльтюбю. Натурная зарисовка.

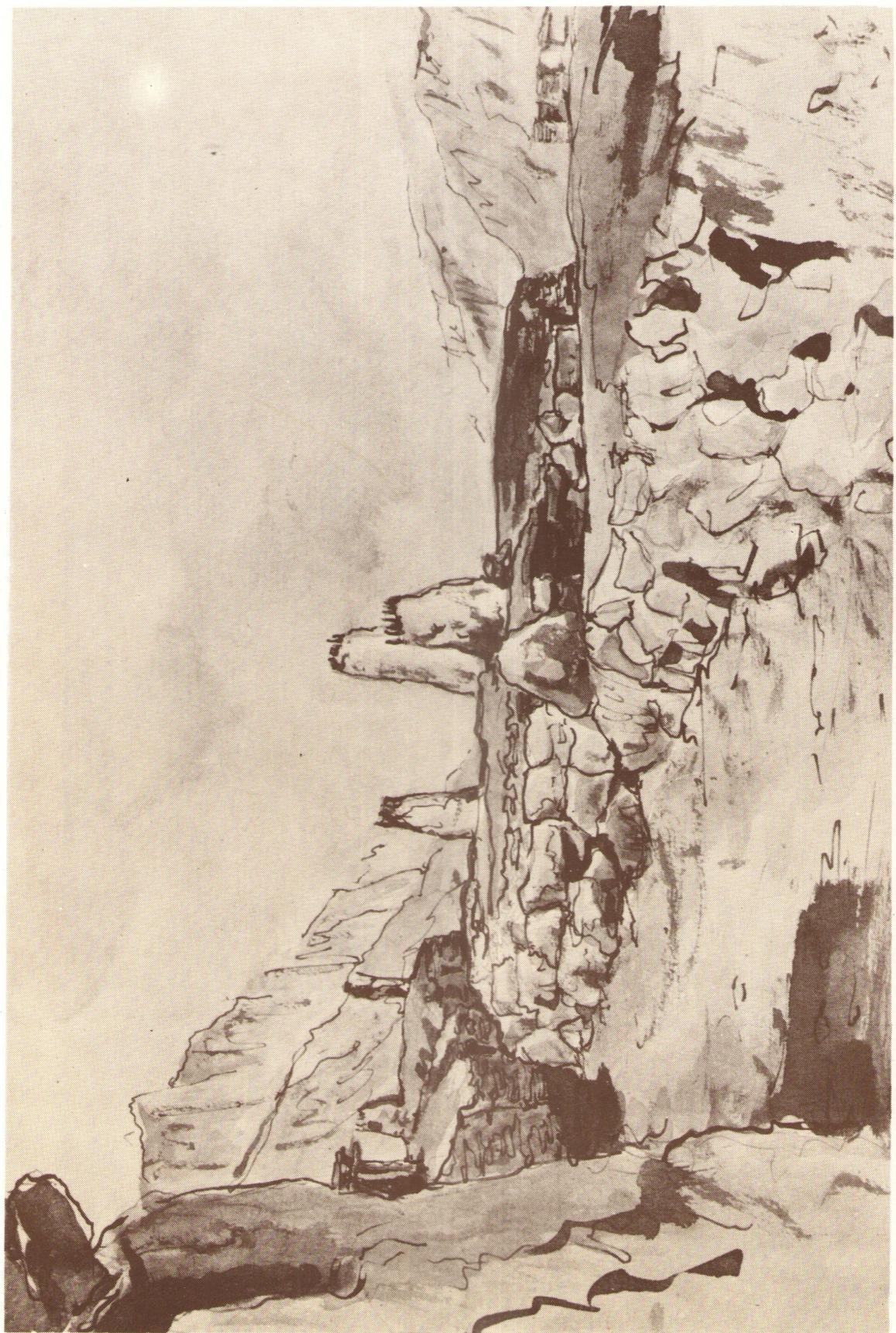

65. Могильники в Эльтюбю. Натурная зарисовка.

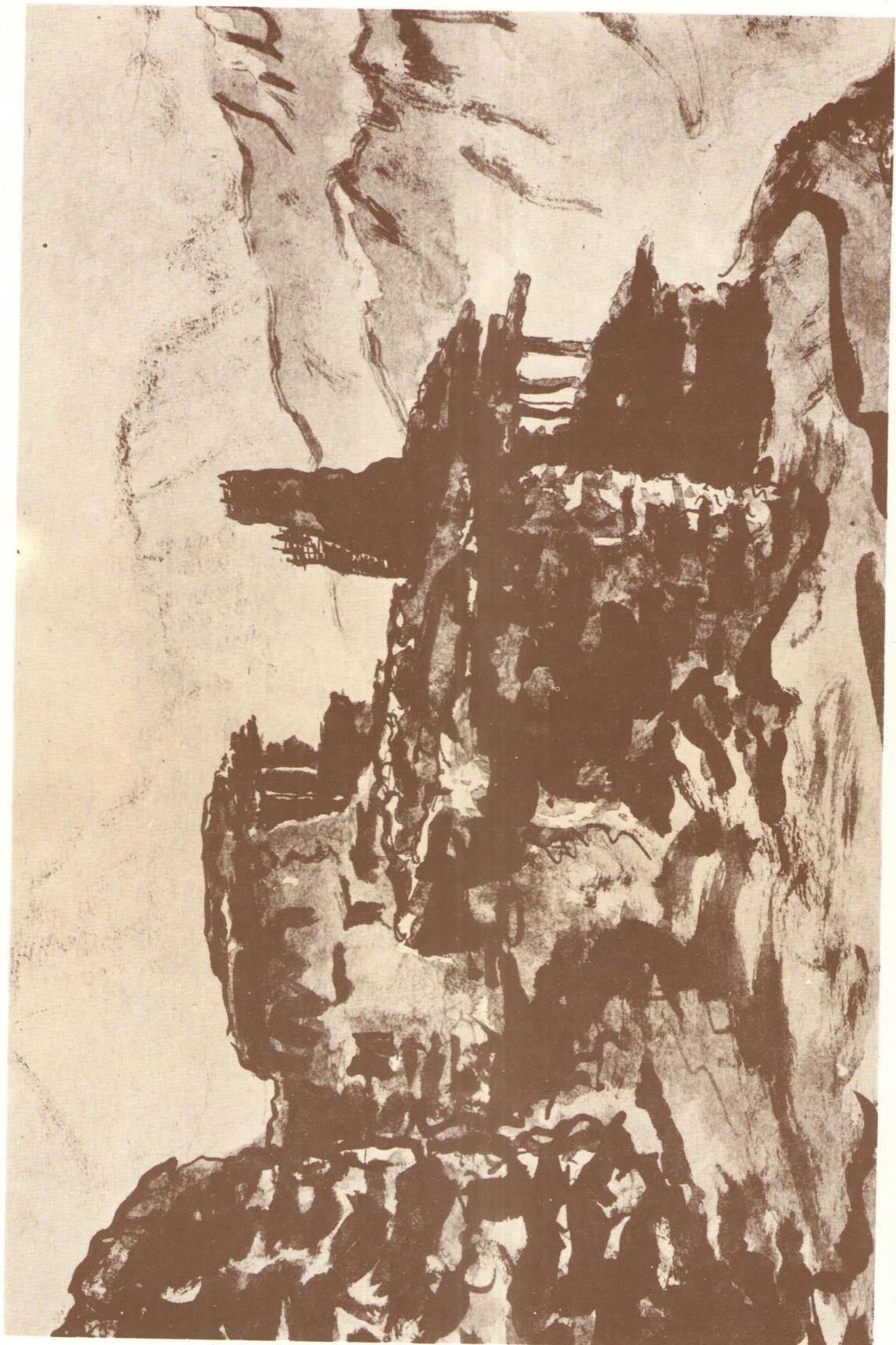
66. "Водопровод" в Эльтюбю. Натурная зарисовка.

67 Селение Актоярек в Чегем-
ский ущелье. Наружная поверхность

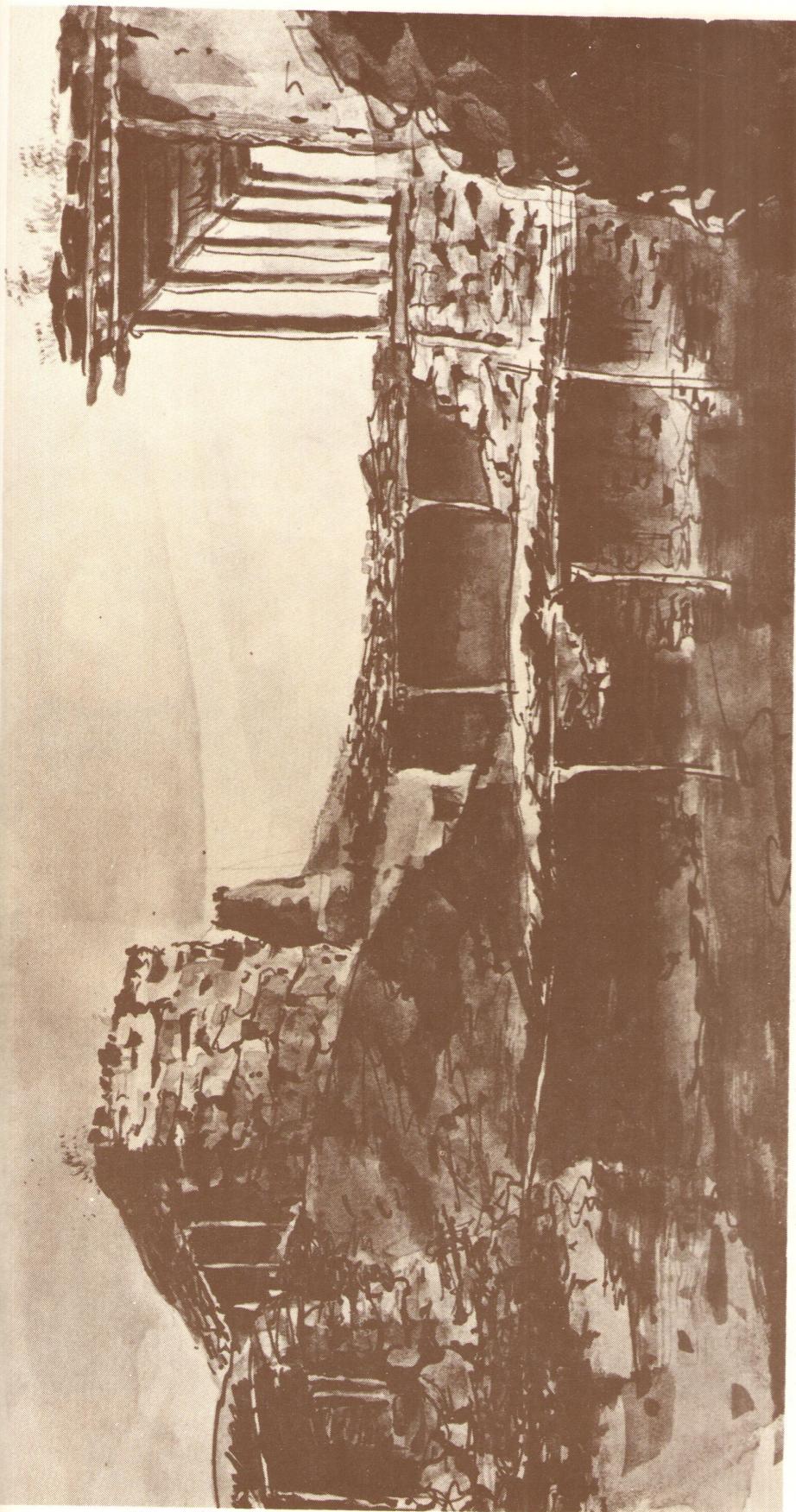

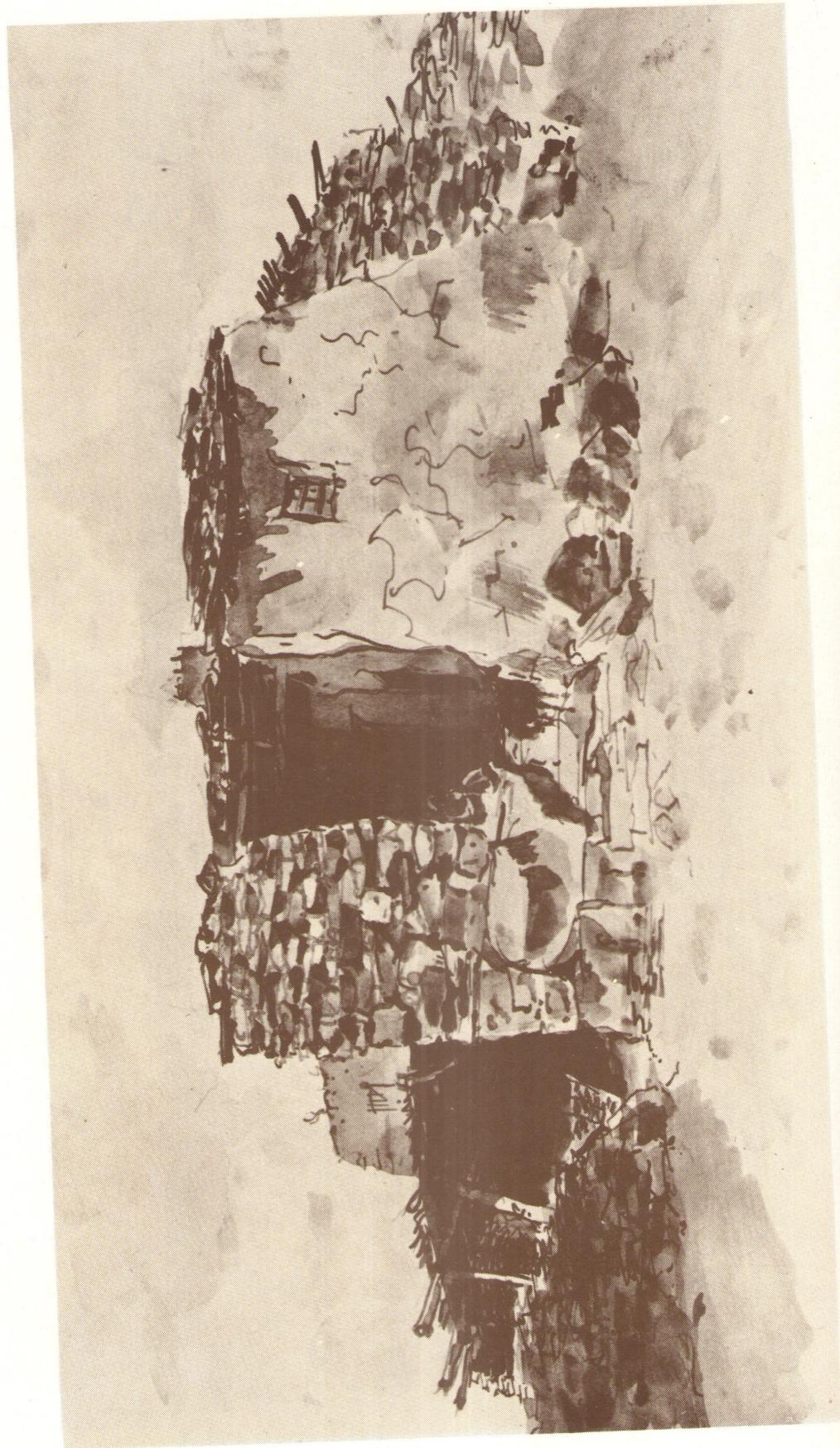
68. Селение Кала Чегемского района. Натурная зарисовка.

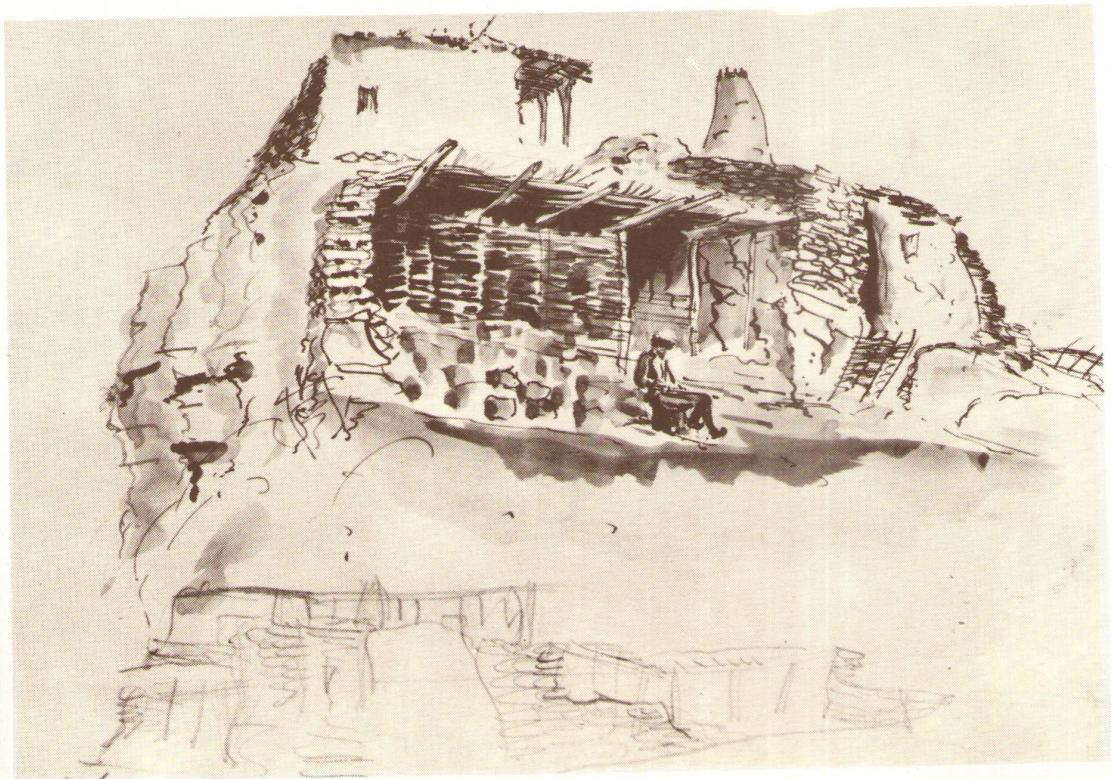
69. Дорога через селение Кала.
Нагурия зарисовка.

70. Загоны для скота в селении
Кала. Натурная зарисовка.

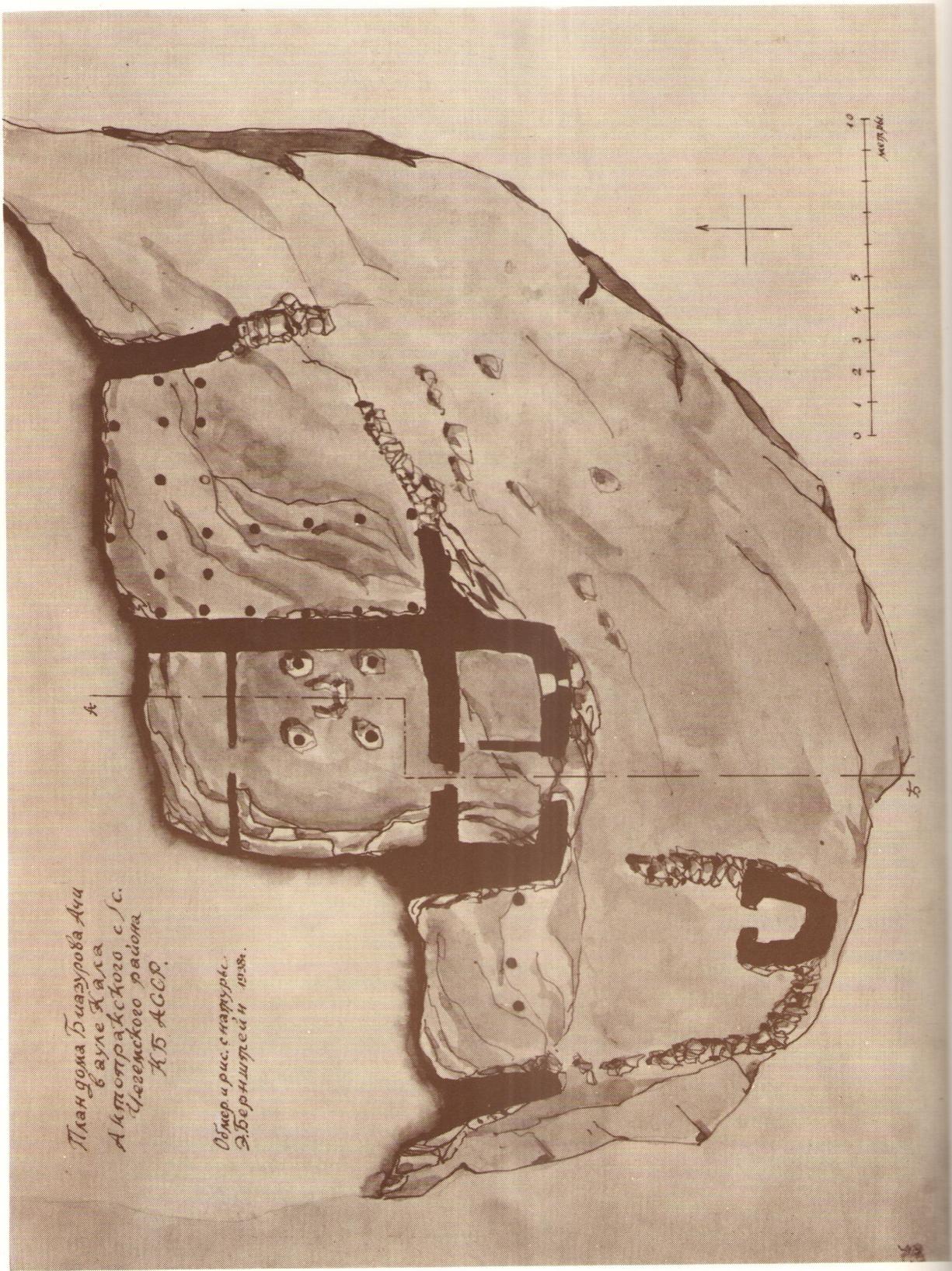

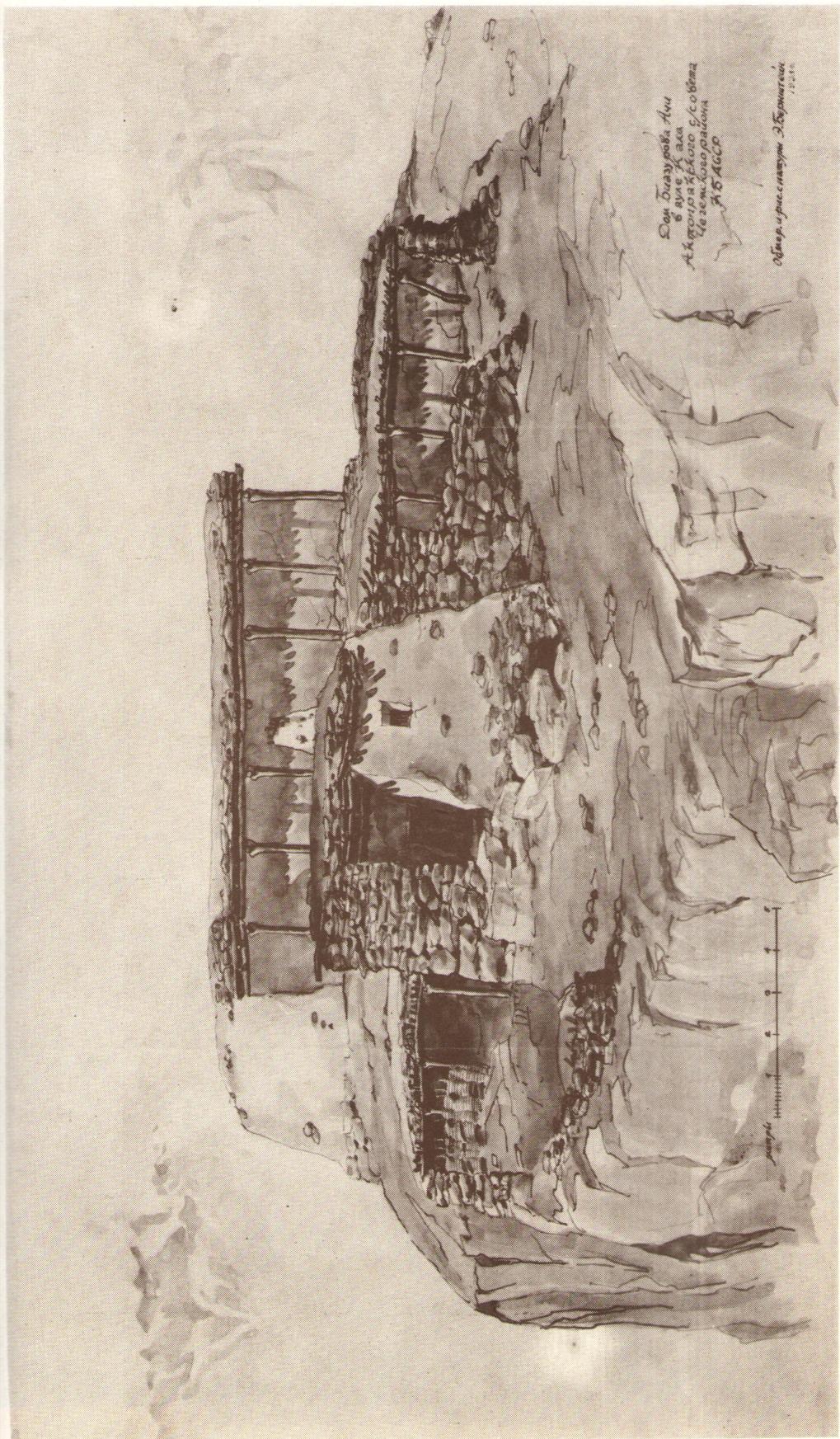
71. Дом Ачи Биазырова в селении
Калла. Натурная зарисовка.

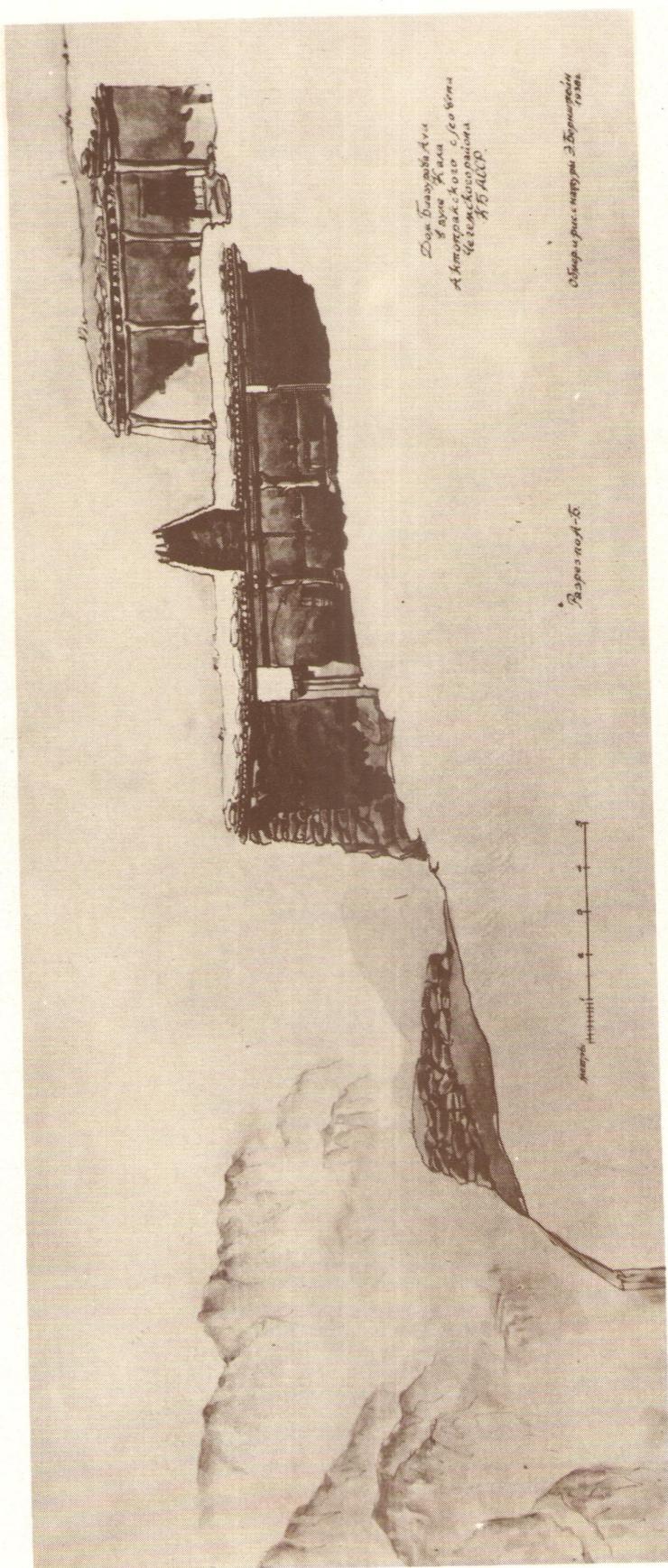
72. Дом Ачи Биазырова в с. Кала.
Вид с западной стороны. Натурная
зарисовка.

72 а. Интерьер жилища Ачи Биазы-
рова. Натурная зарисовка.

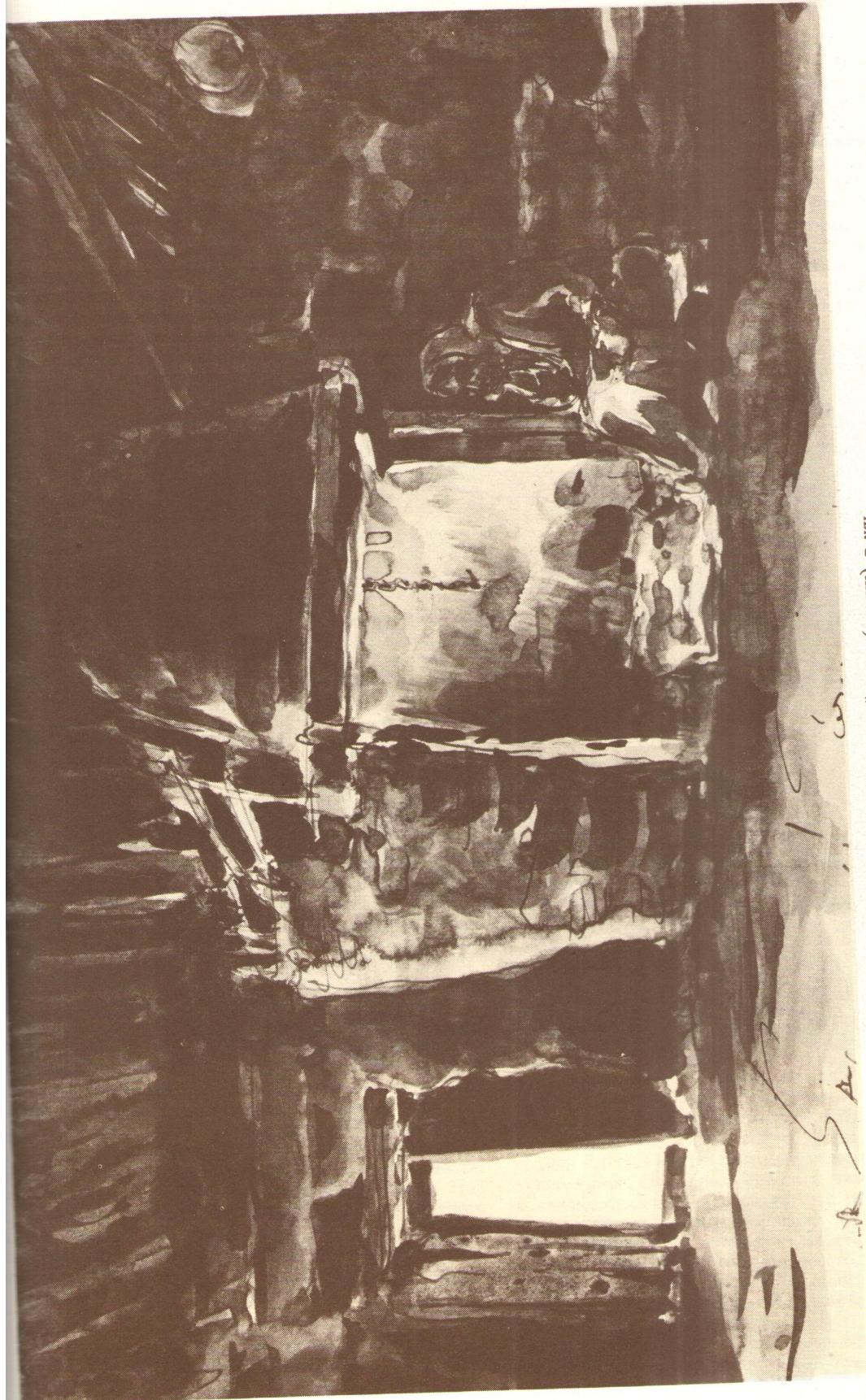

74. Южный фасад дома Ачи Биазырова в с. Кала.

75. Дом Ачи Биазырова. Разрез по участку.

76. Пристенный очаг (камин) в жи-
лище Муссы Биазырова в с. Капа. На-
турная зарисовка.

Верхний Баксан. Натурная зарисовка.

IV.
БАКСАНСКОЕ
УЩЕЛЬЕ

СЕЛЕНИЕ КУРМО

Дом Тимудара Гулиева
(рисунки 77 — 82)

Общее описание. Усадьба Тимудара Гулиева расположена в долине Баксанского ущелья. Усадьба состоит из одноэтажного жилого дома и обширных крытых загонов для скота. Размещение построек в низине на относительно ровном участке обусловило характер строительства. Общая площадь усадьбы около 300 квадратных метров. Жилые постройки расположены по северо-западной границе участка на наиболее ровной части территории. Напротив, отделенные проездом, размещены хозяйствственные постройки, занимающие подножия юго-восточного склона ущелья.

План. Дом Тимудара Гулиева в настоящем виде сложился постепенно. Наиболее древняя часть его состоит из помещения размером 5x7 метров, высотой 2,5 метра, с теневым навесом. Дверь под навесом — единственное отверстие в стенах жилища. Очаг расположен у той же лицевой стены, дымник очага одновременно является источником проникновения дневного света. К жилому помещению с северо-восточной стороны примыкает более поздняя пристройка с двумя окнами, тамбуром и кладовкой. С юго-западной стороны последовательно пристроены еще два жилых помещения, изолированные друг от друга глухими перегородками, имеющие также по очагу у лицевой стены. Все три жилища объединены навесом вдоль юго-восточной стены. Позднейшие пристройки являются простым добавлением к ранее существовавшим постройкам, производившимся по мере прибавления брачных пар. Стены древнейшей части дома целиком сложены из бревен диаметром до 35 сантиметров с грубой обтеской и простейшей рубкой углов. В более поздних частях дома стены на 2/3 высоты выложены из неотесанных крупных глыб камня на глиняном растворе, с глиняной обмазкой снаружи и внутри и побелкой. Поверх каменной кладки идут 2—3 венца бревен, клавшихся целиком, без обрезки концов. Стены хозяйственных построек сложены таким же образом, но каменная циклопическая кладка произведена насухо и без обмазки. Верхняя часть стен бревенчатая. Венцы бревен сложены без врубки углов и без обрубки различных по длине концов.

Кровля двухскатная, деревянная. Коньковый брус сечением 30 сантиметров подпёрт в пролете коротышами, стоящими на поперечных потолочных балках, уложенных на расстоянии 2—3 метра. Стропильные ноги опираются одним концом на коньковый брус, а другим — на прогон, идущий вдоль стены, и несут накат из жердей, а поверх его плетень, покрытый слоем земли. Навес над входами горизонтальный. По поперечным балкам сплошной накат из жердей, по нему плетень, приподнятый над краем с помощью бревна, лежащего вдоль наружной стороны навеса. Поверх плетня каменные плиты и слой земли. Над очагом зонт на высоте 1,25 метра от уровня земляного пола. В древнейшей части дома дымник дощатый прямоугольного сечения. В позднейших пристройках дымники плетеные.

АБДУЛАЕВСКИЙ ПОСЕЛОК

(рисунки 83 — 92)

Поселок расположен на юго-восточном склоне Баксанской долины при впадении реки Адыр-Су

в реку Баксан. Участок имеет уклон 1:10 и занимает площадь 40x25 метров. Верхняя часть территории занята четырьмя одноэтажными жилыми постройками, из которых три примыкают друг к другу, а четвертая отделена от них узким проходом. Нижняя часть территории занята общим крытым помещением для скота и открытым хозяйственным двором. Вся территория обнесена оградой, сложенной из естественного камня. Таким образом, в общей планировке ясно выражена обособленность жилых ячеек, которые, примыкая друг к другу, не сообщаются между собой и имеют отдельные выходы, направленные в разные стороны, в то время как хозяйственные постройки сведены воедино.

План жилых ячеек. Каждая жилая ячейка состоит из основного помещения площадью 20—25 квадратных метров с очагом, дымник которого является одновременно источником проникновения дневного света, и примыкающего к каждому из жилищ неотапливаемого помещения площадью 12—15 квадратных метров, имеющего небольшое окно. Жилище старейшего в роде Байрымука и примыкающие к нему имеют форму неправильных четырехугольников, что определяется расположением их среди громадных каменных валунов размером до 2,5x2,2 метра, используемых как лицевая стена дома. Внутри жилого помещения очаг располагается у стены. У других стен высеченные в скале лежанки и скамьи. Стены выполнены из естественного необработанного камня на глиняном растворе с обмазкой, с использованием расположенных на участке каменных глыб. В северной ячейке частично стены деревянные, причем в основном помещении одна стена образована вертикальным рядом бревен. Кровля деревянная плоская в более старых постройках и на два ската в позднейших. Кровля поконится на круглых балках, по которым уложен сплошной накат из жердей, поверх него плетень, камень и слой земли. В двухскатных крышах стропильные ноги опираются на коньковый брус, поддержанный в пролете поперечными потолочными балками и коротышом для увеличения уклона крыши.

СЕЛЕНИЕ НИЖНИЙ БАКСАН

Дом Омара Атмурзаева
(рисунки 93 — 97)

Дом в отличие от обычного ориентирован на северо-запад. Он расположен на склоне, имеющем значительный подъем 1:2. Жилые и хозяйственные постройки расположены в двух уровнях, причем жилой дом расположен на верхнем уровне, занимая с примыкающими к нему постройками территорию 13x6 метров. Жилой дом размером 5,6x3 метра, высотой 2,3 метра имеет с лицевой стороны пристройку площадью 2,6x1,4 метра с самостоятельным входом и теневой навес. Очаг расположен у лицевой стены. Противоположная стена, выполненная из камня, является подпорной для вышележащего склона. Вдоль этой стены в помещении находится обычная в балкарских жилищах скамья — почетное место. К жилому помещению примыкает справа крытый навес для скота. Такой же навес и открытые загоны для скота располагаются на нижней террасе.

Стены дома сложены из естественного камня без раствора, но с обмазкой и побелкой. Кровля двухскатная, деревянная, сплошной накат из брусьев диаметром 12 сантиметров, одним концом упирается в маузерлат, а верхний лежит на коньковом брусе диаметром 30 сантиметров, лежащем на поперечных бал-

ках диаметром 23 сантиметра. Потолочные балки опираются на боковые прогоны, лежащие вдоль стен на деревянных опорах, прислоненных к стене. Над очагом плетеный дымник на деревянных консолях.

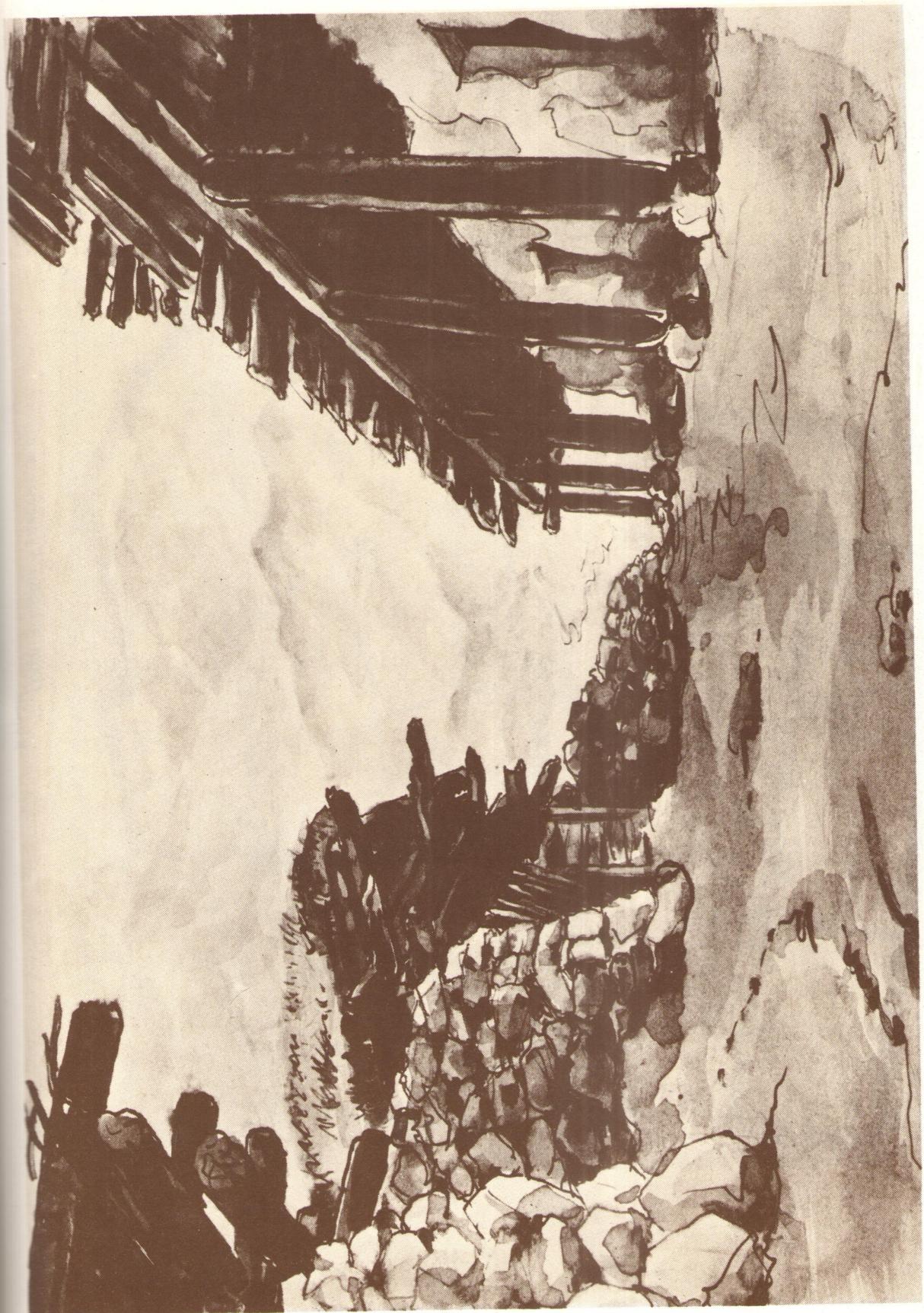
СЕЛЕНИЕ БЫЛЫМ (рисунок 98)

Селение террасообразно расположено по юго-восточному склону Баксанского ущелья. Для получения горизонтальных площадей на склоне горы выложены ступенями каменные подпорные стены с земляной засыпкой, образующей место для построек и открытых террас перед ними. Жилища вплотную призывают к каменным подпорным стенкам, составляю-

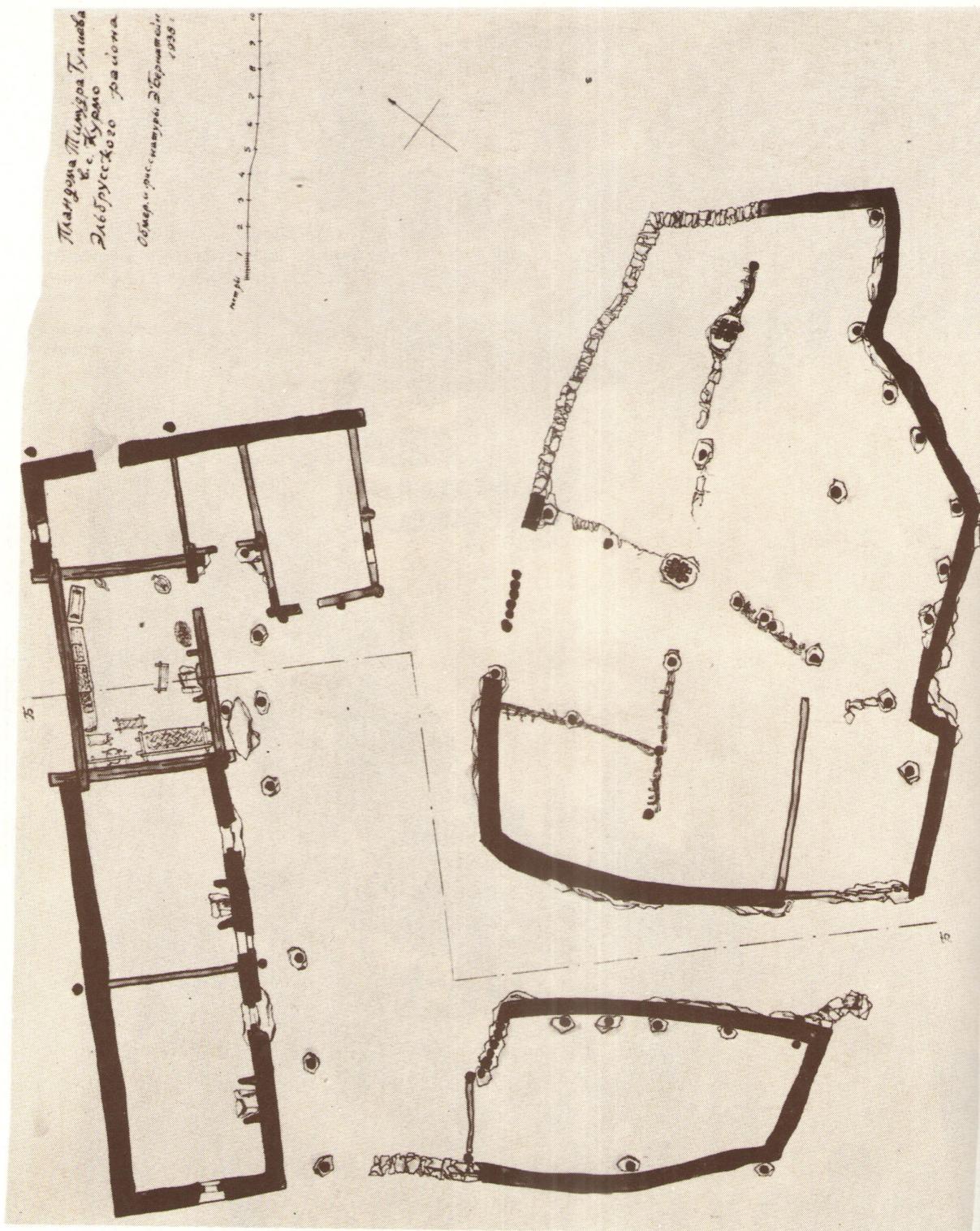
щим заднюю стену жилых и хозяйственных построек. Типичным для селения является дом Паши Шоваева.

Дом Паши Шоваева (рисунки 99 – 105)

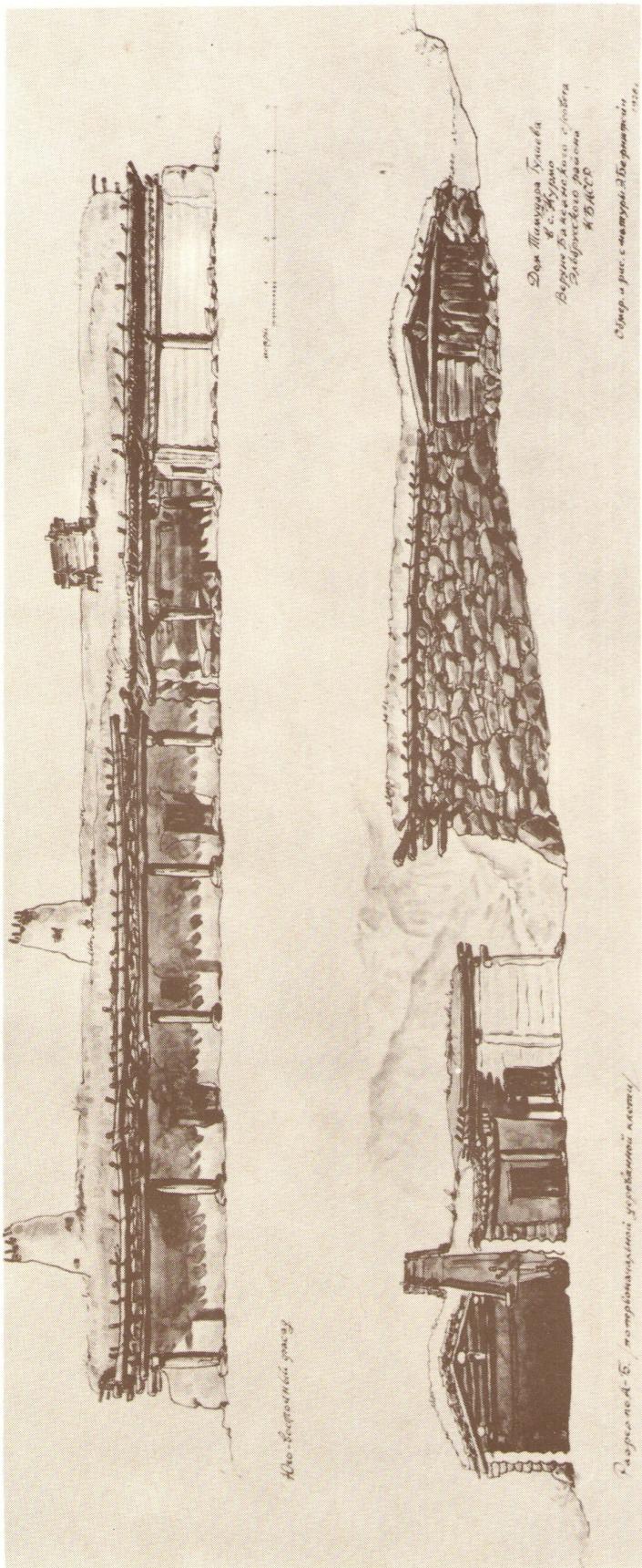
Жилые помещения расположены фронтально, имеют размер 6х4 метра, высота 2,9 метра. Переходы и лицевая стена — плетень, обмазанный глиной, с побелкой снаружи и изнутри. Перед лицевой стеной навес на деревянных столбах. Входы с лицевой стороны под теневым навесом. Помещения освещаются застекленными окнами со ставнями. Кроме обычного очага в основном жилом помещении в некоторых пристройках установлены легкие, чугунные печерки, от которых все это помещение получило позднее название "печь". Кровля плоская, деревянная с земляной насыпью.

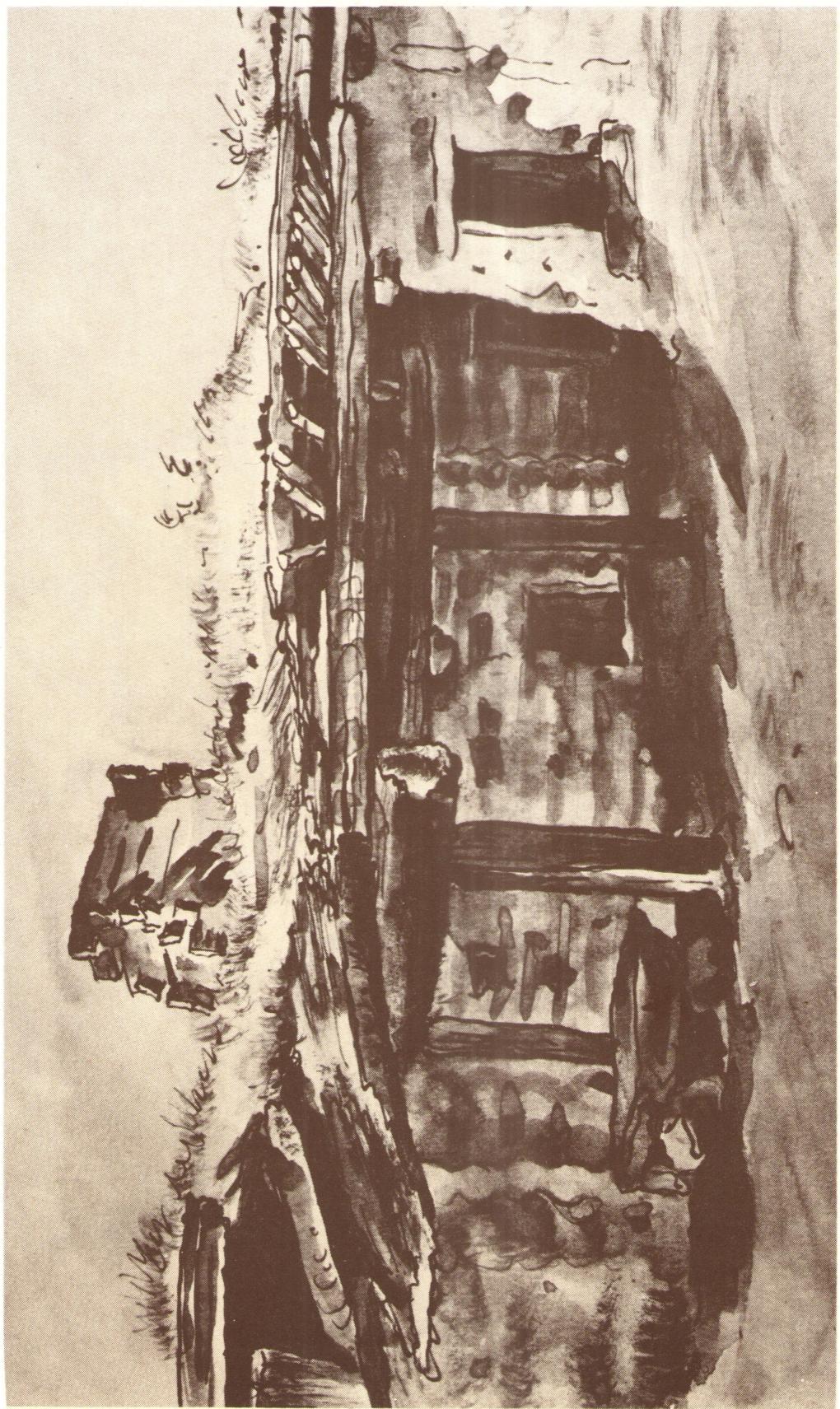
77. Усадьба Гулиевых в селении
Курмо. Натурная зарисовка.

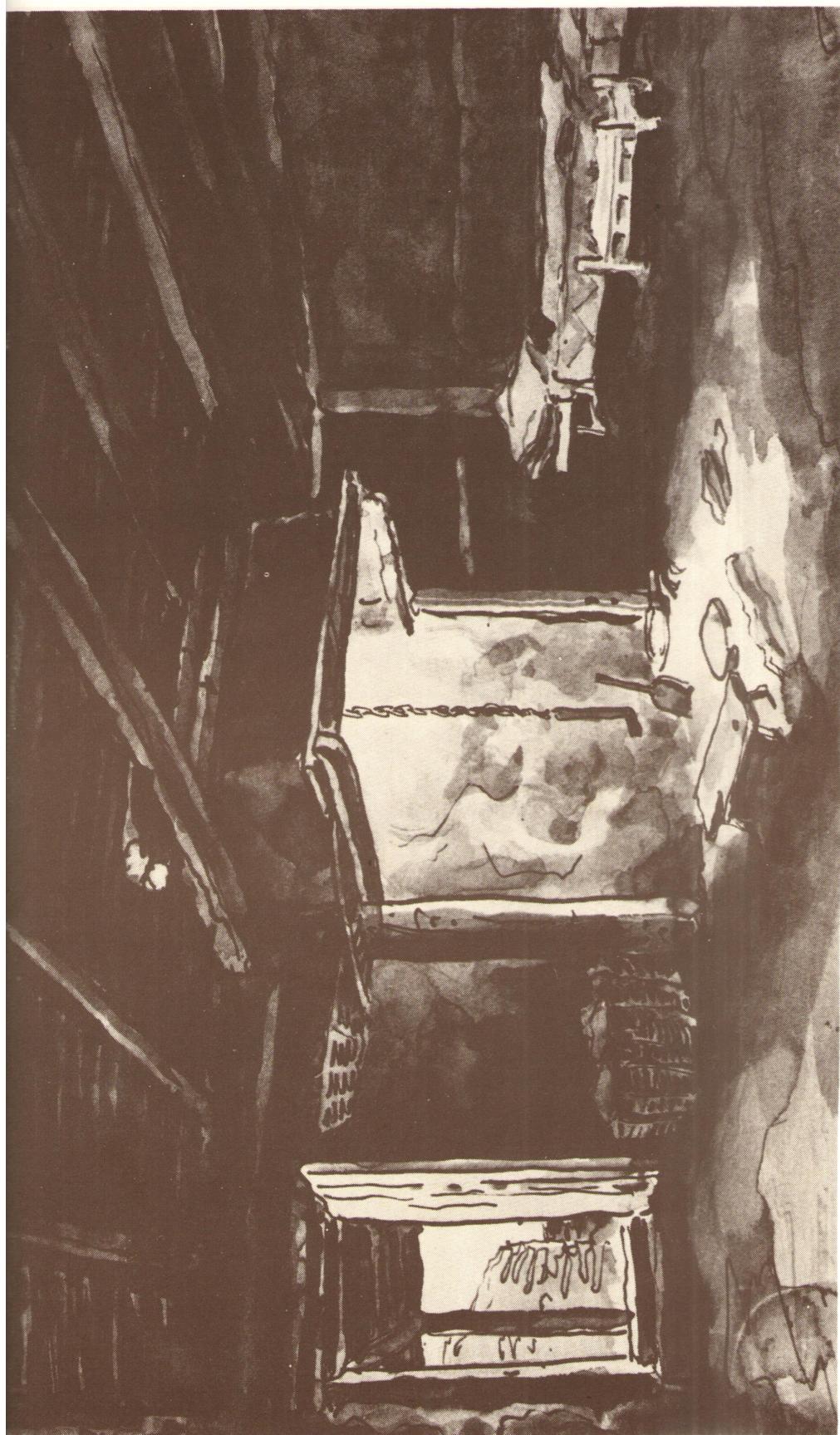
78. Газовая юстируемая муфта № 20.

79. Усадьбы Гулиевых в селении
Курно. Юго-восточный фасад и раз-
рез по первоначальному жилищу.

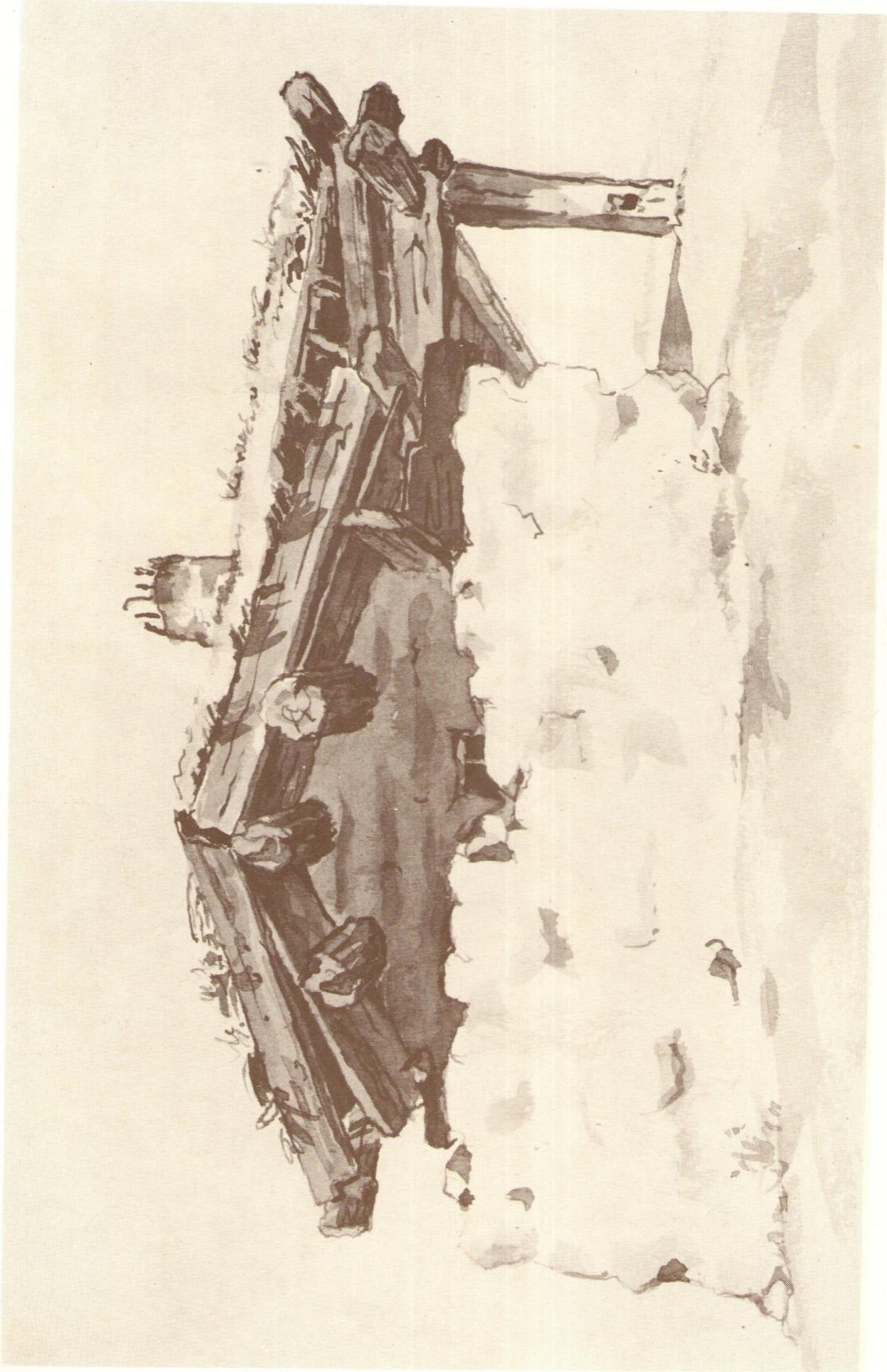

80. Первоначальное жилище
усадьбы Гулиевых. Натурная зари-
совка.

81. Интерьер жилища Тимудара Гулиева с пристенным очагом. Натурная зарисовка.

105. Водяная мельница в селении Верхний Баксан. Натурная зарисовка.

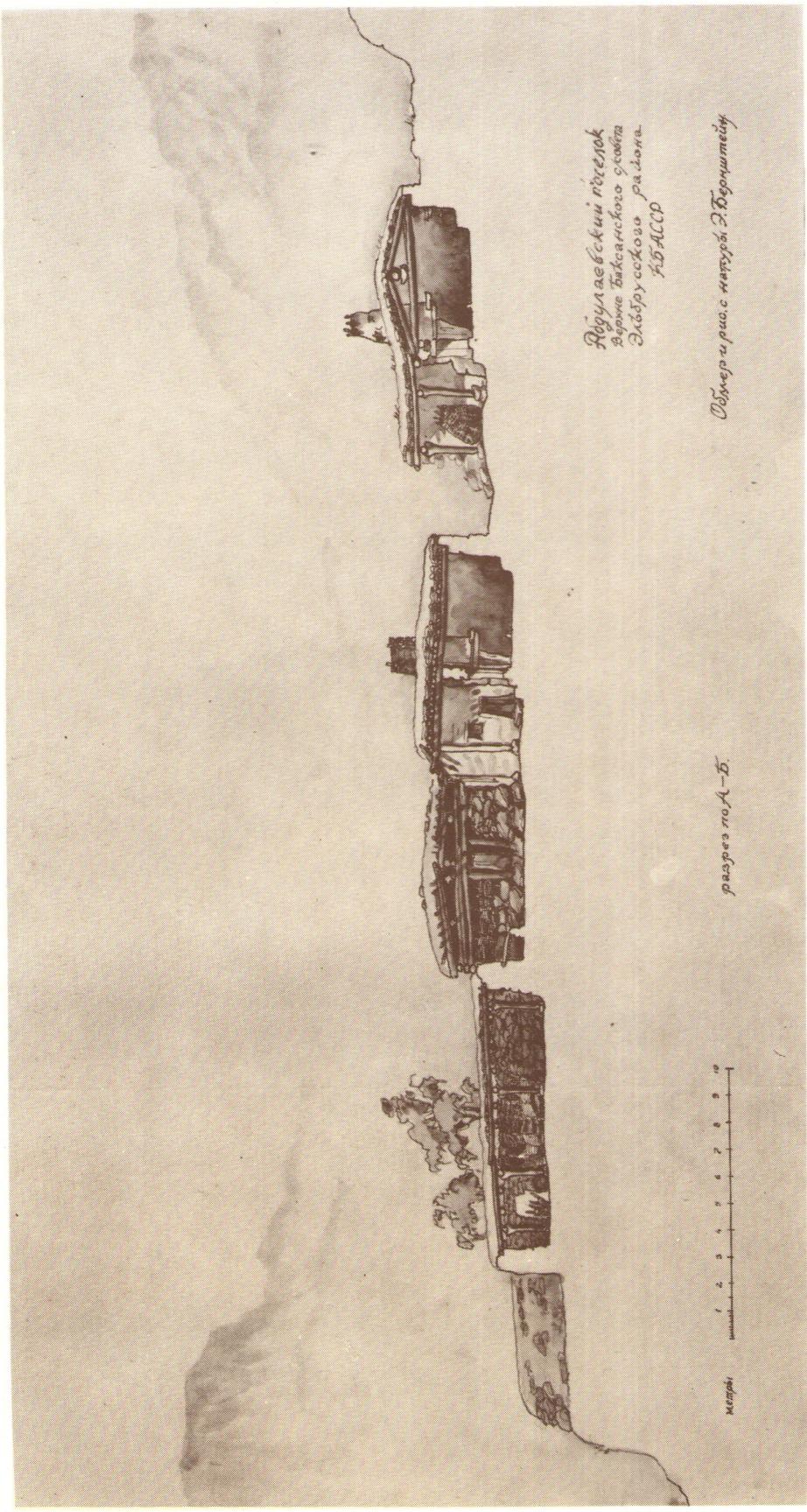
82. Торцевой фасад дома Гулис-
вых. Натурная зарисовка.

83. Абдулаевский поселок в Баксанском ущелье.

84. Генеральный план Абдулаевского поселка.

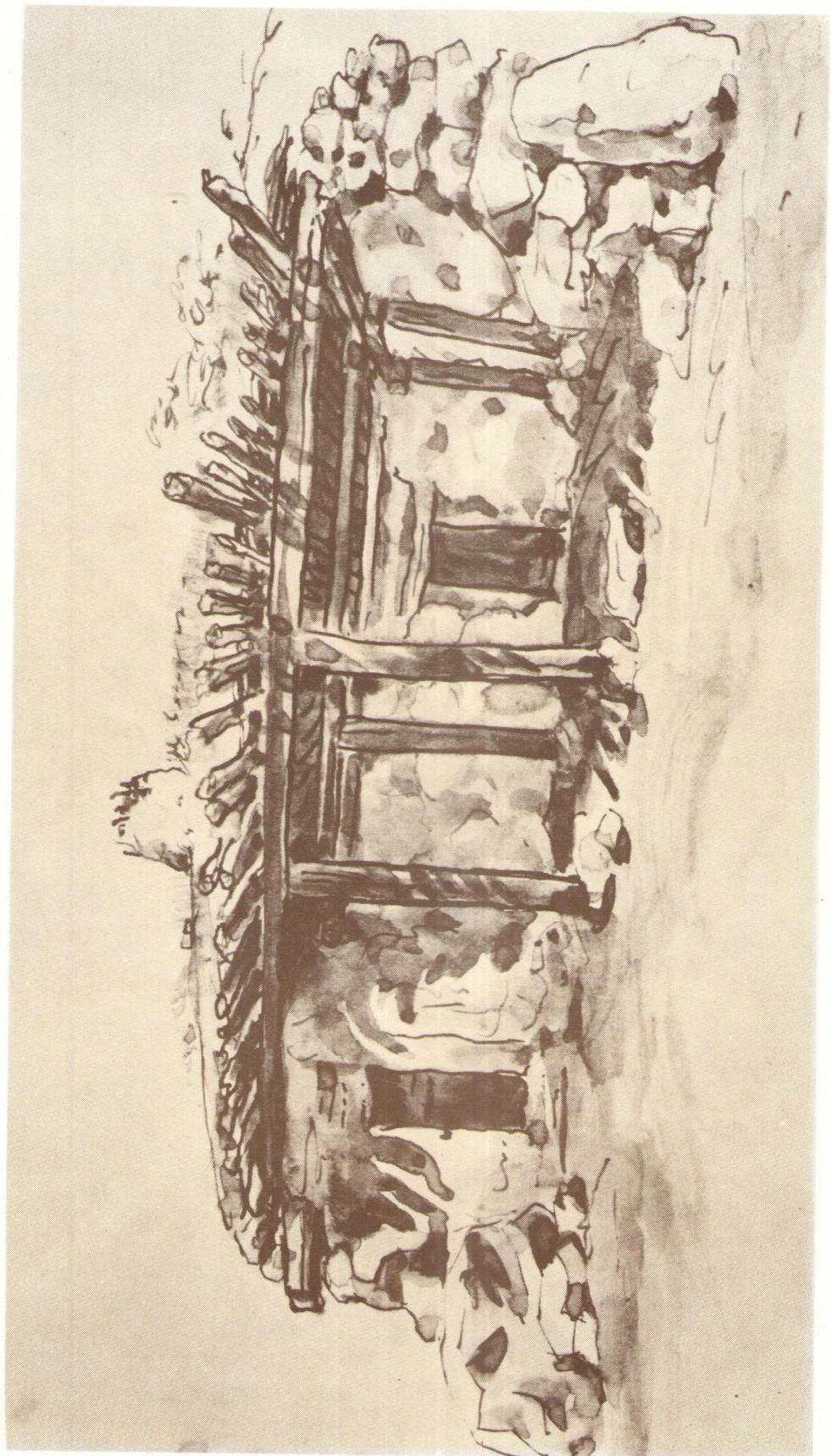
85. Абдулаевский поселок. Разрез
по участку.

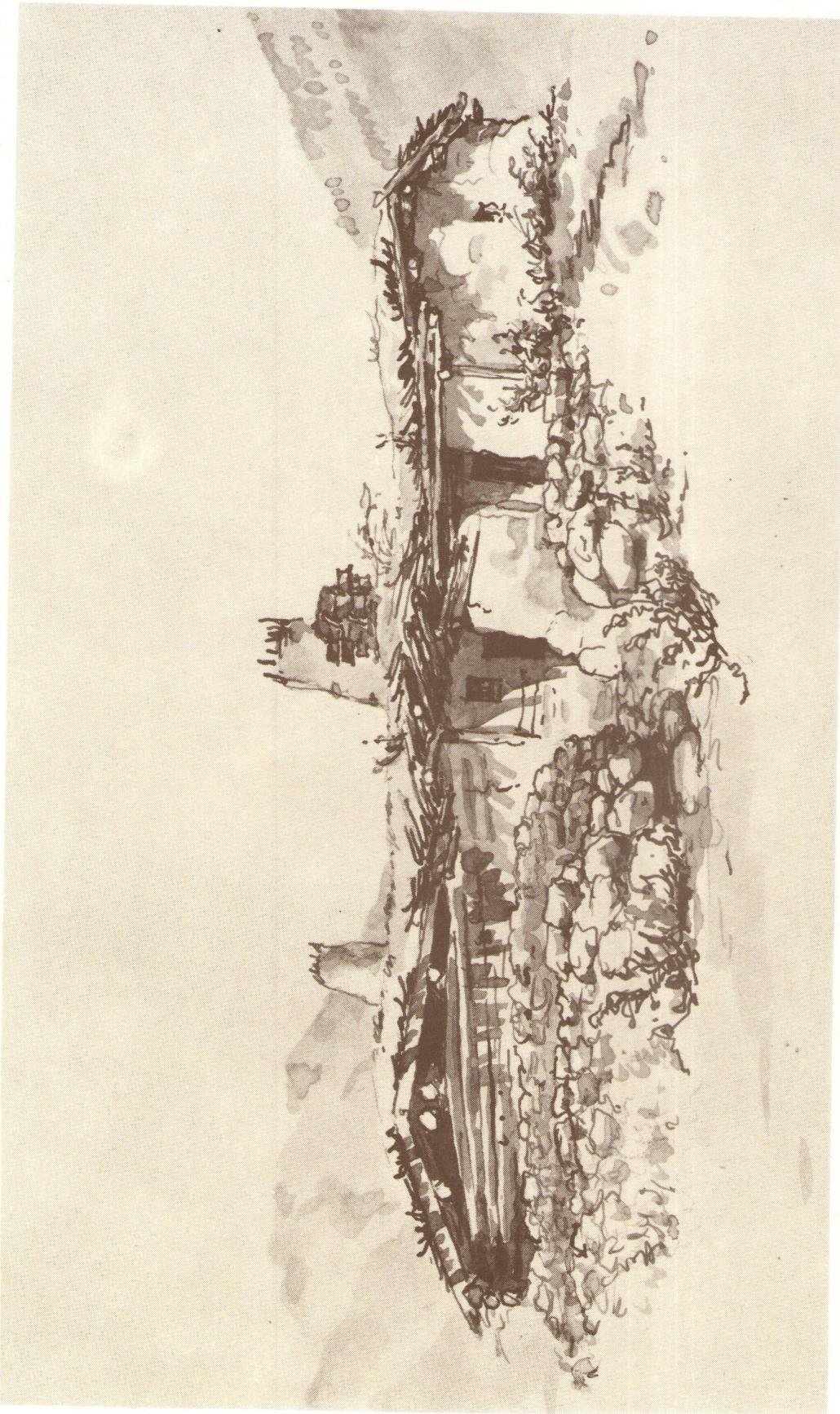
86. Жилище Байрымкуа Абдулаевы. Вид из-под навеса дома Магомеда Абдуллина. Нигуриям Чирисовой.

87. Проход между домами Бай-
рымкука и Магомеда Абдулаевых.
Натурная зарисовка.

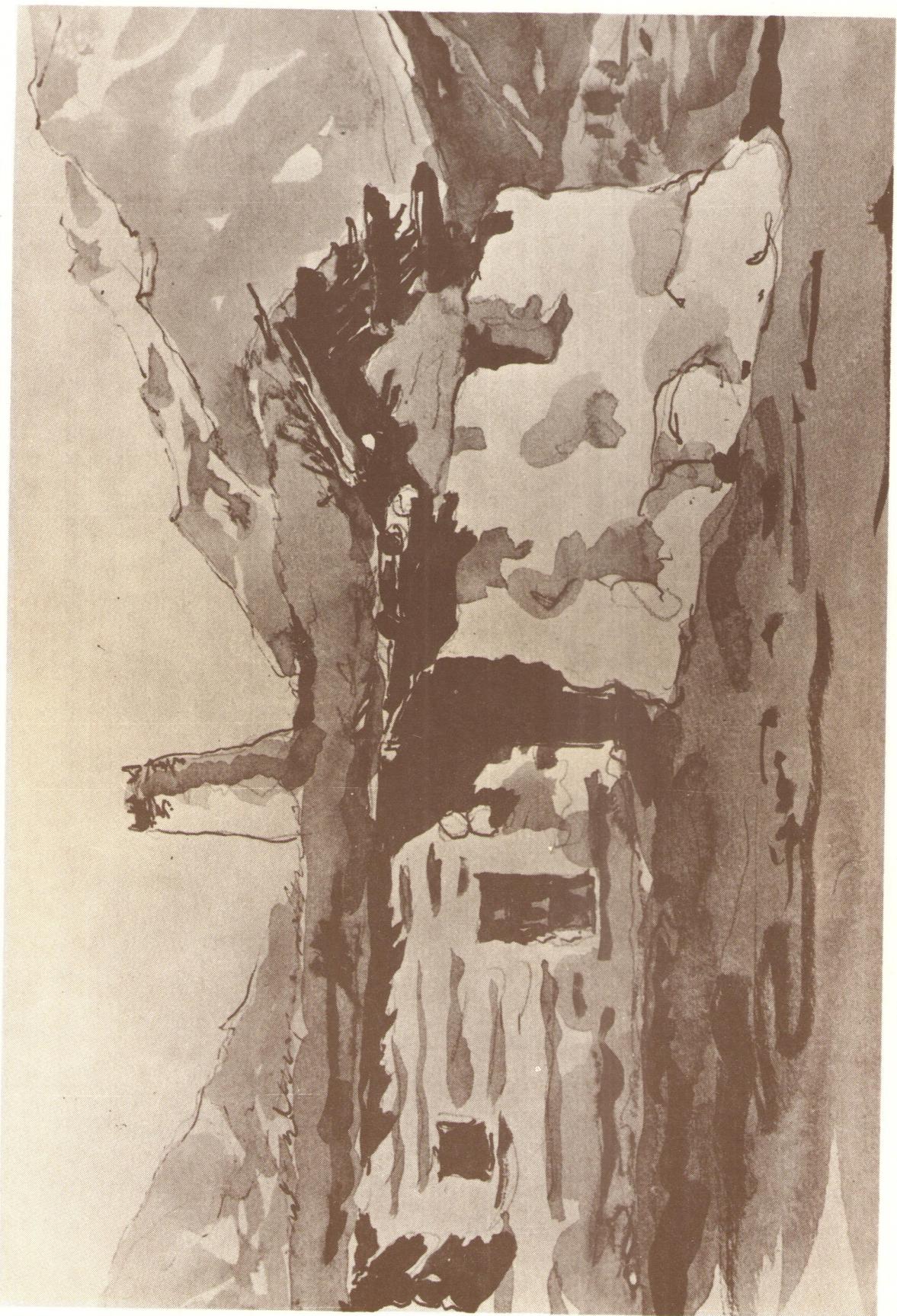
88. Дом Магомеда Абдулаева.
Натурная зарисовка.

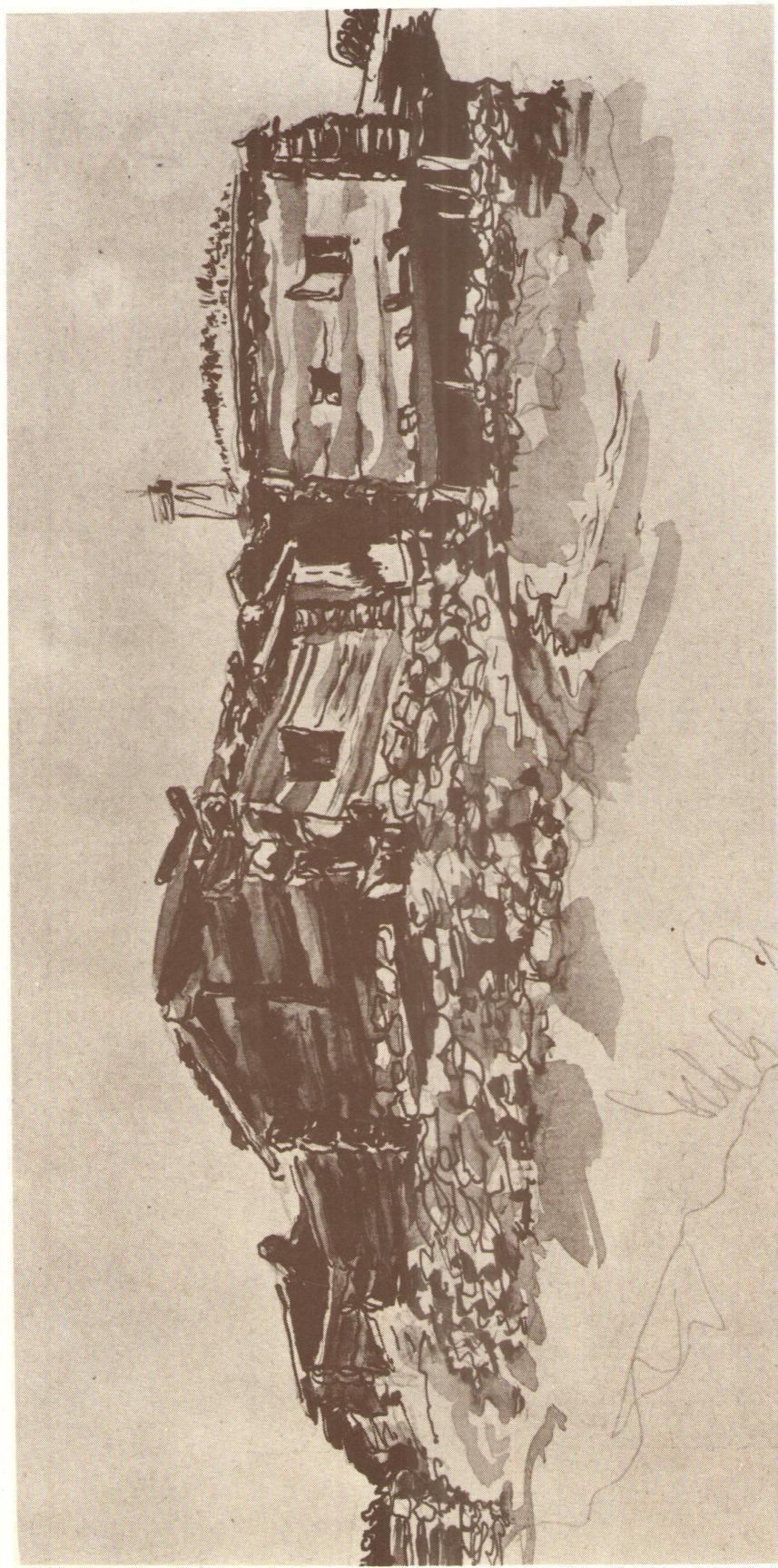
89. Дом Канака Абдулаева. Натурная зарисовка.

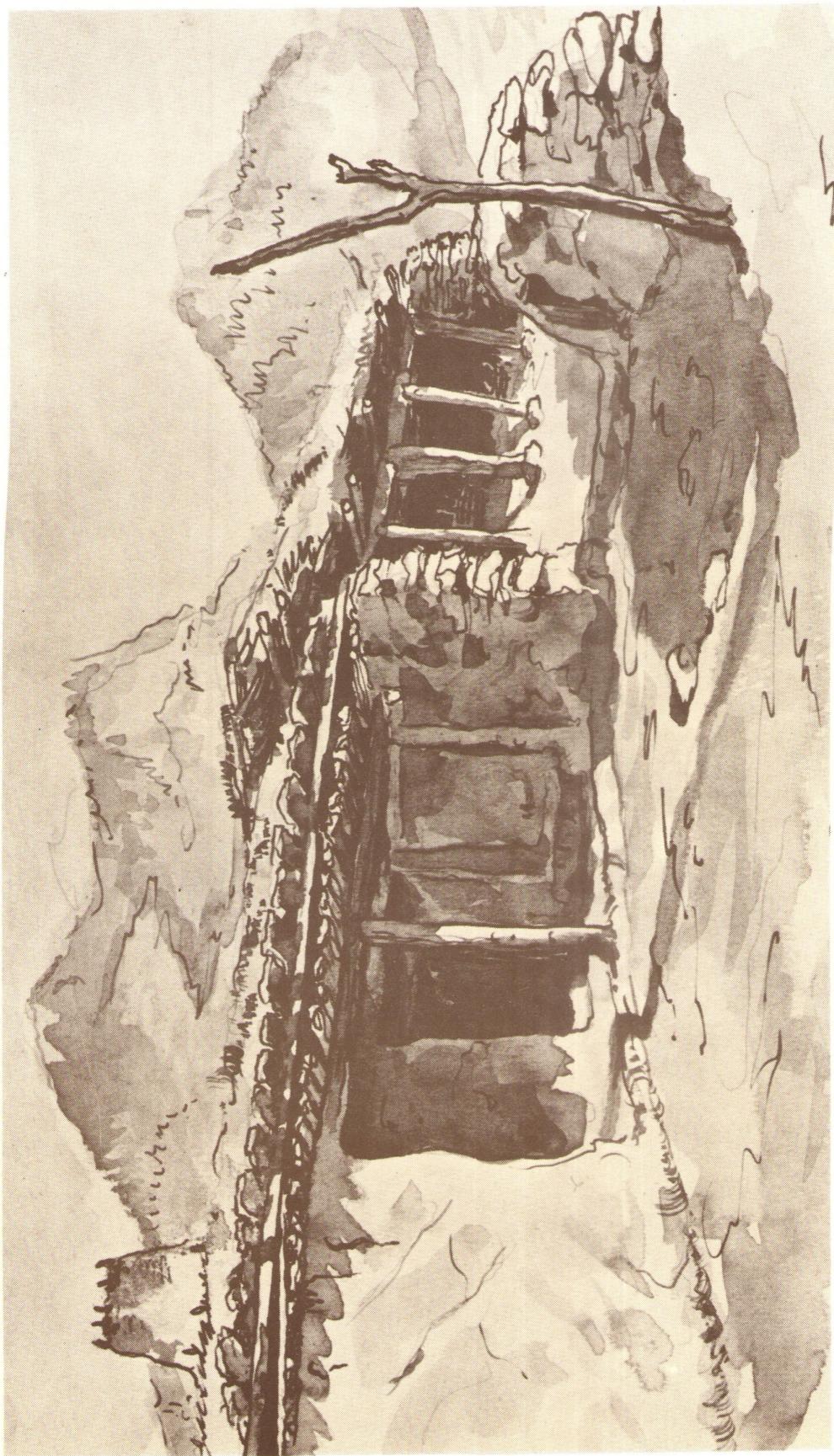
90. Вход в жилище Канака Аб-
дуллина. Натурная зарисовка.

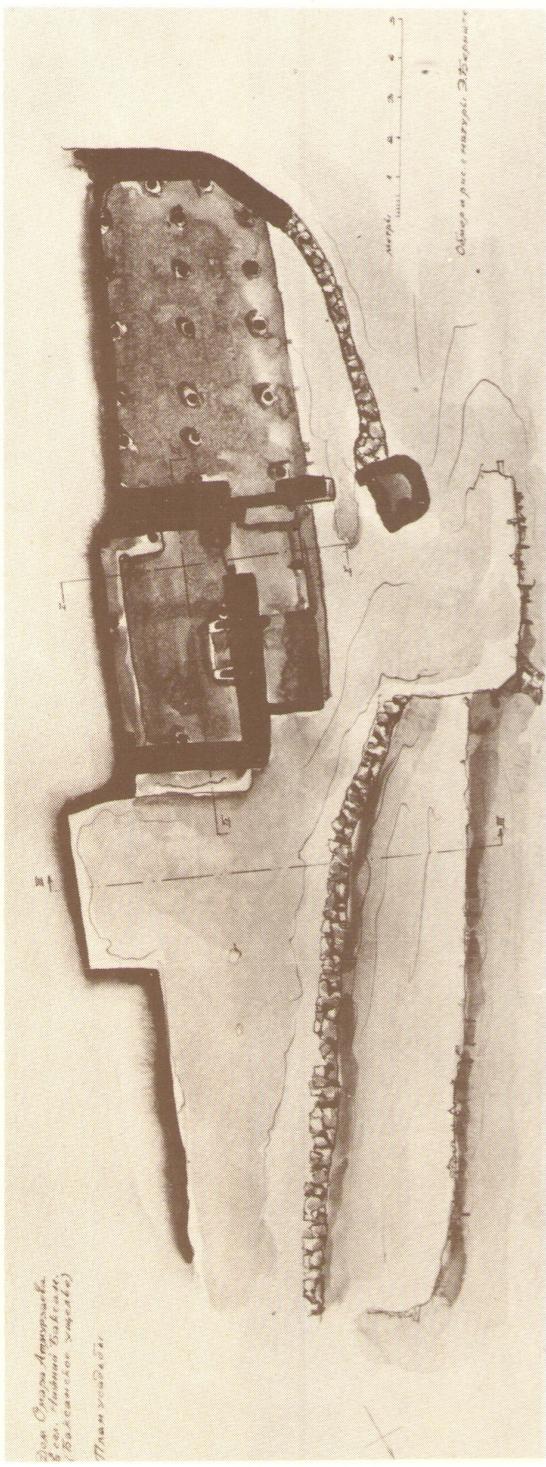
91. Абдулаевский поселок. Дом
Алька Курданова. Натурная зари-
совка.

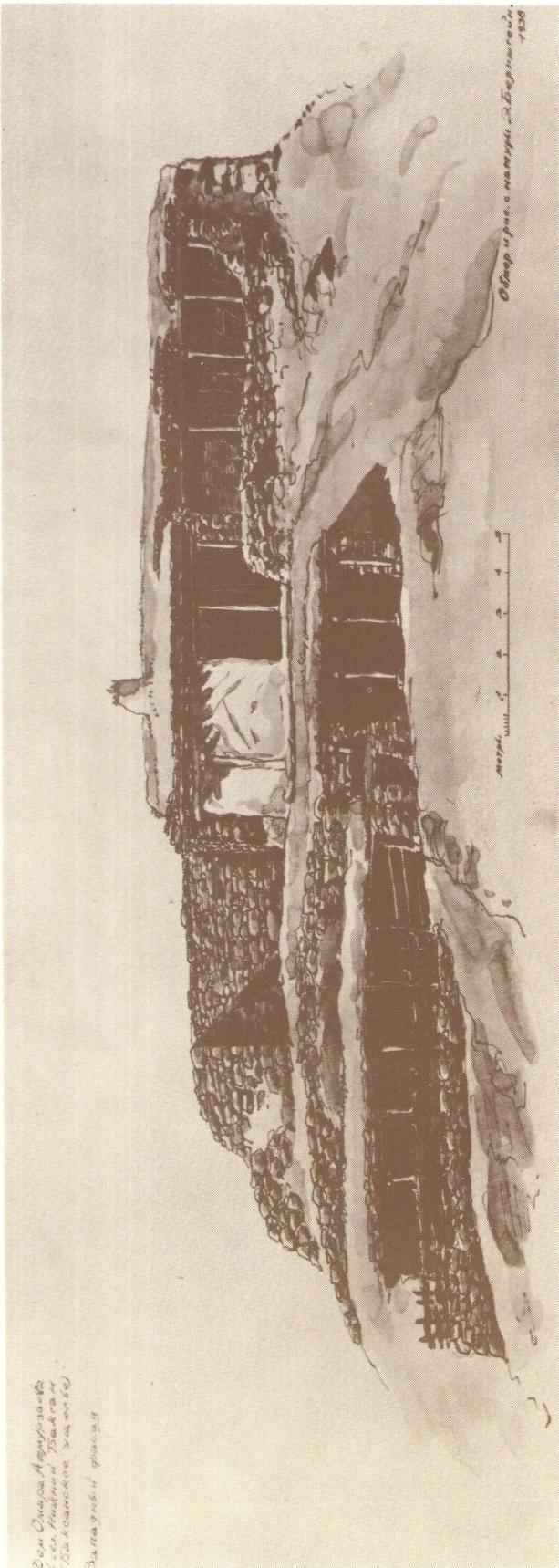
92. Дом Джунуса Гетуева в Абдулаевском поселке. Натурная зарисовка.

93. Дом Омара Атмураева в
Нижнем Баксане. Натурная зари-
совка.

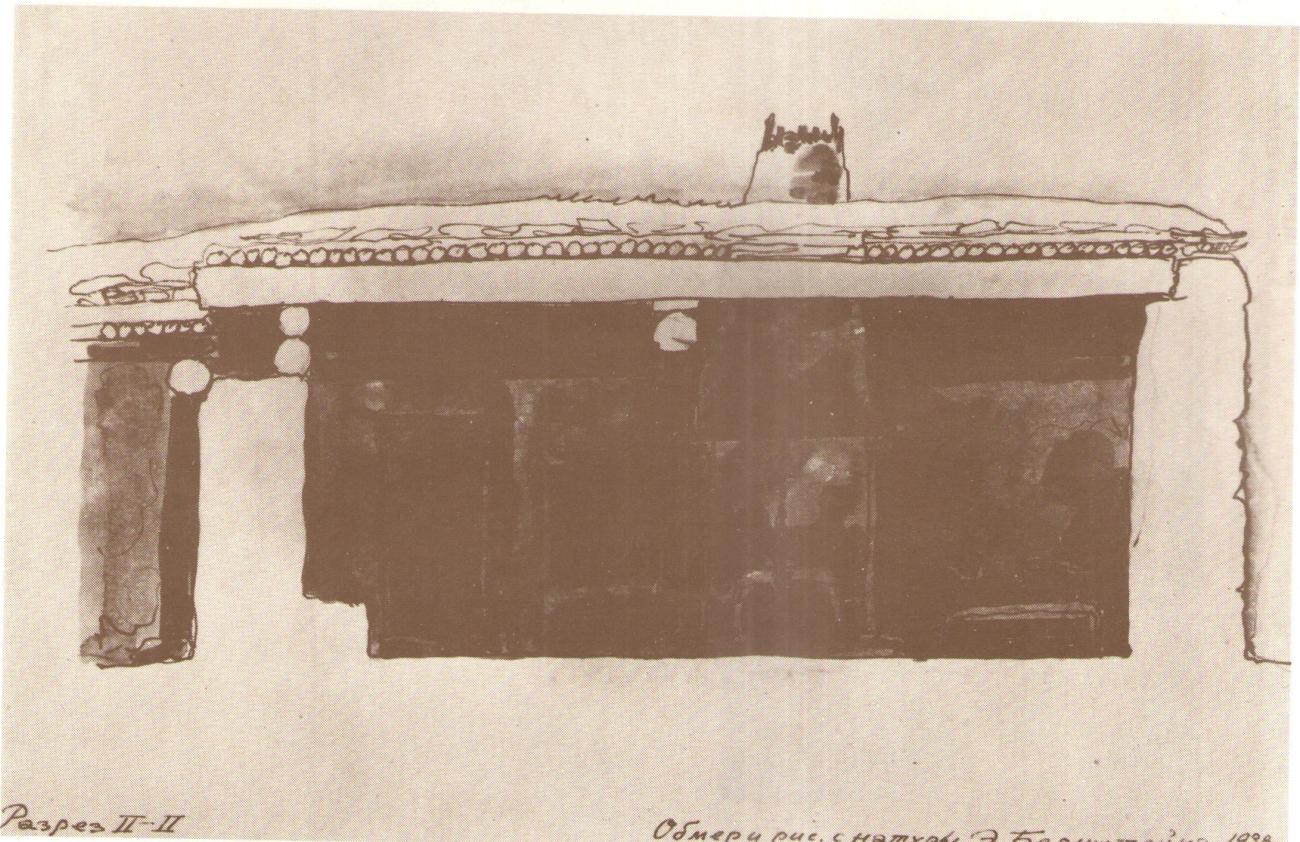
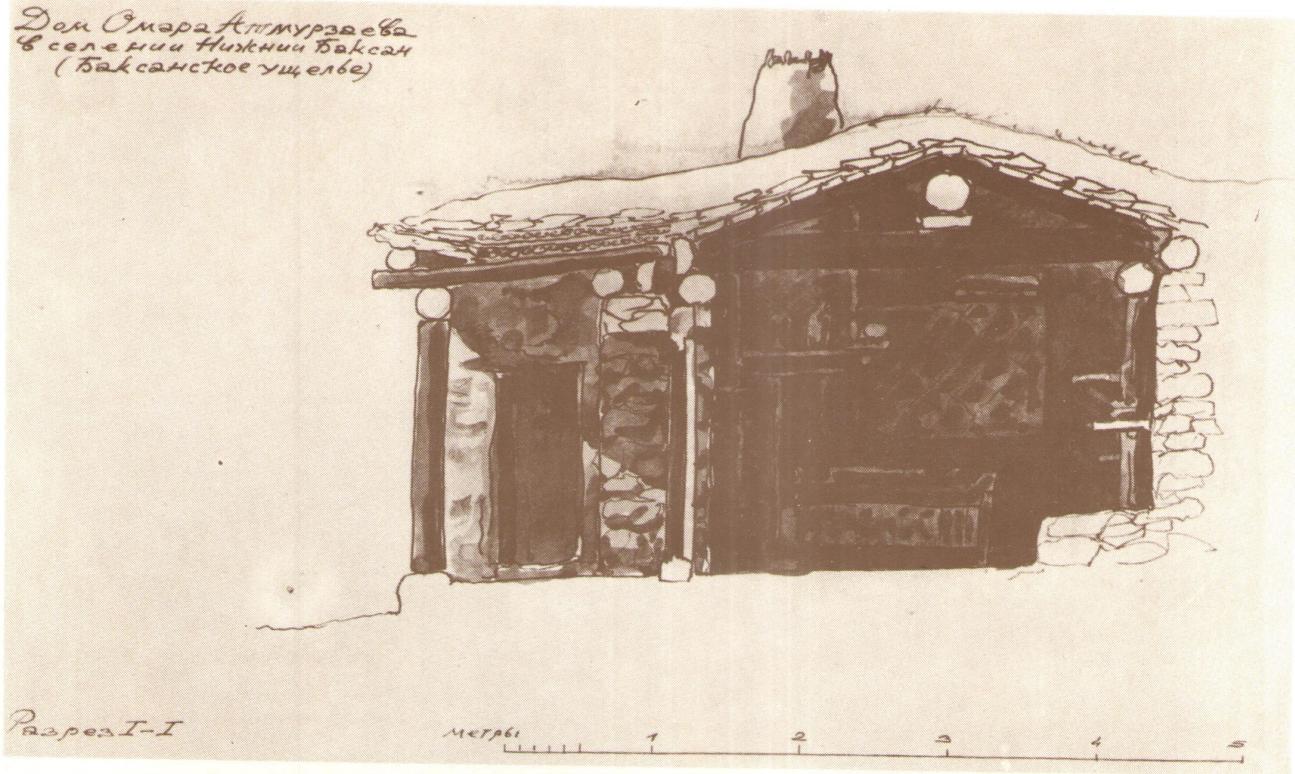

94.лан усадьбы Омара Атмурадзака в Нижнем Баксане.

95. Фасад дома Омара Атмурадзака в Нижнем Баксане.

Дом Омара Атмурзаева
в селении Нижний Баксан
(Баксанское ущелье)

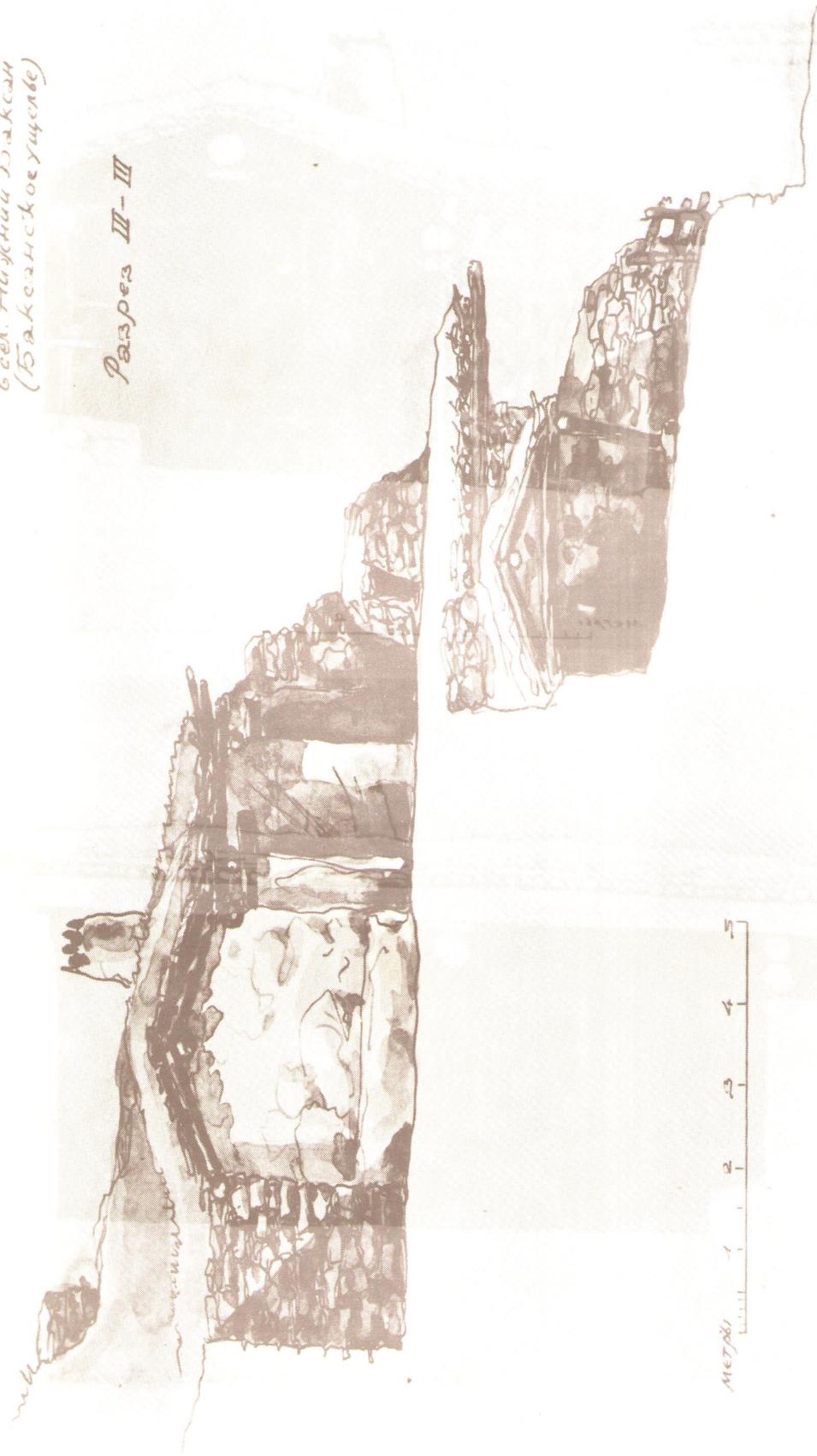
Разрез II-II

Обмер и рис. с натурой Э. Бернштейна 1938.

96. Поперечный и продольный
разрезы дома Омара Атмурзаева в
Нижнем Баксане.

Дом Омара Атмураева
г. сел. Акжанаи Дақылар
(Баксанский район)

Разрез III-III

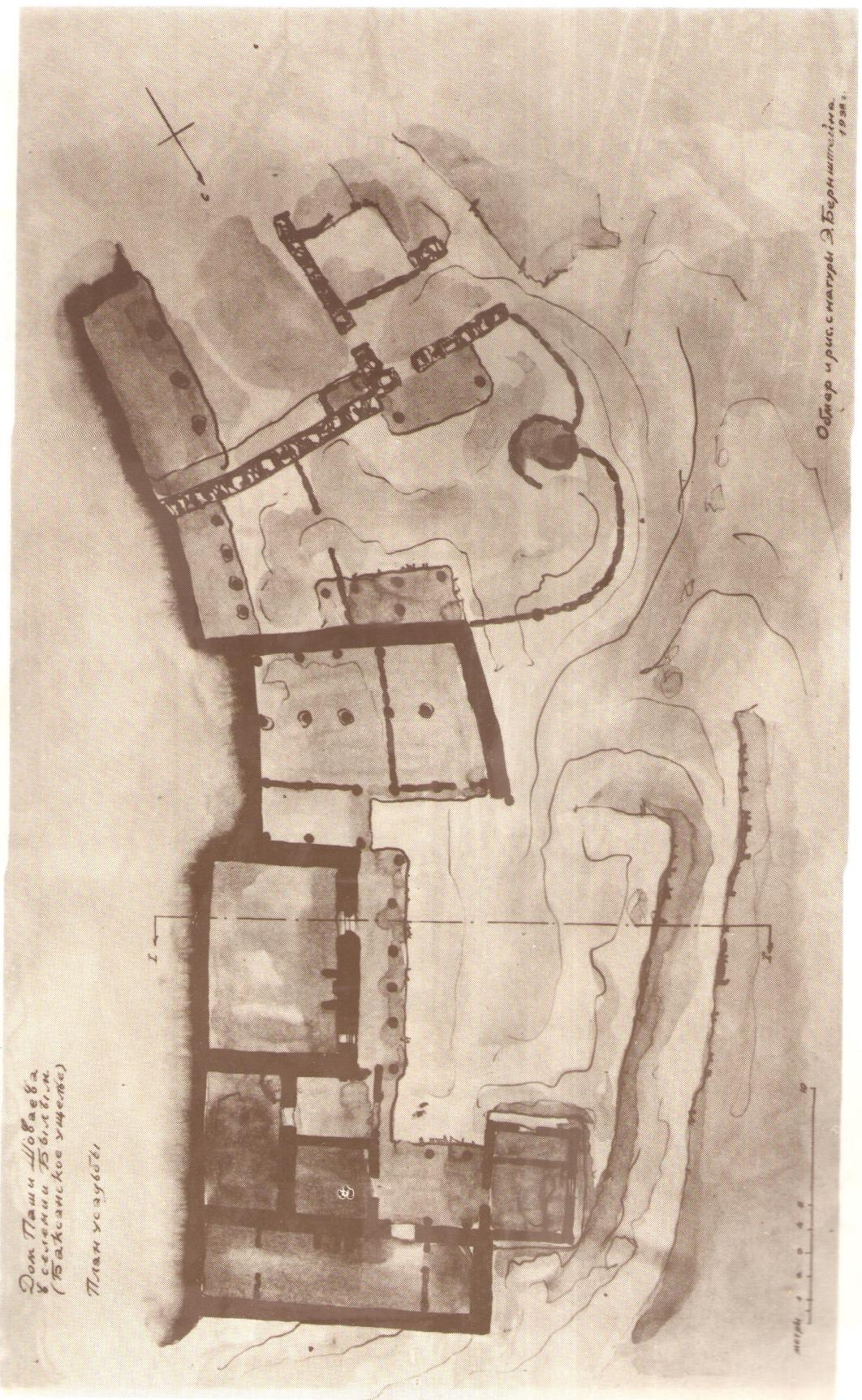
Метры
1 2 3 4 5

Схема разр. с наружн. 2 боковыми
1938 г.

97. Дом Омара Атмураева. Раз-
рез по участку.

98. Селение Былым в Баксанском
ущелье на переднем плане дом Га-
ши Шоваева. Натурная зарисовка.

99. План усадьбы Паши Шовава
в с. Былым.

и Павлов и Григорий
Борисович Борисов

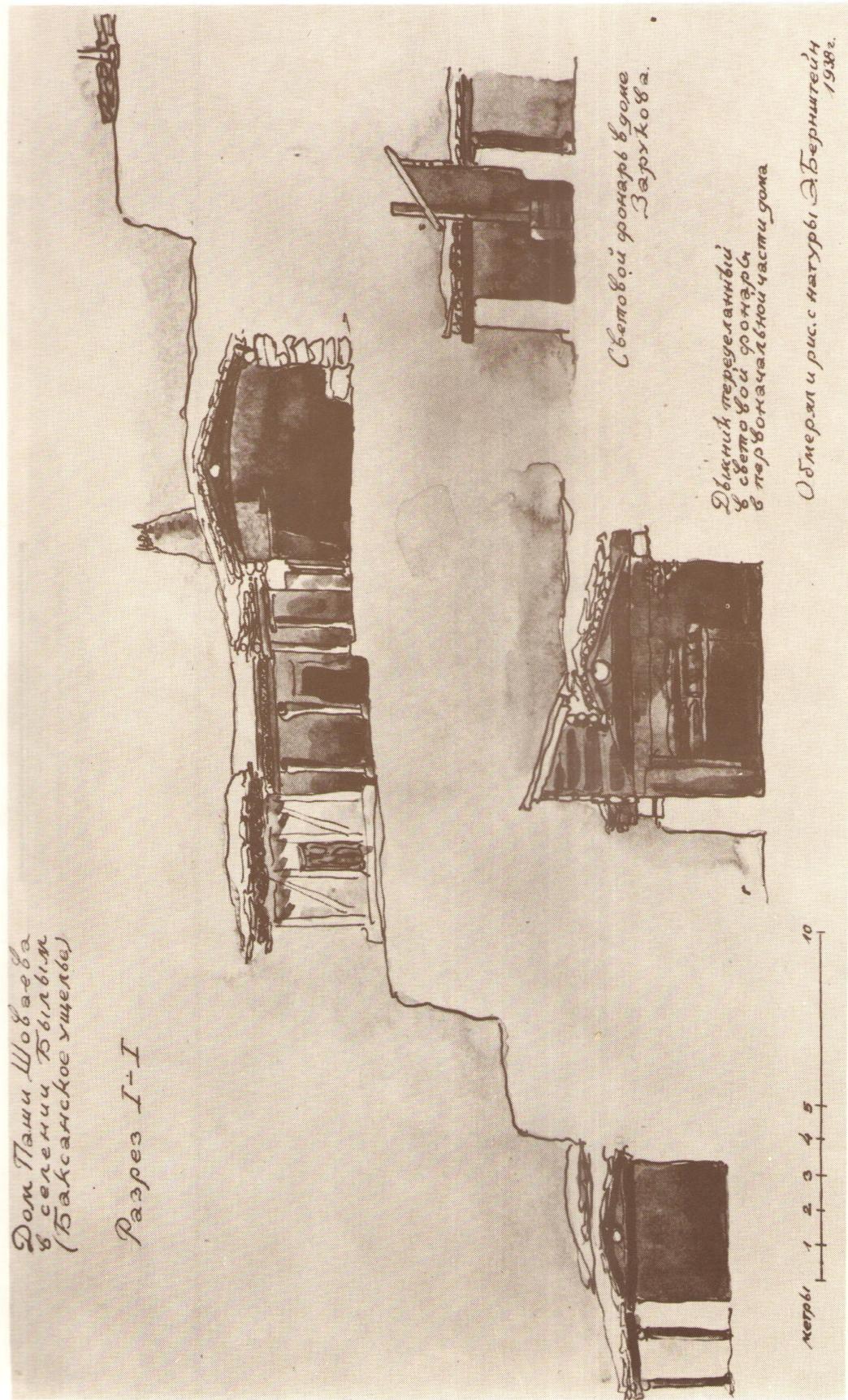
Дом Паши Шовавы
(один из домов)
Село Борисовка
(Борисовка Борисовка)

Ольгерд рис. с натурой. Э. Бернштейна. 1930г.

100. Фасад дома Паши Шовава
и прилежащих построек селения Бы-
лым.

Дом Пашин Шовава
селение Былбиль
(Балканское ущелье)

Разрез I-I

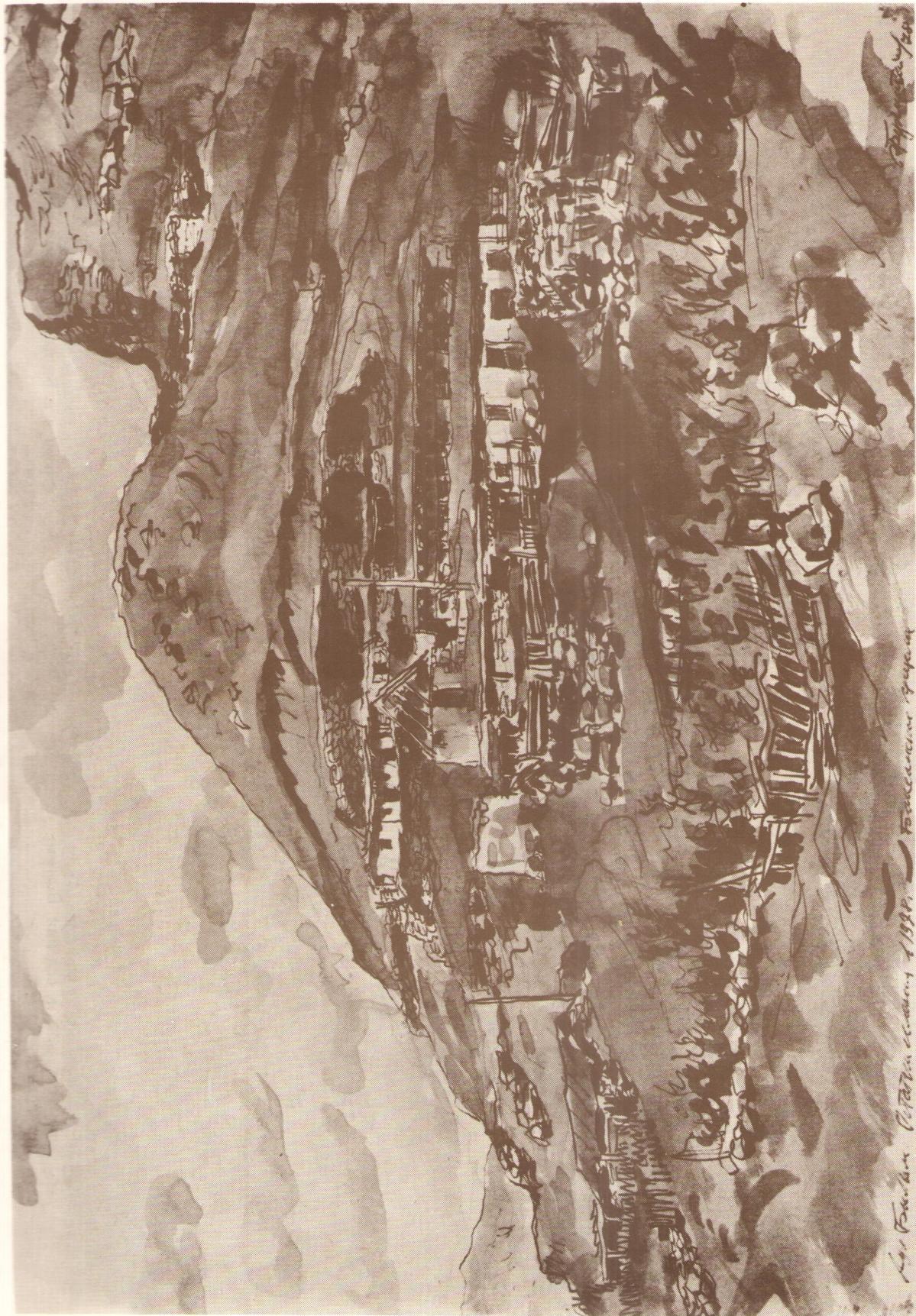
101. Поперечный разрез по участку дома Паши Шоваева в селении Былбиль.

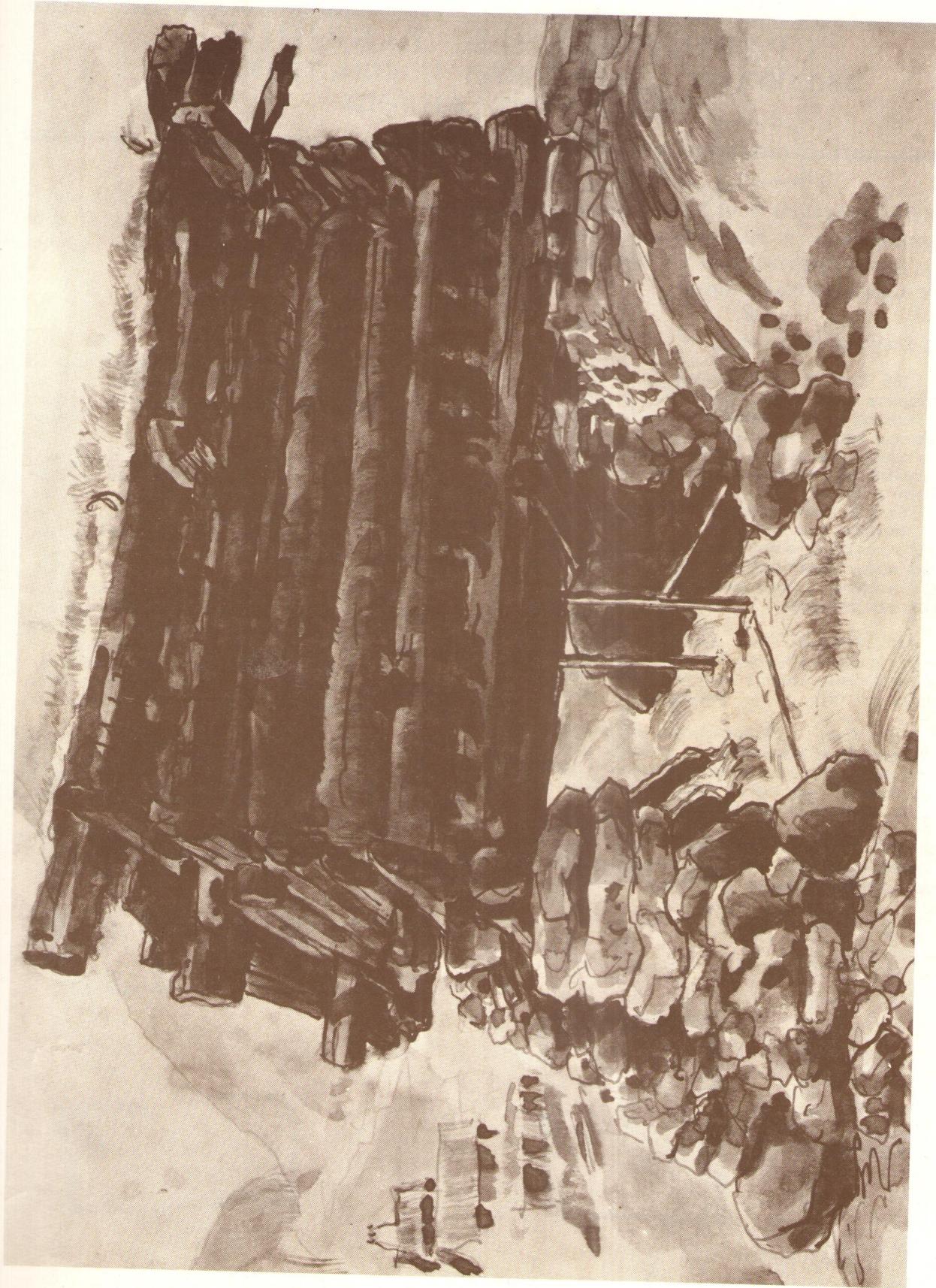
103. Окно в доме Джандара Толгирова в с. Былым. Натурная зарисовка.

102. Входная дверь в доме Джандара Толгирова в селении Былым. Натурная зарисовка.

104. Остатки селения Былым в
1978 году. Натурная зарисовка.

105. Водяная мельница в селении
Верхний Баксан. Натурная зарисовка.

СРАВНИТЕЛЬНЫЕ ТАБЛИЦЫ ЭВОЛЮЦИИ ПЛАНИРОВКИ И КОНСТРУКЦИИ балкарских жилищ

На таблицах показаны формирование типов жилищ на различных этапах социально-экономического развития, разновидности жилищ в зависимости от характера местности, разнообразные приемы конструктивного решения несущих опор, кровли и видоизменения в конструкции очага.

Описание рисунков

106. Табл. 1. Дифференциация дома на жилую и хозяйственную часть. На схемах трех объектов показан переход от постройки, в которой жилище и хозяйственная часть — помещения для скота объединяются в одном помещении, к постройке, в которой хозяйственный двор располагается рядом с жилищем, но отдельно от него.

Вторая часть таблицы показывает изменения в планировке, отражающие постепенный переход от родства к соседству, в процессе которого происходит выделение новых брачных пар в самостоятельные независимые жилища, с сохранением единого комплекса хозяйственных построек.

107. Табл. 2. Типы жилищ: однокамерное жилище со срединным очагом, многокамерное жилище большой отцовской семьи и жилище малой семьи, с пристенным очагом.

108. Табл. 3. Разновидности жилищ, определяемых рельефом местности, на которой они расположены: от поттеррасных жилищ с плоской кровлей на крутых склонах ущелий до жилища с двухскатной кровлей на горизонтальной поверхности.

109. Табл. 4. Разновидности деревянных опор жилищ — от опор из необработанных стволов деревьев с сохранившимися сучьями и стволов, по-

ставленных комлем вверх для лучшего восприятия нагрузок от кровельных балок, до опор в виде колонны, отесанной на несколько граней с признаками энтазиса ствола.

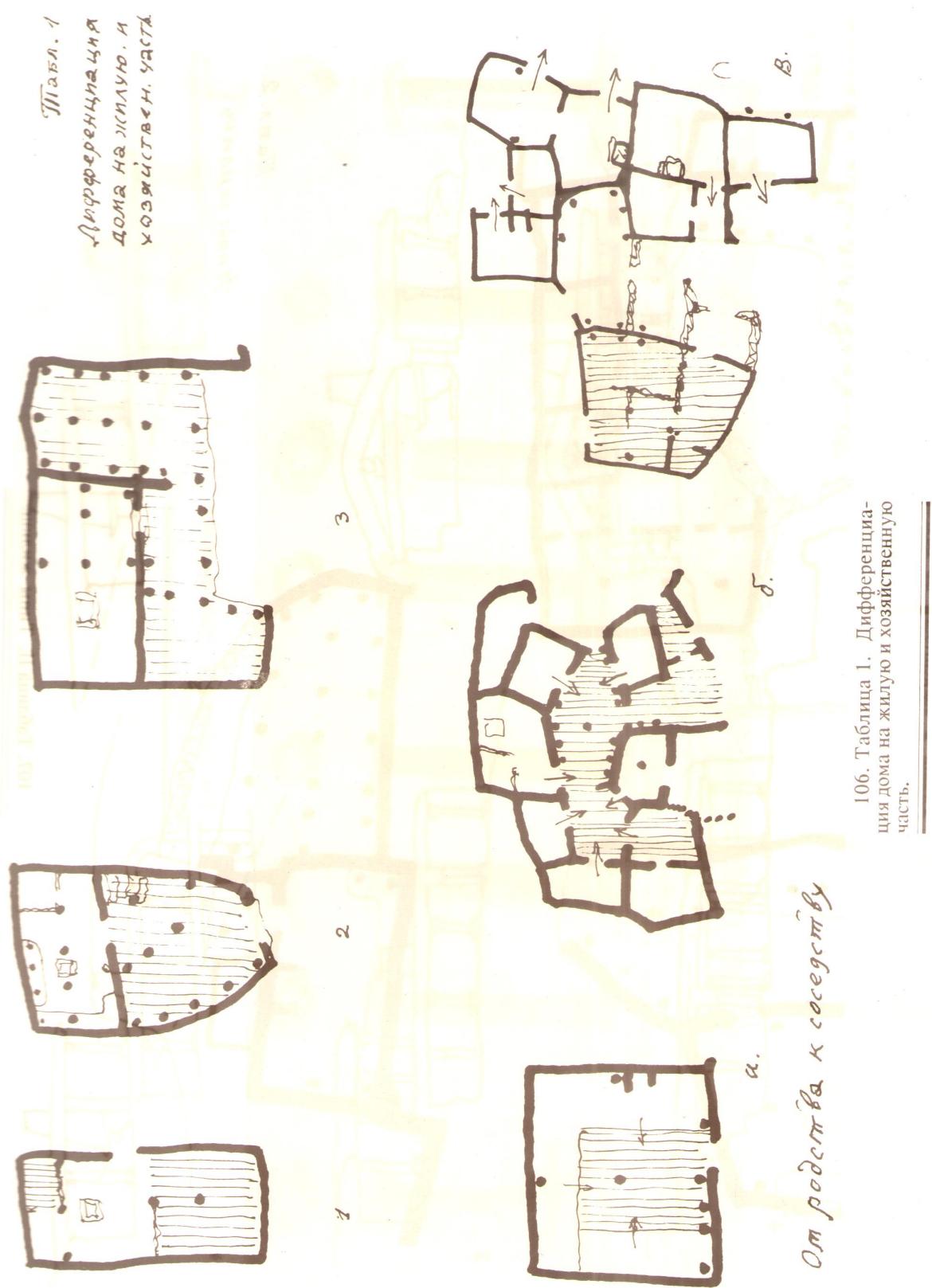
110. Табл. 5. Деревянные опоры хозяйственных построек. Разновидности опор — от конструкции, в которой нагрузка от кровли распределяется между деревянной стойкой и каменной кладкой, до опоры в виде клети, рассчитанной на особо большую нагрузку дерево-земляной кровли.

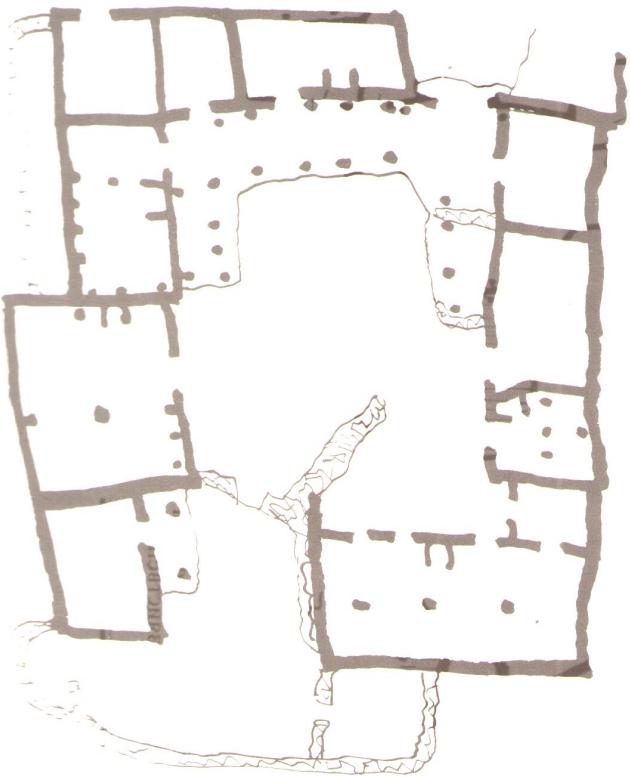
111. Табл. 6. Разновидности конструкции кровли балкарских жилищ от плоской кровли поттеррасных построек до двухскатной кровли жилищ, расположенных на горизонтальной поверхности в долине ущелья.

На таблице даны три примера кровли с применением арочной балки, лежащей сверх конькового бруса, и арочной балки, несущей коньковый брус.

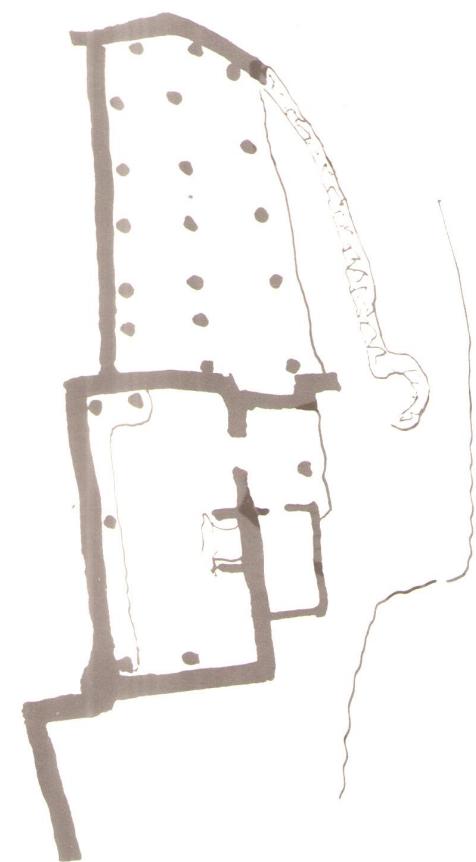
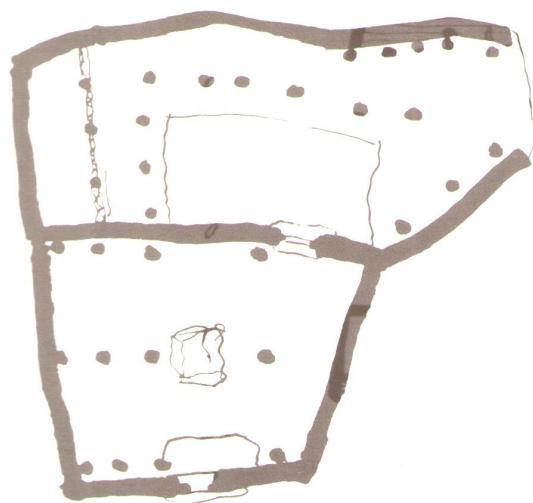
112. Табл. 7. Этапы эволюции в устройстве очага. На таблице показано устройство срединного очага, отапливаемого по-черному, очага с дымником и пристенного очага-камина с дощатым дымником и плетенным из прутьев.

На последней схеме — устройство дымника, переделанного в световой фонарь после установки железной печи.

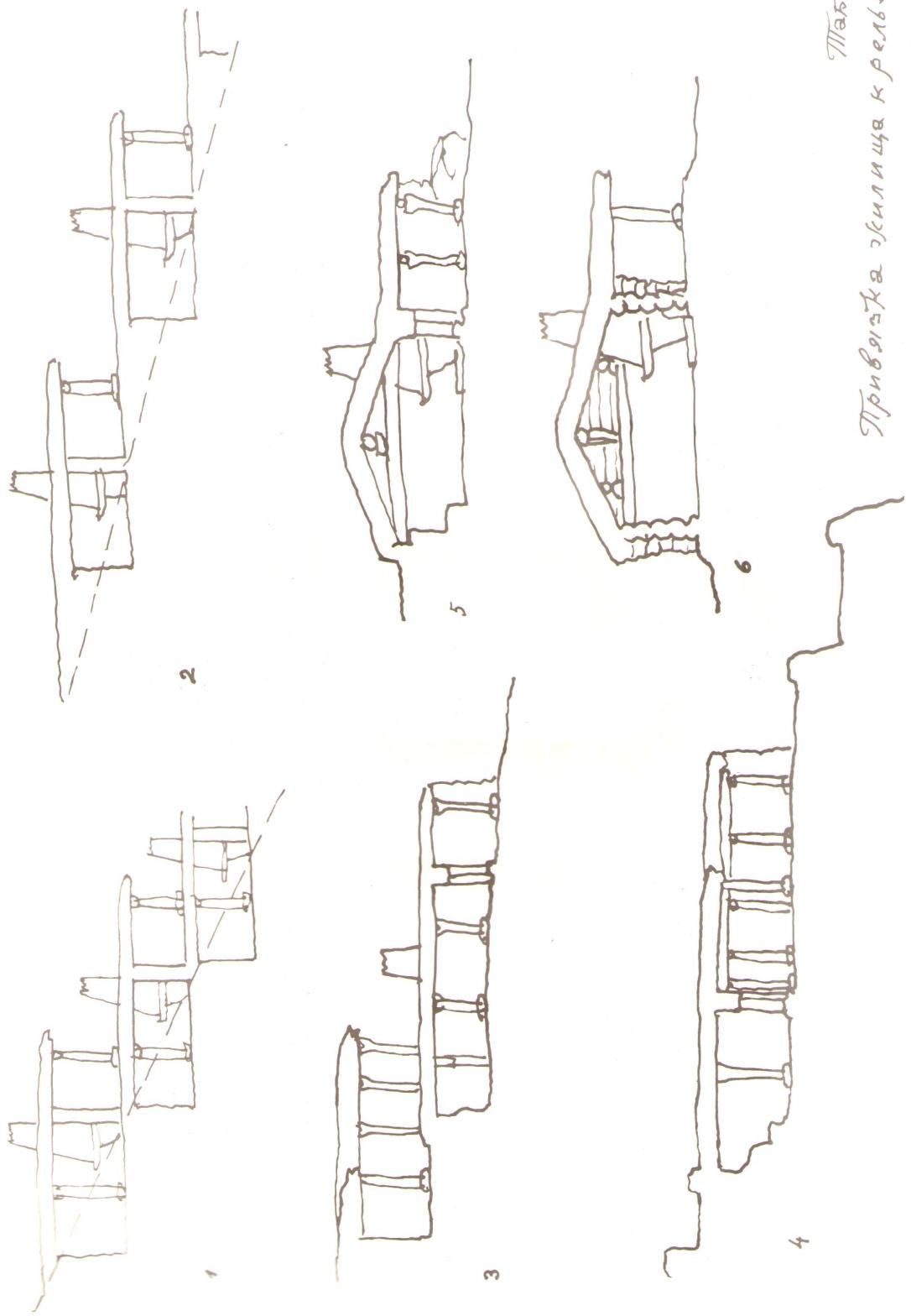

Планы зданий №
106

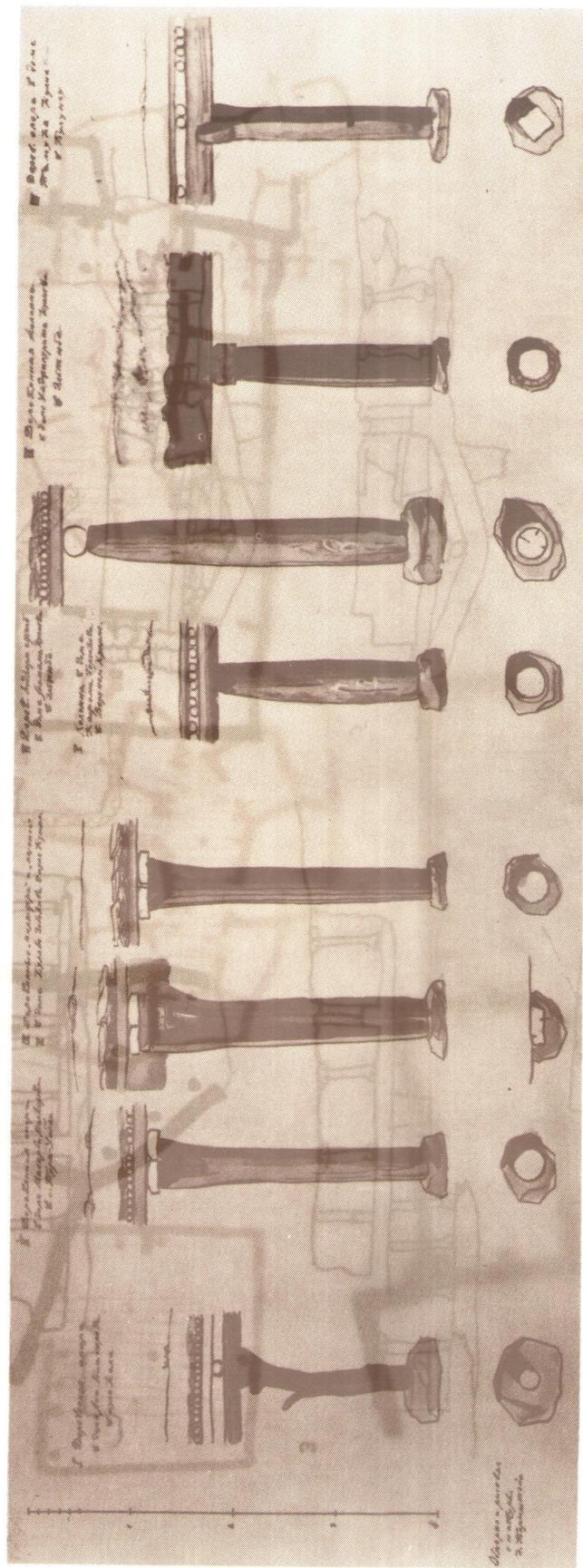

107. Таблица II. Типы жилищ.

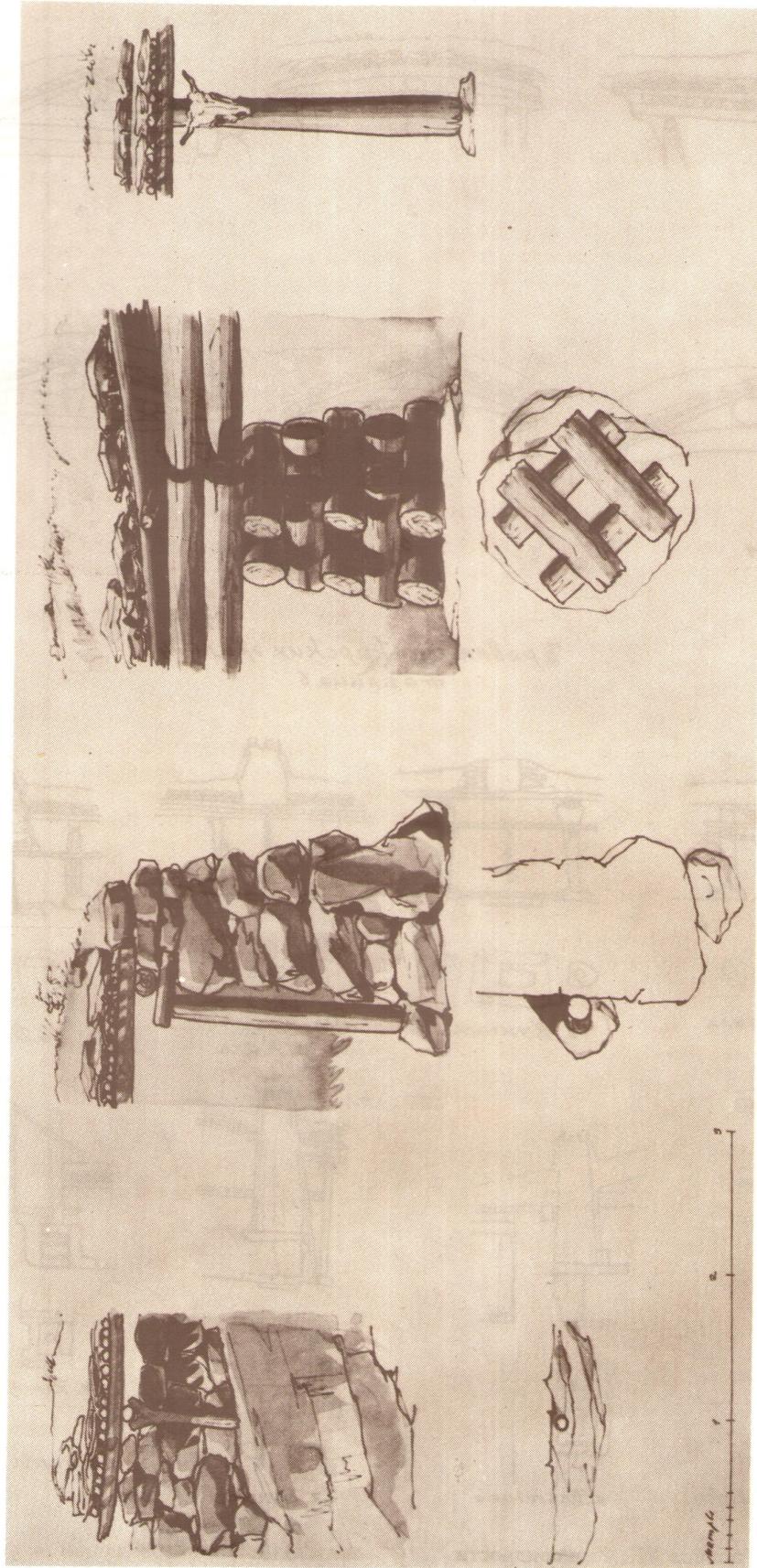

Приёмы земляных работ
при сооружении мостов.

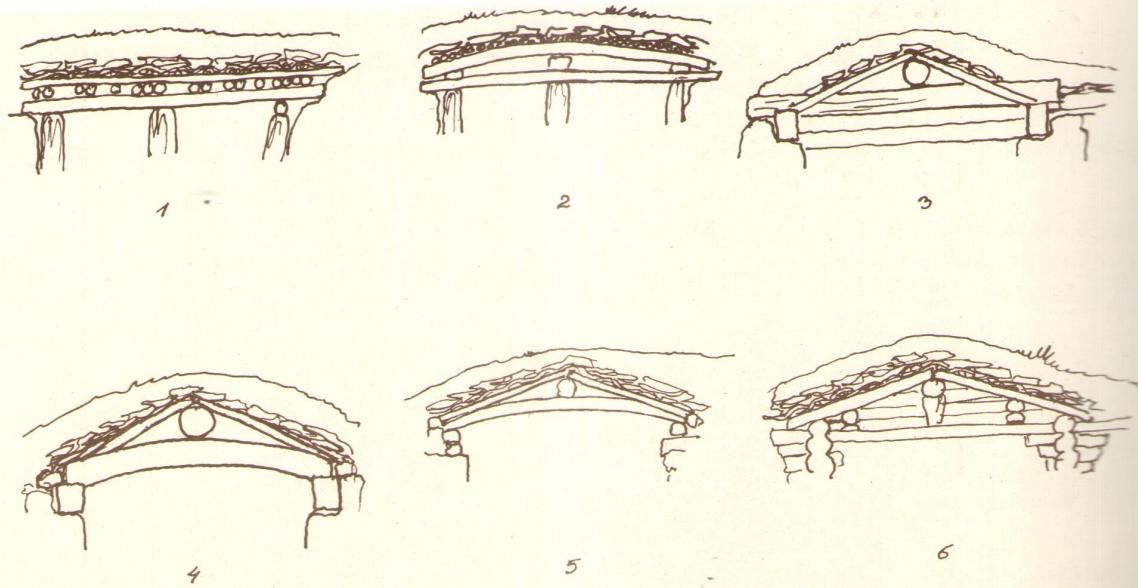
108. Таблица III. Разновидности
железных зависимостей от рельефа
местности.

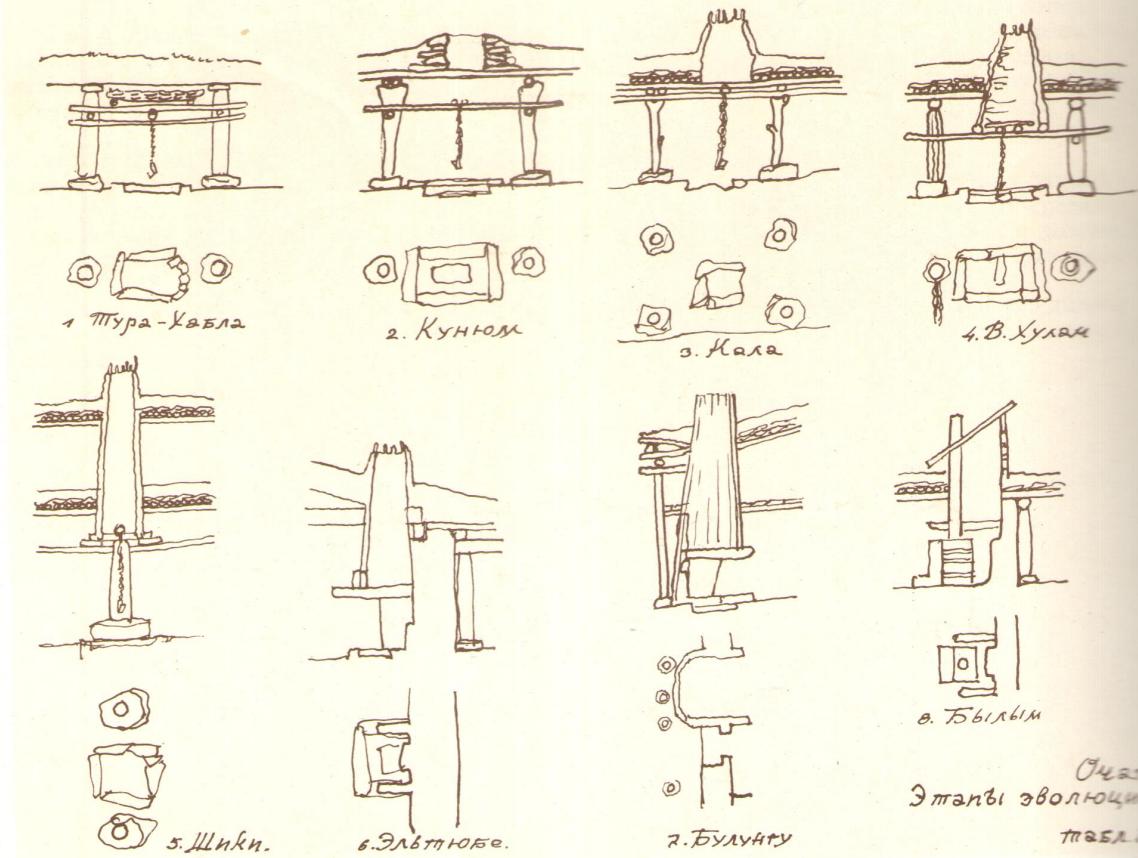
109. Таблица IV. Разновидности деревянных опор.

110. Таблица V. Деревянные опоры хозяйственных построек.

Кровля балкарских экилиш
таблица 6.

111. Таблица VI. Разновидности конструкции кровли.

112. Этапы эволюции в устройстве очага.